



НАДЯ ХЕДВИГ

ЛЕДЯНАЯ
СМЕРТЬ

ЧТО, ЕСЛИ ЧУДОВИЩЕ - ЭТО ТЫ?

Вера ненавидит свой дар оживлять фантазии: когда-то она оживила парня, а тот прямо на ее глазах убил ее друга. Теперь все, чего Вера хочет — забыть о случившемся и жить обыкновенной жизнью. Но у судьбы другие планы: однажды ночью к ней заявляется зловещая старуха и насильно передает свой дар. Оказывается, это одна из четырех Великих Дев — древняя Зима, а дар, который она передала Вере — способность холодом останавливать человеческое сердце.

Чтобы избавиться от страшного подарка, Вера должна выяснить, кто убил ее предшественницу и кто на самом деле стоит за смертью ее друга. А самое главное — почему Зимняя Дева выбрала ее? Уж не потому ли, что настоящее чудовище — это она сама?..

Антон

Незадолго до того, как все случилось, Хельга вызвала меня к себе. Весенняя Дева уже отстрелялась, и правила Летняя — Юля. На улице было жарко, как в Преисподней.

Обычно Хельга пережидала лето у себя в Сокольниках, заказывала вентилятор помощнее и на три месяца превращалась в добропорядочную пенсионерку. Однажды я спросил, может ли она растаять. Хельга рассмеялась и посоветовала мне читать поменьше сказок.

Вентилятор я установил ей еще весной, продукты заказывал раз в неделю, так что понятия не имел, зачем она позвонила. Я приехал ровно в десять, как условились. Хельга не терпела опозданий.

Она открыла дверь, внимательно осмотрела коридор и отступила внутрь квартиры.

— Заходи.

На всякий случай я тоже оглянулся, но ничего странного не заметил. Хвостов не было — их я быстро определял еще с армии.

— Приветствую.

Я вошел. Коридор выглядел как обычно: деревянные стеллажи по углам, плетеная дорожка с запахом пыли. Не похоже было, что Хельге что-то угрожало.

— Что случилось?

— Что ты с порога... Проходи.

Держась за стену, Хельга прошлепала на кухню. Волосы ее побелели, сама она стала словно ниже ростом, сгорбилась. Неудивительно, что летом она не показывалась людям.

— Сделай чайку, — велела она, а сама села за стол, вытянув ноги в тапочках.

Иногда она напоминала мне школьную учительницу: на затылке торчал жидкий седой пучок, тщедушное тело с острыми плечами утопало в голубом свитере с люрексом, надетом поверх строгой черной юбки. Только глаза оставались внимательными и зоркими, как у коршуна.

Я вскипятил воду и заварил чай. Поставил две белых чашки без рисунка на выскобленный стол.

— Я сяду?

— Уж будь добр.

Я сел так, чтобы видеть приоткрытую дверь кухни. Проверил кобуру на поясе. Хельга криво усмехнулась и отхлебнула чай.

— Крепкий... Хорошо.

Я ждал. Она выпила полчашки и сказала:

— Скоро настанет час, Антоша. За мной придут. Не сейчас. Еще есть время, — она замерла, как будто прислушивалась. — Есть время.

Я положил руки на стол.

— Я останусь.

— А ни к чему. Так уготовано. Судьба... Тебе надо будет постараться после.

— Я смогу тебя защитить.

Она покачала головой.

— Я и сама могу себя защитить. Но никто не избежит судьбы. Мне давно уже пора.

Достаточно душ я намучила.

Я оглядел кухню. Два окна, одно приоткрыто — можно пробраться. Третий этаж — вполне. Дверь хлипкая, замок никуда не годится. Поменяем. Если я переберусь сюда, уж как-нибудь...

— Кто нападет? — спросил я. — Когда?

Хельга сверкнула глазами из-под седых ресниц.

— Ты не слушаешь! — рассердилась она.

Я выдержал ее взгляд.

— Ты человек, — Хельга крепко сжала мне запястье сухими пальцами, и я почувствовал, как лед прошил мышцы аж до самой кости. — И спорить со мной брось. Слушай до конца и делай, что сказано. Затем ты и служишь.

Руку хотелось вырвать до чертиков, но я знал, что будет только хуже. Сделал два вдоха и на третий произнес:

— Слушаюсь.

— Так-то, — она кивнула, будто сама себе и отпустила меня. — Седьмого июля этого года в девять тридцать две. Будь под землей. Где надпись «Тверская». Найди ту, у которой волосы светлые и влажные, и страх сковал сердце. Спаси ее, даже ценой чужих жизней. Она и будет мне заменой.

Мокрые волосы и страх в сердце? Это как искать иголку в стоге сена. Но деваться мне было некуда. Если Хельги не станет, некому будет замораживать мое сердце.

— Во что она будет одета? — наконец спросил я.

Часть 1. Старые долги

Глава 1.

Вера

Наум недовольно ворчал на кухне.

Вообще-то я не знала, как его зовут — Принц, Васька или просто Кот, — но решила, что так, с именем, мне будет проще с ним подружиться. Кот был старый, неповоротливый и вместо мяуканья выдавал что-то похожее на «умм». Морда его все время выражала недовольство, усы раздраженно подрагивали всякий раз, когда я звала его, а вид был такой, словно это не он у меня, а я у него живу. В каком-то смысле так оно и было: крошечную однушку на окраине города мне сдали с наказом «позаботиться о старом котике» и похоронить во дворе, когда придет время.

Последний месяц Наум был единственным живым существом, которое составляло мне компанию, если не считать доставщиков пиццы и краснощекой кассирши из “Пятерочки”. Целыми днями я строчила в тетрадь с серыми листами, найденную тут же на антресолях. Писала все, что помнила из прежней жизни — точнее, что случилось три года назад.

Редкие вылазки за продуктами и мелочами вроде порошка и прокладок чередовались с ночными кошмарами и попытками снова заснуть среди шорохов старой квартиры. Но я не жаловалась. То, что я вообще прожила этот месяц, не растворившись в воздухе и не покончив с собой, уже было неоспоримой победой.

Но надо было двигаться дальше. Так что сегодня я приняла два важных решения. Во-первых, никаких больше выдуманных денег: обидно будет разменять остатки души на воображаемые бумажки. Во-вторых, пора было возвращаться к нормальной жизни.

Три года назад, когда пропала из мира, я только-только закончила школу. Выпускной класс запомнился страшилками учителей о том, как тяжело сдавать ЕГЭ, и периодическими препинаниями с мамой на тему выбора профессии. Мама верила, что любого человека может прокормить бухгалтерия. Я считала, что бухучет совместим со мной так же, как лохмотья бездомного с фарфоровой вазой.

«Уммм!»

— Ну что опять?

Уже двадцать минут я пыталась открыть файл с ЕГЭ по истории за прошлый год. Не знаю, в каком году появились компьютеры, но тот, что стоял передо мной, явно относился к первой сотне. Стационарный блок занимал почти все место под столом. Монитор, напоминающий большую белую коробку, постоянно мигал.

Можно, конечно, просто вообразить себе школьный аттестат и результаты экзаменов...

— Наум?

Я закрыла программу и прислушалась. На кухне было подозрительно тихо. Никто не драг остатки обоев, не мял лапой случайно упавший пакетик и не разбрасывал по полу наполнитель из лотка. А если он умер? Лежит там в луже... Пытаясь избавиться от навязчивой картинке, я перевела взгляд на монитор. На заставке девушки с обручами на головах водили хоровод, взявшись за руки.

— Наум!

Я поднялась, чувствуя все затекшие мышцы разом, и пошла на кухню. Коридор освещала единственная тусклая лампочка, но я уже настолько привыкла, что могла ориентироваться

наощупь.

Кухня была крошечная, с линолеумом из прошлого века, квадратным столом на одного и кушеткой вместо стульев. Кот сидел на столе и смотрел на меня желтыми глазами. Пол устилала исписанные листы, некоторые — помятые и подранные.

Вот нахал.

— Хочешь остаться без ужина? — я начала собирать листы, на автомате отмечая, что тексты о Косте остались целыми.

Кот моргнул. Я одернула домашнее платье — одно из нескольких, что нашлись в шкафу бывшей хозяйки квартиры, — и демонстративно повернулась к нему спиной.

Единственная чистая чашка стояла у плиты, остальные выстроились в ряд у мойки. Хозяйка из меня еще та, особенно без мамы. Я включила электрический чайник с жирными отметинами чьих-то пальцев и вдруг ощутила навалившуюся усталость.

Уже месяц я пыталась заглушить воспоминания и научиться жить в новой реальности. Посоветоваться было не с кем. Звонить подругам со словами «Знаешь, последние три года меня не было в мире» — идея так себе. Да и не было у меня таких подруг.

Чайник вскипел, я залила пакетик и поставила исходящую паром чашку на пяточок свободного от листов стола. Допустим, сдам я ЕГЭ. Два обязательных, русский и математика, плюс один по выбору. Даже проверну аферу с фальшивым аттестатом. Поступлю в институт. Найду подработку. Буду, как все, проводить часть жизни в дороге, часть — на работе и учебе, а в редких перерывах вспоминать, что существует другая реальность — ярче, красочнее, объемнее. Стоит только представить ее себе... и заплатить за это очередным кусочком своей души.

Я сделала глоток. Чай горчил. На кухне становилось жарко — сквозь приоткрытое окно просачивался нагретый солнцем воздух. Наум спрыгнул со стола, задрал облезлый сизый хвост и растянулся на пороге. Я со вздохом подобрала последние раскиданные им листы, выхватив из строчек несколько слов — Костя, удар, лезвие. Сердце забилося, как у хомячка в клетке.

Никто больше не погибнет по моей вине.

— Умм!

— Ты голодный, что ли?

Я проверила его миску — на доньшке лежала пара крошек сухого корма. Тут я вспомнила, что сама с утра ничего не ела, и в животе заурчало. Варить макароны или рис не хотелось — наелась за последний месяц.

Я вернулась к компьютеру и по памяти вбила в поисковик название любимой пиццерии. Страница грузилась бесконечно. Вот бы забрать ноутбук у мамы... Но как заявиться к ней после трех лет, я не представляла. Наверняка я числюсь пропавшей без вести или что-то вроде того.

Страница загрузилась, и на экране замелькали аппетитные картинки.

«Умм!»

— Я поделюсь с тобой, ненасытное животное, только замолчи!

«Умм!»

— Ну что такое?

В дверь позвонили. Писклявая «птичка» заливалась по всей квартире. В груди мазнуло дурным предчувствием, но я затолкала его подальше. Это же реальность. Здесь чудовища не прячутся на лестничной клетке.

Я тихо подошла к двери и, приподнявшись на цыпочки, заглянула в глазок. На пороге стоял Лестер. Некогда роскошную шевелюру сменили редкие седые волосы, у глаз залегли глубокие морщины, а помятый льняной костюм, больше похожий на пижаму, балахоном висел на тощем теле. Но это был он.

Секунду помедлив, я открыла.

— Что ты тут делаешь?

— И тебе привет, Вера, — Лестер погладил воздух у моего лица.

Ногти у него были узкие, пальцы походили на птичьи когти. Взгляд не отрывался от точки где-то посередине моего лба. В своей реальной ипостаси Лестер был слеп.

За спиной снова мяукнул Наум, вальяжно приблизился к Лестеру и понюхал носки его остроконечных туфель. Интересно, поймет ли животное, что Лестера... как бы это сказать... не существует.

— Откуда ты? — спросила я.

Он пожал угловатыми плечами.

— Оттуда же, откуда и ты, — голос его был немного сиплый, с вкрадчивыми нотками.

Я отступила вглубь квартиры. Пригласить его? Вряд ли он просто испарится, раз пришел. Лестер никогда не появлялся просто так и никогда не приносил хороших вестей.

Тут дверь квартиры напротив распахнулась, и в коридор вылетела растрепанная конопатая девочка.

— Саня не пойдет гулять! — завопила она. — Он не съел кашу! Я сама видела. Ой!.. — она с разбега врзалась в Лестера. Я уловила знакомое выражение на его лице — смесь надменности и отвращения.

За девочкой появился такой же растрепанный мальчик. Кроме памперсов и домашних тапочек на нем ничего не было.

— Вс'о она в'от! — пискнул он. — Ой, киса!

Наум, предупредительно мявкнув, юркнул в комнату. Мне захотелось последовать его примеру.

— А вы здесь жив'оте, да? — ребенок обошел Лестера и просунул голову в коридор. — А киса выйдет?

Мальчик потерял об косяк нечесаной шевелюрой, и памперс с едким запахом почти коснулся моей ноги. Девочка отпихнула брата и попыталась сама заглянуть в коридор.

— Эй, ты че пи'аешься?

— Я старше!

— А я си`нее!

— А я все маме расс'ажу!

По сравнению с этими детьми Наум был сущим ангелом.

— Дети, — начала я. Кажется, никто так не обращается к детям, кроме учителей из старых советских книг, которые я читала в детстве. — Киса уже старенькая, она не хочет...

— Кис-кис-кис! — засюсюкала девочка и протянула собранные в горсть пальцы.

Да господи, это же не утка. Я заслонила ей проход.

— Киса устала и хочет спать.

— Хочу кису! — мальчик несильно стукнул по наличнику и выставил ножку на порог.

Я с надеждой взглянула на стеганую дверь напротив. Вдруг мама все-таки позовет их? Или няня. Или бабушка. Но тишину коридора нарушало только упрямое «кис-кис-кис». Лестер застыл, как мумия, а Наум наверняка уже прорыл ход в Нарнию. Похоже, помощи

ждать было неоткуда.

Я обещала себе этого не делать. Сегодня утром обещала. Не воображать деньги на раскрытой ладони. Не придумывать липовый аттестат. Не верить, что парень со старой фотографии ожил. После той истории три года назад, у меня осталась только половина души, и это ощущалось так, будто в груди зияла дыра размером с елочный шар.

Ненавижу детей.

Я глубоко вздохнула и перевела взгляд в черноту уходящего вдаль коридора. В тот же момент с лестницы потянуло холодом. Повинуясь моей воле, по краю выцветшей дорожки поползли белесые щупальца, похожие на ядовитый плющ. Вот они слепо ткнулись в стоптанные домашние тапочки, вот обвилились вокруг пухлых ножек с ссадинами от постоянных падений...

Лестер беззвучно захихикал, и я отвлеклась. Видение растаяло, оставив одной мне слышимый хруст в ушах и ощущение отколовшегося осколка в груди.

— Я смотрю, ничего не меняется, а, моя радость? — он расплылся в довольной улыбке.

— Не называй меня так.

— Я уж и забыл, какая ты кровожадная.

— А можно... — заныл мальчик, пытаюсь протиснуться в коридор.

— Нет.

Я схватила Лестера за локоть и потянула за собой в квартиру. Дети сунулись было следом, но я быстро захлопнула дверь. Из коридора послышался рёв.

— Вижу, Эдгар научил тебя только хорошему, — как можно более благожелательно заметил Лестер.

Я одернула домашнее платье.

— Я сама его всему научила. Располагайся.

Вера, 12 лет

Стоило мне научиться писать, как я начала выводить в тетрадях, что нахожусь в сказочном замке, а вокруг парят гигантские драконы. Или что мимо моего окна только что пролетел волшебник в прозрачной синей мантии и помахал мне рукой. Иногда я воображала, что кто-то с тихим голосом и улыбкой, которую не видно из-за темноты, сидит у моей постели и долго и вдумчиво со мной беседует.

У меня не было тяжелого детства, жестоких родителей и моральных травм. Меня никто не обижал, моя жизнь не делилась на до и после. Я просто слишком много чувствовала — от себя, от других людей, от реальности, что царапала душу, как наждачная бумага. В качестве подушки между ней и собой я научилась использовать собственные фантазии. Поначалу, чтобы вообразить что-то, мне нужно было описать это, вывести ручкой на бумаге. Потом я научилась обходиться одним воображением, хотя и оно имело свою цену.

Мне было двенадцать, когда я поняла, что могу оживить придуманное не только для себя, но и для других. В кинотеатре тогда крутили "Звонок". Классная решила, что фильм молодежный, и организовала нам совместный поход. Страшно не было: весь фильм параллельно с криками героев в зале слышались хруст попкорна и нервные смешки. После киносеанса мы вместе с подругами отправились к водохранилищу. Дело было летом, мы валялись на траве у самой воды и поглощали мороженое, пытаясь успеть раньше, чем оно потечет по запястьям. Я смотрела на зеленоватую гладь и лениво размышляла — что, если

оттуда прямо сейчас покажется мертвенно-белая рука с облезлыми ногтями?

В это мгновение что-то внутри меня словно хрустнуло. Как будто от песочного печенья отломился крошечный, едва заметный кусочек. Я не успела подумать, что это — над водой медленно появилась черноволосая голова. Покатый лоб белел на фоне мутной жижи, брови угрожающе хмурились, а худые пальцы тянулись ко мне. Кто-то закричал “Беги”, но я не могла двинуться с места.

Тогда и появился Лестер. Он вальяжно шагал по траве, шаркая золочеными туфлями на каблуках и поигрывая тростью с сапфировым набалдашником. Серебристый камзол блестел на солнце, за плечами развевалась копна белоснежных волос. Он остановился у кромки воды, снисходительно посмотрел на утопленницу и тростью отпихнул тянущуюся к нему руку.

— Какая гадость!

— Что мне делать? — пропищала я.

— Откуда я знаю, что тебе делать. Сама придумала, сама разбирайся, — скривив тонкие губы, высокомерно ответил он.

— Я не знаю, как!

Лестер откинул назад свои роскошные волосы и с изяществом, которому позавидовала бы любая голливудская звезда, пожал плечами. Утопленница снова потянулась к нему, норовя ухватить за щиколотку.

— Фу! — шикнул он, как шикают на назойливую собаку.

Лестер отошел на достаточное расстояние и приготовился наблюдать. Я оглянулась на девочек и с удивлением обнаружила, что те замерли — кажется, даже перестали дышать. Словно кто-то поставил мир на паузу.

— Смотри на воду, Вера, — со вздохом подсказал Лестер. — Она должна вновь стать прозрачной. Просто представь это.

Когда мне удалось поверить, что никакой утопленницы в воде нет, что-то снова хрустнуло в груди. Еще один крошечный кусочек откололся от печенья. Лишь несколько лет спустя я поняла, что печеньем была моя душа.

Окно за моей спиной было распахнуто настежь, пахло надвигающейся грозой. Дождь должен был пойти совсем скоро. Я усадила Лестера на кушетку, села на единственный на кухне стул и приготовилась слушать.

Он неуверенно пошарил пальцами по столешнице, наткнулся на мою чашку, сделал большой глоток и тут же зашелся кашлем.

— Кипяток, — сообщила я без тени сочувствия.

Отгородившись стопкой исписанных листов, я украдкой за ним наблюдала. Лестер напоминал узника концлагеря. Непривычно было видеть его таким немощным. Я бы спросила, что такого произошло за три года, что он из сияющего принца превратился в оборванца, но опыт подсказывал: чем больше расспрашивать, тем больше таинственности он на себя напустит.

— Я слышу твои мысли, — прошелестел Лестер.

— Так ты теперь не волшебник, а телепат?

— Нет, конечно! Но это несложно. Воздух перед тобой вибрирует. Страх? Вряд ли ты меня боишься. Недовольство? Грусть? Ах, моя радость, я нравился тебе больше, пока был ненастоящим? — спросил он в притворном огорчении и склонил голову набок. — Но что мы все обо мне. Ты вернулась. Сколько уже? Неделя?

— Месяц.

— Ого! Как это я пропустил... И правильно. Все лучше, чем парить в невесомости. Интересно, какая ты стала? Слышу, голос окреп. А сама? Такая же русоволосая красавица?

В голосе его сквозила насмешка, но такая тонкая, что кто-то другой вряд ли распознал бы ее. Я невольно провела рукой по волосам — они уже так отросли, что легко заплетались в косу. Про красавицу я ничего не знала. Единственное зеркало висело в темной ванной с мигающей лампочкой, и я не то, что лицо, а даже собственные ноги едва различала, когда мылась. Но Лестеру об этом знать необязательно.

— Чего ты хочешь? — спросила я.

— А ты? — Лестер снова поднес чашку к губам. — Почему ты вернулась?

Я посмотрела прямо в белесые глаза. Знает ли он, что Костя погиб? И что я, собрав остаток сил, выдернула себя и Эдгара из реальности, когда это произошло?

— Захотела, — коротко бросила я.

Лестер наклонился вперед. Чудом не расплескав остатки чая, втянул тонкими ноздрями воздух.

— Грусть. Старая... Почти не болит. Ты жалеешь? — он потрогал воздух передо мной кончиками пальцев. — Ай-яй. Я же говорил, не принимай поспешных решений. Три года жизни. Кому ты сделала лучше? Мертвые, знаешь ли, непритязательны.

Я не ответила. Мне до сих пор часто снился тот момент. Как Эдгар, оживленный силой моей души, прижимает Костю к полу одной рукой, а другой достает из-за пояса нож. Дальше — звук вспоротой вены, мой крик и натянутая тишина.

Сейчас я поступила бы иначе. Ударила бы Эдгара по голове чем-нибудь тяжелым и вызвала скорую. Но тогда я почему-то решила, что должна разделить с ним эту участь. Вычеркнуть его и себя из мира. Поверить, что нас никогда не существовало.

Я забрала чашку из слабых пальцев Лестера.

— Ни о чем я не жалею. И хватит... — я не успела договорить, как предгрозовую тишину снова прервала визгливая трель.

На дверной звонок было не похоже: тот напоминал птичку, а это была целая раненая антилопа. И ревела она из самого дальнего угла кухни.

— Я думал, когда звонит телефон, на него отвечают, — заметил Лестер.

— Я даже не знаю, где он.

— Звук идет оттуда, — он указал длинным костлявым пальцем в сторону кухонного шкафа. — Что там?

— Шкаф. Телефон не может быть в шкафу.

— А слепой не может ошибаться.

Трель разрывалась у меня в голове, где-то между лбом и макушкой. Пройгнорировав мысль о том, что ни один человек в здравом уме не поставит телефон в шкаф, я стала яростно рыться в его недрах. Сахарница с ржавыми монетами, макароны, соль, лунный календарь — наконец у дальней стены обнаружился красный аппарат с поломанным диском. Я схватила трубку, чтобы сбросить звонок, но Лестер тихо велел:

— Ответь.

— Мне не с кем здесь разговаривать.

Трубка тут же отозвалась маминым голосом:

— Как это не с кем, Вера? А как же я?

— Мама?

Я уселась прямо на дно шкафа, заваленное газетами и журналами разных годов.

— Конечно! Ну, рассказывай. Я тебя сто лет не слышала. Как там на стажировке?

— Что?..

— Как будто нечего матери рассказать! Месяцами не звонишь, совсем забыла меня в своей Америке.

Стажировка? Америка? Я выглянула из шкафа. Лестер загадочно улыбался бескровными губами. Волшебник хренов. Кто его просил?

— Вера?

— Да, мам.

— Ты вернулась? Я как будто начала забывать твой голос...

Я вздохнула. С какого места ей рассказывать правду?

— А я что-то совсем замоталась. То одно, то другое. На работе у нас такое творится! Одни сокращения. Людей выживают с рабочих мест. Я двадцать лет работаю и ни разу такого не видела! Ты когда вернешься, кстати?

Из-за распахнутой дверцы шкафа медленно вышел Наум, с трудом переставляя лапы. Может, отвезти его к маме? Там о нем точно позаботятся...

— Вера!

— Да, мам. Скоро. Я скоро вернусь. Пока.

Я повесила трубку и накинулась на Лестера:

— Что ты наплел моей маме? — я хотела встать, но стукнулась об полку над головой. — Какая еще стажировка в Америке?

Лестер поправил на коленях свой пижамный костюм и спокойно посмотрел на меня слепыми глазами.

— А что я должен был ей сказать? Что ее дочь выдумала себе возлюбленного, оживила его и исчезла, соединившись с ним на веки вечные? А нет, подожди. Что он убил человека, а потом она это сделала?

— Зачем ты вообще полез к маме?!

Клянусь, не будь он таким беспомощным, я бы ему врезала.

Лестер неторопливо поднялся и с изяществом оскорбленной фрейлины отвернулся к распахнутому окну. Небо набухло грозowymi тучами, на кухне окончательно потемнело.

— В нашу последнюю встречу, если помнишь, — он сделал многозначительную паузу, как будто давал мне время раскаяться, — ты сама просила меня позаботиться о тех, кто тебе дорог. Я наивно полагал, что мама принадлежит к их числу.

Обвинения застряли в горле. Он заботился о маме? Может, он знает, где похоронили Костю? Я уже открыла рот, но Лестер вдруг спросил:

— Так где был телефон?

— Что?

— Телефон. Ты искала его в шкафу.

Я поняла, что все еще сижу на нижней полке.

— Там и был.

— А-а, — протянул он. — Забавная старушка.

— Какая?

— Старенькая такая. Седая. Которая здесь жила.

Не успел он произнести последнее слово, как квартиру сотряс гром такой оглушительной силы, что у меня заложило уши. Небо разломали косые линии. Несколько

мгновений я не видела ничего, кроме ослепительно белого света. Из раскрытого окна подул влажный ветер, неся первые брызги. Вскоре дождь полил стеной. Мое мокрое от пота платье за секунду стало отвратительно холодным.

— Я чувствую запах старой женщины. Это все ее вещи? — спросил Лестер.

— Вот ты нашел время!

Я хотела подняться и закрыть окно, но Наум вцепился мне в ногу когтями.

— Твою ж!.. Наум!

Новый раскат грома сотряс кухню. В метре от меня с жалобным треском рухнули кастрюли, в ряд висевшие над плитой. От ветра захлопали дверцы шкафчиков. Я сама не заметила, как вцепилась одной рукой в другую. На коже явственно ощущался чей-то взгляд.

— Если это твои шутки, лучше прекрати! — бросила я Лестеру, перекрикивая ветер.

Но он даже не обернулся — все вглядывался в бушующее небо со своей кушетки.

— Подведи меня к окну.

Дверца шкафа, в котором я сидела, едва не хлопнула меня по лицу. Я отцепила от себя испуганного кота, поднялась и взяла Лестера за узкую ладонь, увлекая за собой.

Хотела закрыть окно, но Лестер меня остановил:

— Оставь так.

— Нас зальет.

— Оставь.

Он подошел вплотную к разбухшей от влажности раме и прислушался, подставив лицо косым струям. Я ждала рядом, сама не зная, чего. Квартира вдруг показалась мне враждебной. Неизвестный взгляд давил в спину, что-то хлопало и бесновалось на кухне, а все, что я могла — крутить на пальце оловянное кольцо, прощальный подарок Эдгара, и повторять себе: после того, что я сделала, ни одна старушка мне не страшна. Даже мертвая.

— Я чувствую борьбу, — наконец сказал Лестер. Лицо, волосы, рубашка его были мокрые, но он как будто не замечал этого.

Я глубоко вздохнула.

— Знаешь, когда шутишь, ты нравишься мне больше.

— Я никогда не шучу, моя радость.

— Перестань меня так называть!

— Как скажешь.

Я помолчала.

— Давай просто закроем окно.

— Там не закончили.

— Это не повод торчать под дождем.

Он не ответил. Я заставила себя выпустить кольцо и захлопнула окно, чуть не захватив Лестера по лицу. Хватит. Нет тут никакой старушки. Мертвые лежат в земле и не могут причинить зла живым. А слепые не видят того, что происходит за окном.

Я вгляделась в темноту кухни. Ничего, кроме очертаний дверец и шкафчиков.

— Тут никого нет, — вслух произнесла я.

Лестер повернул ко мне голову. Сверкнувшая в этот момент молния озарила его лицо — белое, как у мертвеца.

— Что-то не сильно ты боишься, моя радость.

Я снова покрутила кольцо.

— Нам с тобой под силу выдумать чудовище под кроватью и оживить его. Разве это не

нас следует бояться?

— Только ты в отличие от меня, если сделаешь это, распрощаешься с остатками своей души навеки, — назидательно уточнил Лестер с видом профессора, словно не был залит водой с головы до пят. — Как там твой красавчик, кстати?

Да он издевается.

— Как будто ты не знаешь!

— Не ведаю.

— Брось, Лестер. Я здесь, — я подалась вперед и чуть не наступила ему на ногу. — А его нет. Совсем нет. Понимаешь?

Лестер криво усмехнулся краешком тонких губ. Помедлил, перебирая в воздухе пальцами, словно перелистывал книгу.

— Может... Может, просто хочу это услышать из твоих уст.

Даже слепой и беспомощный, он был настоящей чертовой прорицательницей. И знал меня лучше меня самой.

Хотя он был выше, я смогла заглянуть в его слепые глаза.

— Я его убила.

Новый раскат грома сотряс кухню.

Глава 2

После ливня квартиру поглотила тишина. Наум задремал под столом, Лестер так и сидел на кушетке. Уходить он явно не собирался. Я наглухо закрыла окна, вытерла натекшие под ними лужицы, включила свет и, прикинув, что на одном чае до конца дня не продержусь, пошла заказывать пиццу.

Пока ехал курьер, Лестер закидывал меня вопросами.

— И ты пошла туда одна-одинешенька? Ночью? В этот ужасный старый дом из гнилых досок? — в притворном ужасе спрашивал он, длинным пальцем щекоча Науму обвисшее пузо. Каждый раз кот пытался схватить его за палец, и каждый раз слепой умудрялся вовремя отдернуть руку.

Я домыла последнюю тарелку и выключила воду. Теперь хоть будет из чего есть пиццу, а то все стояли грязные.

— С Костей.

— Ах, с Костей!.. — многозначительно повторил Лестер, и мне послышался упрек в его голосе. — Бедный мальчик! А сколько вы были знакомы? Месяц?

Насколько я знаю Лестера, ему плевать на людей. Слишком давно он живет на свете. А меня выделяет только потому, что я на него похожа. Значит, тут что-то другое.

— Два месяца, — я принялась вытирать тарелки.

Обсуждать события той ночи мне хотелось меньше всего. Я столько раз описывала их, что еще один сведет меня с ума. Может, предложить прочесть ему пару листов из моей тетради?

— А что теперь?

— В смысле?

— Ну, что ты теперь будешь делать? — как ни в чем ни бывало поинтересовался Лестер. Я пожала плечами. Не обсуждать же с ним планы на поступление.

— Могу тебе сказать, чего я делать точно не буду, — решительно начала я, но тут в дверь снова позвонили.

Лестер напрягся.

— Это кто?

Я посмотрела на часы.

— Доставка, наверное. А что?

Он откинулся на кушетке и закинул ногу на ногу, напомним себя прежнего: вальяжного аристократа, прекрасно знающего, как повернуться и встать так, чтобы выглядеть неотразимо.

— Ничего.

Я смерила его подозрительным взглядом и достала из сахарницы свернутую пятисотрублевую купюру. В дверь снова позвонили.

Убедившись, что это и правда курьер, я открыла. Парень в красной фирменной футболке протянул мне исходящую паром картонную коробку и, едва дождавшись, когда я взяла ее, скрылся в лифте.

— Эм... Молодой человек?

Но он уже исчез. Наверное, очень много заказов.

Я закрыла дверь и вернулась на кухню. Лестер хищно принюхался. Наум сидел на столе, воинственно выпятив грудь.

— Слушай, Лестер, — начала я, положив коробку на плиту — подальше от вечно голодного кота.

— Слушаю, моя радость.

— Ты чего-то недоговариваешь.

— Ты тоже. Ты вот хотела сказать, чего точно не будешь делать. Только сначала... Per favore.

Я поставила перед ним тарелку с треугольником горячей “Маргариты” и положила его пальцы на край тарелки. Наум тут же сунул нос ему под руку.

— Какая настырная кошечка, — с умилением протянул Лестер.

— Это мальчик!

Я тоже взяла себе кусок и прислонилась бедром к тумбочке.

— Так что ты будешь делать? — повторил Лестер.

Кто еще тут настырный.

— Я точно знаю, чего делать не буду. Не буду оживлять фантазии. И влипать в волшебные истории. Хватит.

Лестер прыснул в тарелку.

— А чем ты только что расплатилась за пиццу, позволь узнать?

Наум уже было совсем близко подобрался к пицце, но Лестер, безошибочно прицелившись, щелкнул его по носу. Тот выгнул спину и зашипел.

— Эй! — я подхватила кота под брюхо. Наум полоснул меня длинным скрюченным когтем и ощерился. — Вот ты! Я же спасла тебя от двух ужасных детей!

Кот, явно не оценив щедрости, начал вырываться — пришлось поставить его на пол.

— Если хочешь знать, я вообще не заплатила, — закончила я.

Лестер блаженно улыбнулся.

— Ты не сможешь, — сладко протянул он и погрузился в пиццу. — Ммм, как вкусно! *Delizioso!* Ты не сможешь жить без этого.

— Еще как смогу.

Лестер молча жевал. Наум принялся наворачивать круги вокруг кушетки. Я сжалилась и положила в его миску кусочек.

— И кем же ты хочешь стать, когда вырастешь? — вежливо осведомился Лестер. — Надо думать, писателем? Я периодически слышу тут шорох бумаги.

— Вот уж нет. Лучше мне больше ничего не писать. Одно дело — воспоминания. Другое — придумывать с нуля. С Эдгаром все начиналось именно так.

Лестер задумчиво склонил голову. Облизал пальцы и начал загибать их по одному.

— То есть никакого волшебства — это раз. Отказаться от мечты детства — это два. Bravo, моя радость. Не замечал у тебя раньше мазохистских наклонностей.

Я хотела сказать, что он много чего не замечал, но прикусила язык. Спорить с Лестером можно добрые сутки. Лучше просто дождаться, пока он уйдет.

— Очень вкусно, — справившись с пиццей, Лестер вытер об себя руки. — Кстати, ты не против, если я останусь? Так сказать, в знак благодарности.

— За что? — опешила я.

Наум запрыгнул на кушетку и устроился в противоположном от Лестера углу.

— Скажем, за то, что ты появилась в реальности, оглянулась по сторонам и тут же увидела на дереве объявление о сдаче квартиры со всем необходимым. И что у тебя не попросили документы и залог при въезде, а обязали только заботиться о бедном маленьком котике, — хитро ответил он. — И все это за счет маааленького волшебства, которое ты, конечно же, больше не собираешься впускать в свою жизнь.

Я плюхнула перед Лестером коробку с остатками пиццы и зло выдавила:

— Оставайся.

До вечера Лестер вел себя подозрительно тихо, а когда я отправилась спать, устроился на жесткой кушетке, уверив меня, что ему там очень удобно.

Я лежала под тонким пледом, который больше кололся, чем грел, спиной ощущая все реечные балки кровати через матрас. Присутствие Лестера не давало покоя. Он хоть и привык появляться без приглашения, никогда не оставался надолго. Значит, он чего-то ждал.

Я разглядывала комнату в поисках лишней тени и сама не заметила, как провалилась в странное состояние между сном и настороженной дремой.

После дождя на улице заметно похолодало; понизилась и температура в квартире. Во сне я съежилась под жестким одеялом, пытаюсь хоть как-то согреться. А потом резко открыла глаза. Мне на ногу что-то капало. Глаза никак не могли привыкнуть к темноте, а когда привыкли, я закричала.

В изножье кровати стояла старуха в белой ночной рубашке. По обе стороны от ее лица свисали седые патлы, вместо глаз зияли провалы. Это ее кровь капала мне на ногу.

Я попыталась позвать Лестера, но вместо голоса из горла вырвался хрип. Хотела сесть в кровати, но не смогла пошевелиться. Я перестала чувствовать тело, будто все ощущения сосредоточились там, куда капала кровь старухи. Я снова набрала в легкие воздуха, чтобы крикнуть, но она меня опередила:

— Помоги. Мне.

Не знаю, сколько длилось мое оцепенение. Руки и ноги закололо, словно в них разом воткнули сотни раскаленных игл. Еще одно невероятное усилие — и я с утробным звуком скатилась с кровати. Страх выжег все внутри, оставив отчаянную мысль-желание: жить.

— Помоги, — настойчиво повторила старуха, уставившись пустыми глазницами в точку на стене. — Ты нужна мне.

Путь к двери был закрыт. Окна слишком высоко, туда не сунуться. Где же Лестер? А

Наум? Будто в ответ из угла раздалось сдавленное шипение. В темноте я различила выгнутую спину. Только не бросайся на нее, глупый кот! Я отползла к нему, путаясь ногами в одеяле, и протянула руку. Наум полоснул мне когтями тыльную сторону ладони и отпрыгнул.

Как же холодно! По ощущениям в комнате стояла минусовая температура. Из рта у меня вырывался пар. Холод пробирал до самого мозга.

— Вера? Что происходит? Говори со мной, — раздался издали голос Лестера.

Я осторожно выглянула из-за неподвижной фигуры в белом — он шел по темному коридору, выставив руки и ощупывая воздух перед собой.

— Я чувствую запах крови. Ты в порядке? — спросил он.

Старуха медленно повернула голову. Он переступил порог комнаты и остановился. Два слепца застыли на расстоянии вытянутой руки друг от друга.

— От тебя пахнет кровью, — уронил Лестер в пустоту. — И страданием.

На секунду мне показалось, что он знает, кто перед ним.

— Меня почти убили, — прохрипела старуха в ответ. — Мне нужен преемник.

— Так это правда! — ошарашено выдал Лестер. — Если ты та, о ком я думаю...

Старуха выпрямила свое сухое тело. Я заметила, что она была босая, а на тонких запястьях отпечатались следы от веревок.

— Когда-то меня звали Хельгой.

— Мое почтение, Хельга, — Лестер слегка склонил голову, хотя она не могла этого увидеть. — Она тебя не заменит.

— Она сильная.

— Но не такая, как ты думаешь.

Мимолетная усмешка пробежала по омертвелым губам. Старуха покачнулась и вдруг выбросила вперед окровавленную руку с цепкими пальцами.

— А кто. Ты? — прошипела она.

— Я из другого мира, — сдавленно произнес Лестер. По голосу я поняла, что ему больно.

— Лестер! — я хотела броситься к нему, но тело онемело и не слушалось.

Старуха почти уперлась лбом в его лоб.

— Она сияла, — прошептала она. — Все время, что он пытал меня. Он убивал меня, а я шарил по миру...

— Я же сказал: она не то, что ты думаешь.

Старуха разразилась гадким хохотом. Этот звук обрушился на меня, как старая полка — раскололся гнилыми досками, оставив щепки в волосах. Она хохотала и вкручивала руку в грудь Лестера, как вилку, а он даже не сопротивлялся ей.

— Вера, беги! — прохрипел он.

Наум жалобно мяукнул где-то в темноте. Бежать. Надо бежать, а я не могла даже пошевелиться. Руки и ноги заоченели окончательно, меня стало клонить в сон. Не спать, не спать!

Оставался один путь спасения — вернуться в небытие. Я зажмурилась. Это может стоить мне остатков души. После того, что я сделала с Эдгаром, каждая фантазия могла стать последней. Но даже вечность в небытие лучше того, что произойдет прямо...

— А ну стой! — в локоть мне впились ледяные пальцы.

Руку словно замуровали в лед. Я распахнула глаза. Ощущение невесомости, которое я пыталась вспомнить, вмиг исчезло. Остались только глазницы с потеками черной крови

напротив моих глаз и потрескавшиеся губы. Господи Боже. Лицо Эдгара за мгновение до того, как он воткнул нож в горло Кости, по сравнению с этим просто маска Микки-Мауса.

Пожалуйста. Я не хочу.

Ответом мне были холодные и влажные от крови объятия. Старуха обернула меня собой, а я только и могла, что повторять безголосыми губами «Не хочу, не хочу». Все закончилось так же быстро, как началось — она прижала свои потрескавшиеся губы к моим и выдохнула, в мгновение отяжелев и свалившись грудой истерзанной плоти у моих ног.

Рядом слышалось булькающее дыхание Лестера. Он лежал на полу, прислонившись головой к кровати и зажимая рану в груди.

— Прости, Вера, — пробормотал он и потерял сознание.

Не знаю, сколько времени прошло. Лестер лежал в своей крови, я — в крови незваной старухи, тщетно пытаюсь собрать мысли и остатки самообладания. В голове отдавались мои собственные слова. Я не хочу. Не хочу. Пожалуйста. Холод постепенно рассеивался, в комнате светлело. К рукам и ногам прилила кровь. Одновременно адреналин начал выветриваться, оставляя меня едва ли более живой, чем кто-либо в этой комнате.

“Она тебя не заменит”. Что он имел в виду? Кто она вообще такая? Почему Лестер позволил себя ранить? Разве он не мог просто испариться из комнаты?

Я с трудом заставила себя отвести взгляд с точки на дальней стене. Через десять вдохов и выдохов согнула пальцы сначала правой руки, потом левой. Ощущение было такое, будто тысячи игл воткнулись под кожу.

Это пройдет. Сейчас надо выбираться отсюда.

Я выползла из-под мертвого тела и огляделась. Тело старухи покоилось неуклюжей грудой на полу. Наума нигде не было видно. Лестер лежал на спине. Глаза его были закрыты, ладонь безвольно покоилась на груди, сквозь рубашку просачивалась кровь. Я взглядела в отрешенное лицо — веки с голубоватыми прожилками подрагивали, от линии губ осталась одна ниточка. Грудь вздымалась едва-едва.

Волшебник хренов. Он знал, что за мной придут.

Представить, что он не ранен, точно будет стоять мне остатков души. Я сжала ладонями виски, пытаюсь собраться с мыслями. Что делают люди в таких ситуациях? Звонят в скорую? В полицию? Или в ближайшую больницу?

Кажется, телефон так и остался в шкафу. Я с трудом поднялась и побрела к полоске света в конце узкого коридора. Каждый шаг отзывался острой болью в ступнях.

По кухне уже разливалось белесое марево рассвета. Я открыла шкаф, тяжело оперлась на полку с макаронами и набрала «03». В трубке зазвучали гудки.

— Служба скорой помощи, что у вас случилось?

— Ахм... — выдохнула я, с ужасом понимая, что не могу произнести ни звука. Там, где раньше рождались звуки, зияла пустота.

— Алло, говорите. Что у вас случилось?

Я громко задышала в трубку. Может, они решат, что тут человек при смерти? Вроде бы телефоны на станции скорой определяют адрес. Или это только в кино?

— Говорите, вас не слышно!

Я тяжело опустилась на корточки, физически ощущая, как циркулирует кровь в ногах. Пожалуйста. Лестер единственный умеет обращать фантазии явью. Он такой же, как я. Он единственный помнит, что со мной случилось.

— Вас не слышно, — снова сказал голос.

В трубке послышались гудки. Я вернулась в комнату — мне казалось, что я спешила, но тело двигалось едва-едва. Наум так и не объявился. Я заглянула под кровать, под старое полосатое кресло — может, он забился туда и ждет? Но кроме пыли там ничего не было.

Лестер все еще дышал. Поборов брезгливость, я проверила пульс у старухи — мертва. Что бы она со мной ни сотворила, ничего хорошего это не сулило.

Я замерла посреди комнаты. Мысли разбегались. Почему она пришла именно ко мне? Где ко всем чертям Наум — не мог же он исчезнуть? И что мне делать с трупом в квартире?

За окном взвыла сирена. Я подскочила — точнее, подумала, что подскочила, а на деле лишь слегка повернула голову. Из окна я видела, как машина с белыми и синими мигалками пыталась приткнуться в углу крошечного дворика.

Это была не скорая. Это была полиция.

Думай, Вера. Думай.

У меня в квартире труп и смертельно раненый мужчина. Я только что потеряла голос и не смогу объяснить, откуда они взялись. Отличный повод познакомиться с системой правопорядка.

Когда водитель припарковался, я уже приняла решение. Оглядела себя — ночнушка пропиталась кровью старухи и моим потом. На улицу в таком виде нельзя.

Минута мне понадобилась, чтобы доковылять до ванной, тридцать секунд, чтобы скинуть ночнушку и запихнуть непослушное тело в джинсы и футболку. Мгновение — застегнуть стоптанные босоножки и бросить взгляд на старинные часы. Пять минут седьмого.

Прости меня, Лестер.

Я выскользнула в коридор, нарочно оставив дверь открытой. Шагать по ступеням было все равно, что по гвоздям, я цеплялась за перила, как пьяная. На втором лестничном пролете столкнулась с мужчиной в форме. Он оглядел меня и задал самый бесполезный вопрос из возможных:

— С вами все в порядке?

Рука сама дернулась к горлу. Может, он знает, как помочь с голосом? Наверняка есть какое-то лекарство. А вдруг он решит, что я убийца?

— Девушка?

Махнув рукой себе за спину, я скатилась вниз по лестнице.

На улице после грозы было прохладно. Сонный двор спального района казался необитаемым. Поймав на себе вопросительный взгляд водителя «скорой», я поспешила в сторону автобусной остановки. Пустая дорога, пара машин. Где нахожусь, я представляла смутно, зато хорошо помнила карту городского метро. Уж там я точно сориентируюсь — и наконец доеду до мамы. Надо было раньше к ней съездить...

Руки и ноги постепенно разошлись, иглы исчезли. Я пристроилась позади женщины в брючном костюме, решив, что та направляется к метро. И правда: за очередным поворотом замаячила красная буква «М».

В подземку я спускалась уже не одна. Людей вокруг заметно прибавилось — видимо, я попала в час-пик. Интересно, что сделает Лестер, когда очнется? Как он объяснит труп в квартире? Куда все-таки делся Наум? Не мог он просто исчезнуть. Это же кот, а не спичечный коробок.

Очередной вопрос застал меня у турникетов. Остальные не глядя прикладывали к

мигающему датчику карточки, а я застопорилась, силясь вспомнить, где достать такую же. Кажется, в кассе, но без голоса мне в жизни не объяснить, что нужно. Да и последние сто рублей остались в сахарнице.

Под возмущенный окрик контролера я прошмыгнула через турникет, сбежала по ступенькам и запрыгнула в вагон, удивляясь собственной наглости. Прежняя Вера ни за что бы не сориентировалась так быстро.

Впрочем, прежняя Вера не переживала ничего ужаснее ночи в старинной полуразрушенной усадьбе.

В вагоне я протиснулась к схеме метро. До мамы путь был неблизкий: проехать две остановки, пересесть на другую ветку и пилить до конечной. Внутри было душно, как в банке. Передо мной, кряхтя и пошатываясь, устроилась бабулька в вязаной кофте и домашних тапочках, рядом завтракал мужчина в форме рабочего, разложив бутерброд с вяленой колбасой прямо на коленях. Я отвернулась, изо всех сил борясь с приступом тошноты.

Поезд остановился. Двери разъехались со звуком, похожим на тот, с каким в фильмах перезаряжают автомат. Мужской голос объявил станцию. Ничего, кроме слова «пересадка», я не разобрала. По-моему, выходить мне нужно было только на следующей, но меня вынесло потоком людей на перрон. Судя по навязчивому запаху, бутерброд вышел следом.

Я пыталась выбиться из потока, но толпа несла меня и подталкивала, омывая запахами мужского пота и женских духов. Остановиться удалось только у эскалатора. Я прислонилась к стене, с трудом переводя дыхание.

Тут кто-то схватил меня за руку выше локтя, да так крепко, как никогда не схватит незнакомый человек. Бритый мужчина в потертой кожаной куртке возвышался надо мной и разглядывал, будто сравнивал с кем-то.

— Здесь сейчас произойдет несчастье. Надо уходить, — наконец выдал он, перекрикивая шум поезда.

Я попыталась выдернуть руку, но не тут-то было. Хватка у него была стальная.

— Я друг, — с нажимом произнес он и заглянул мне в глаза.

Радужка у него была такая темная, что у зрачка казалась почти черной. Нос, кажется, когда-то был сломан, на щеках темнела щетина, на подбородке проступало несколько старых шрамов. Доверия это лицо не вызывало.

— Станция заминирована. Через четыре минуты рванет.

Да что сегодня, объявили марафон “Кто быстрее прикончит Веру”?

Я беспомощно пялилась на него. Не дождавшись ответа, мужчина крепче перехватил меня за предплечье и потащил к эскалатору.

— Просто иди за мной.

Это было так неожиданно, что я споткнулась — и точно упала бы, не удержи он меня. Может, это он заложил бомбу? Иначе откуда ему о ней известно?

Нужно сказать остальным. Нужно... Как плохо, что я не могу вообразить собственный голос! Или плакат? Да кто его увидит. Может, объявление в громкоговорителе?

У эскалатора я столкнулась с бабулькой из вагона. Меня накрыло ощущение старческого, до невозможности мягкого тела и запаха ветоши. Кажется, я на долю секунды потеряла сознание.

— Не отставай! — рявкнул мужчина и дернул меня, как мамы дергают непослушных

детей.

Сустав в плече отозвался резкой болью. Инстинкт самосохранения сработал раньше сознания — мужчина пошатнулся от невидимого напора воздуха. Ничего более угрожающего в тот момент я не придумала.

— А ну, — он крепче перехватил меня за обе руки и поволок к выходу.

— Молодой человек, что вы делаете! — не то воскликнула, не то спросила сонная мамаша у нас на пути. В каждой руке у нее висело по такому же сонному ребенку. — Девушка явно не хочет с вами никуда идти!

Я отчаянно закивала. Люди вокруг начали оборачиваться. Наконец-то.

«Отпусти!» — я уперлась пятками в пол и потянула на себя.

Мужчина нетерпеливо обернулся.

— Хельга, — бросил он на ходу, и на нас оглянулось еще больше народу. — Она же уже мертва, да? Ты, видимо, хочешь повторить ее судьбу?

Он потащил меня дальше. Если он знает про Хельгу, значит, он с ней заодно?

Я не успела додумать эту мысль — мир крутанулся перед глазами, и я упала. Потолок мигнул белыми лампочками, вздрогнул и погас.

Я открыла глаза — небо. Ясное, бело-розовое, с молочными разводами и слепящим солнцем. Резкий, разъедающий глаза и ноздри запах расплавленного железа. Потом появился крик, тут же расщепившийся на множество других. Я вдохнула гари и этого крика — и ожила.

Мир постепенно обретал очертания. Я лежала на чем-то твердом, чуть выше уровня земли. Мужчина в кожаной куртке стоял надо мной и смотрел вдаль. Я повернула голову вслед за его взглядом — там, где раньше был вход в вестибюль метро, теперь царил ад. Стекло разнесло на осколки, рамы выбило и покорежило. Асфальт у входа потемнел от крови.

Меня замутило. Мужчина несильно сжал мое плечо.

— Ты им уже не поможешь.

Будто в противовес ему детский голос воскликнул:

— Помогите! Мамочка! Пожалуйста!

Та женщина держала за руки двоих детей.

— Больно! Воды!

— Вызовите скорую! Здесь взрыв!

Воздух стремительно напитывался стонами, вокруг нарастал вой сирен. В хаосе тел едва угадывались человеческие очертания. Узнать кого-то было невозможно. Картинки отпечатывались в сознании, обещая превратиться в кошмары похуже тех, где на меня из тени заброшенной усадьбы нападали разгневанный Эдгар.

Неужели ничего нельзя сделать? Я поискала глазами тех, кого помнила. Бабулька, рабочий, молодая женщина. Где они? Может, мне хватит сил представить, что хотя бы они едут дальше на работу и по своим делам?

Но даже мне не под силу перекроить реальность для людей, которых совсем не знаю. Я могу только... Внезапная мысль обожгла сознание. Все равно этим рано или поздно кончится. Я могу только вернуться туда, где ничего этого не...

— Не дури, — требовательный голос ввинчивался в мозг, как штырь. — Я вижу, ты что-то пытаешься сделать. Перестань.

— Взрыв, помогите!

Медленно, борясь с головокружением, я села. Вцепилась в рукав кожаной куртки и заглянула мужчине в глаза. Он знал, что станция взорвется, и не помог этим людям. «Почему?» — беззвучно прошептала я.

На мгновение что-то мелькнуло в его побледневшем лице, но тут же исчезло. Мужчина осторожно отцепил мои пальцы.

— Я потом тебе все объясню. Вставай. Надо уходить.

Он снова потянул меня за руку. Стоны слились в непрерывный высокочастотный вой, и я уже не понимала, слышу их наяву или только в своей голове.

Почему он меня вытащил? Почему старуха пришла ко мне?

Я попыталась встать со скамейки, но ноги подкосились. Мужчина удержал меня, иначе я бы рухнула на асфальт. Ладони его оказались жесткие и шершавые — и такие сильные, что наверняка могли мне что-нибудь сломать, если бы я решила сопротивляться.

— Пойдем, — тихо произнес он, склонившись ко мне. Запах дубленой кожи на секунду перекрыл вонь вокруг. — Не твоя это ноша.

Он им не помог, пульсировало в голове. Знал и не помог. Единственный человек, который знает, что станция взорвется — тот, кто ее заминировал. Разве нет?

— Помогите!

— Помогите, умоляю! — слышалось вдалеке.

Проигнорировав его очередной призыв убраться, пока не приехали спасатели, я уселась на асфальт. Сама толком не знала, что собираюсь делать. Но так просто уйти не могла.

Что-то грохнуло над головой — небо сотряс гром такой оглушительной силы, что на мгновение мне показалось, оно разломилось пополам. Мир из цветного сделался серым, подул холодный влажный ветер, где-то наверху столкнулись два тяжелых дождевых облака, и зарядил ледяной дождь.

Вода заливала мне лицо и глаза, колотила по израненным рукам, пропитывала одежду. Я будто сама была этим дождем. Природа горевала вместе со мной, жалея этих истерзанных, искалеченных людей. Струи воды смывали кровь с асфальта и с изувеченных тел — прозрачные и ледяные, как горная река. Или как слезы зимы, если бы та умела плакать.

— Вера, прекрати! — крикнул мужчина, но его слова растворились в вое ветра.

Откуда он знает мое имя?

Чем бы оно ни было, на мое привычное волшебство это было не похоже. Это было нечто другое — незнакомое, сокрушительное, страшное — и очень мощное. Голова кружилась, силы таяли, но я не знала, как это прекратить. Я вообще уже ничего не знала.

— Что ж ты делаешь, — пробормотал мужчина и вдруг ловко закинул мою руку себе на плечо.

Подхватив под спину и колени, он поднял меня и пошел в противоположную от шума сторону, бормоча что-то о заморозках посреди лета. Щека прижалась к мягкой дубленой коже, запахло выпечкой и ванилью. Ему нельзя доверять, упрямо билось в висках.

Я хотела подумать еще что-то важное, но туман окончательно заполнил сознание.

Глава 3

Солнечные лучи пробивались сквозь прикрытые веки. Меня мерно потряхивало под стук колес. Тело медленно наливалось усталостью. Лопатки ныли от встречи с досками, порезы на руках пощипывало. Во рту было сухо, как в пустыне. Влажная после дождя одежда липла к телу.

Я с трудом разлепила глаза. Судя по деревянным лавкам, мы ехали в полупустой пригородной электричке. Напротив сидел мой спаситель. Или террорист? Он сцепил руки на груди, расставил ноги под крошечным столиком и сверлил меня задумчивым взглядом исподлобья.

Я отвернулась к окну. Вдалеке мелькали залитые солнцем поля и редяющие подлески. Куда бы мы ни ехали, город явно остался позади.

— Ты немая? — спросил мужчина.

Я покачала головой.

Если дождь вызвала я, куда делась плата за фантазию? Может, старуха сделала так, что я больше не должна платить?

Я выхватила взглядом перекошенный домишко за окном. Скажем, там живет одинокий дедушка. Прямо сейчас на столе перед ним стоит графин с водой, сквозь который просачивается солнечный луч. Округлые бока, суженное кверху горлышко, гладкий наощупь. Я пошарила на лавке рядом с собой, и тут что-то знакомо хрустнуло у сердца.

Ну. Хотя бы не умру от жажды.

Я сделала глоток. Хотела откинуться на скамейку, но что-то впилося мне в спину. Словно десяток морских ежей прошлись по коже. На море я как-то наступила на одного, и запомнила на всю жизнь.

— Если не немая, почему не разговариваешь? — не унимался мужчина.

Я оглянулась. Потому что какая-то старуха ввалилась в квартиру, пока я спала? Потому что так испугалась, что потеряла возможность говорить? Когда-то я силой воображения сподобилась создать целого живого Эдгара, а теперь не могу организовать себе голос.

Я глянула на стол, и на нем появилась написанная красным фраза: «Голос пропал». Надпись вышла неровная, маслянистая, буквы — толстые и корявые. Какая-нибудь женщина, по случайности оказавшаяся этим утром в электричке, не досчитается в сумочке любимой помады.

Эта шалость мне по ощущениям почти ничего не стоила. Несколько крошек печенья. Зато мужчина, похоже, удивился.

— А когда стол кончится? — уточнил он, приподняв бровь.

Я не стала отвечать. Буквы исчезли, и появились новые:

«Куда мы едем?»

— Ко мне домой. Буду учить тебя тому, что умела Хельга.

«Кто она?»

— Зима, — коротко ответил он и устремил на меня тяжелый тёмный взгляд.

Как будто это что-то объясняло.

«А ты кто?»

— Телохранитель. Меня Антон зовут.

Я снова попыталась откинуться на спинку скамьи, но забыла про иглы и вздрогнула. Сложила руки на груди, скопировав его движение, и стала его рассматривать.

Лет ему было, наверное, около тридцати, одежда у него как будто прямиком прибыла из девяностых: штаны перехвачены тугим армейским ремнем, — я помнила такой у папы из детства, — на длинных ступнях белели полосатые кеды. Куртка была старая, потёртая. Разве телохранители не носят костюм и оружие? И разве их подопечным кто-то выкалывает глаза?

«Ты не защитил ее».

— Зато спас тебя, — спокойно ответил Антон.

«И что теперь?»

— Теперь прослежу, чтобы тебя не убили до зимы.

«Кто?»

— Чтобы никто, — он чуть подался вперед, делая ударение на последнем слове, — не убил тебя до зимы.

Сердце ухнуло куда-то в желудок.

«Откуда ты узнал про взрыв?»

Антон провел рукой по лицу, и я мысленно накинула ему еще лет пять.

— Хельга предупредила. Она была вещая. Назвала место и время, сказала, что я должен найти девушку и спасти, пусть даже ценой чужих жизней, — он задумчиво смотрел куда-то поверх моей головы, и впервые в лицо его мелькнуло что-то, похожее на сожаление. — Сказала, что девушка будет одета в джинсы и синюю футболку, с мокрыми волосами, испуганная и не от мира сего.

Я потрогала влажные от дождя кончики волос — кажется, в них осталась стеклянная крошка — и незаметно вздохнула. По крайней мере он не террорист.

— Еще она сказала, что девушка может исчезнуть, — продолжал телохранитель. — Просто перестать быть. Я тогда не понял, что это значит, пока не увидел, как ты это делаешь.

Я нервно покрутила кольцо на безымянном пальце.

— Это что, — Антон кивнул на мою руку, — волшебное кольцо?

“Кто верит в волшебные кольца?”

Телохранитель неожиданно усмехнулся.

— Мир большой. И сложно устроен. В древности вот считали, что весна наступает, потому что Персефона возвращается из царства Аида. И мать ее Деметра так радуется, что все вокруг расцветает.

Мифы древней Греции? Он серьезно?

Но вместо этого я спросила совсем другое.

«Ты считаешь, это правда? Про Персефону?»

Чтобы он увидел буквы, мне пришлось ткнуть в них пальцем. Мышцы отозвались болью.

— Люди в это верили, — Антон пожал плечами, но получилось, как будто качнул телом вверх-вниз. — Во что верит много людей, то и правда. Так устроено.

Ну да. И Дед Мороз существует. И Снегурочка. И Персефона.

Я устало ткнулась лбом в стекло. Вместо полей с пасущимися коровами взгляд выхватил хаотичные отпечатки тех, кто ехал в электричке до меня — крупные, мелкие, едва заметные, липкие и совсем прозрачные. К одному даже приклеилась крошечная мошка. Ядохнула на заляпанное стекло, и на нем проявились три коротеньких слова. "Мир сошел с ума".

Напротив раздался короткий смешок.

— А он никогда и не был нормальным.

Улыбка сделала лицо Антона несуразным. Наверняка он и сам это знал — искривленные губы тотчас выпрямились.

— Ты ведь просто веришь, что эти строчки сейчас появляются на столе, — пояснил он. — А кто-то поверил, что весна — юная девушка, которая пробуждает природу, принося в мир новорожденное дитя. За ней приходит Лето — страсть и пиршество, время праздновать и любить. Потом настает время мудрой осени с плодами посеянного. И в самом конце — убийственно холодная Зима.

Люди во многое верят. Иногда хватает веры одного человека, как у тебя. Иногда нужно, чтобы поверил целый народ. Сложно мир устроен, в общем. И все в нем есть. Во что веришь, то и есть.

Я задумчиво потрогала крошечный осколок, впившийся в руку с внутренней стороны запястья. Вокруг него запеклась кровь. “Во что веришь, то и есть”. Какое простое объяснение. Только Антон, видимо, не в курсе, что те, кто верит сам, вынужден платить за фантазии кусочками души. А Лестер никогда не упоминал, что веры нескольких людей хватит, чтобы что-то оживить. И про Дев он ничего не говорил.

Чего-то не хватало в этом пазле. Вопрос вертелся в голове, но я никак не могла его поймать. В электричке было душно, открытые форточки не спасали. Мысли путались и сливались в какофонию разрозненных сюжетов.

Вдруг за спиной раздался приятный мужской баритон:

— Билетики, граждане, готовим, показываем. Все готовим билетики!

Антон встрепенулся, рука нырнула под куртку, но почти сразу же легла обратно на колени. Что там такое? Повернуть голову казалось сродни пытке, так у меня затекла шея.

— Достаем, достаем, товарищи, — вкрадчиво повторил голос. — Позвольте... Да вот же он, из вашего кармашка торчит. Хорошего дня!

— Билетики, — зазвучало из другого конца вагона. Этого я могла видеть: высокий, кареглазый, в белоснежной рубашке, натянутой на груди, с ежиком блестящих каштановых волос и ослепительной улыбкой.

С каких это пор порноактеры подались в проводники?

Я кинула быстрый взгляд на телохранителя. Тот не шевелился, только настороженно следил за обаятельным красавчиком. — Билетик, девушка, — раздалось у меня так близко над ухом, что дрожь пробежала по позвоночнику.

Передо мной на корточки опустился длинноволосый блондин с прической, какую я у мужчин раньше не видела: часть волос была собрана сзади резинкой, отсальные лежали на плечах. Это мальвинка что ли?

Парень выглядел, как мой ровесник. Кожа чистая, уголки губ были задорно подняты, в мочке левого уха поблескивало сразу несколько тонких колец. Белая рубашка делала из него вылитого школьника — правда, школьника, который сбежал с уроков.

— С вами все в порядке? — мягко спросил блондин. — Вам нужна помощь?

Почему-то в этот момент он напомнил мне Эдгара, хотя из общего у них были только длинные волосы и серо-зеленый оттенок чуть прищуренных глаз.

Кажется, я покачала головой. Или только собиралась.

— Конечно, ей нужна помощь, — вставил второй. — Ты погляди, с кем она едет. Мы уж думали, Антоха, ты убился вслед за хозяйкой.

— Живой, как видишь, — глухо процедил Антон.

Я слушала их вполуха, не в силах оторвать взгляд от парня перед собой. Пара верхних пуговиц на его рубашке расстегнулась, и в разрезе мелькнуло что-то красное, похожее на старый шрам.

Он перехватил мой взгляд и негромко спросил:

— Как вас зовут? — в его медовом голосе можно было купаться, как в теплой реке. Мне вдруг стало жарко в своей влажной одежде. — Кивните, если вам нужна помощь.

— Тихо, Антоха, — донеслось откуда-то издалека. Краем глаза я заметила, что кареглазый держит Антона за плечо. — Мы просто проверяем, зачем пустили дождь без

разрешения Летней Девы. Может, на то была крайняя необходимость. Правда, красавица?

— Она еще не научилась управлять силой, — с раздражением ответил Антон.

— Так отправь ее к Юле, пусть учится. Мы проводим.

— Обойдется.

— А ты не решай за неё! Нет, правда, девушка. Как вас... — кареглазый приветливо улыбнулся, ожидая, что я назову свое имя. — Летняя Дева будет рада с вами познакомиться. Она ничего вам не сделает.

— Смотри, как бы эта ничего вам не сделала, — огрызнулся Антон.

— Думаю, у меня есть то, что вам нужно, — в руке у блондина засветился прозрачный шар с золотой сердцевинкой, издавая напоминающий стеклянный.

Краем глаза я заметила, что Антон дернулся.

— Тихо, — кареглазый крепче взял его за плечо. Приглядевшись, я поняла, что и его рука поблескивает тем же неярким светом. — Не мельтеши.

— Теплота, — проникновенно продолжил блондин передо мной, будто мы были одни, а вокруг горели свечи и играла приглушенная музыка. — Она даст то, что вам нужно. Это подарок Летней девы.

От шара и правда веяло приятной теплотой. Она была мягкая и обволакивающая, как если бы рядом зажгли арома-свечку.

— Это подарок, — повторил он, и я вдруг поняла, что он предлагал. Голос. Мой потерянный голос.

Будто в ответ из глубины сознания поднялась мысль. Все мое возвращается ко мне. Ничего нельзя отнять у Зимы.

Не отрывая взгляда от серо-зеленых глаз, я прикоснулась к мерцающей сфере. Шар был упругим и податливым, как желе. Пальцы закололо.

— Старуха Хельга не ту нашла с перепугу, а? — поддел кареглазый. — Совсем еще девочка, смотри. Ути-пути.

Но парень передо мной не двигался. Он смотрел с сочувствием, как никогда не смотрел Эдгар, и не опускал руку. *Ты должен принимать от меня и боль, и радость.* Вслед за этой мыслью в глубине тела зародился холодок, точно я проглотила кусочек мороженого. Он пробежал по внутренностям, тонкой ниточкой перелился через пальцы, и в то же мгновение шар, которого я касалась, заиндевел и раскололся. Парень вздрогнул — по его раскрытой ладони потекла струйка крови. Он хотел отвести руку, но я с неожиданной для самой себя силой схватила его за запястье.

Ты должен принять это.

— Вот она дикая! — воскликнул тот, что держал Антона, и кинулся оттаскивать от меня товарища.

Тот покорно позволил себя поднять. Лицо его застыло от удивления, словно я на его глазах превратилась в северного оленя.

— Давай на выход, — угрожающе произнес Антон. Он держал кареглазого за неестественно вывернутое за спину запястье и направлял к выходу. — Вы уберетесь сейчас. Или у Юли станет на одного сладкого мальчика меньше.

Проводник заметно напрягся.

— Да ладно, Тоха, люди кругом, ты же не будешь... — протянул он с фальшивой улыбкой.

— Хочешь проверить?

— Мы еще увидимся, — мстительно пообещал проводник. — Пойдем, Тёмка.

Блондин плавно развернулся на пятках, молча прижимая окровавленную ладонь к белой рубашке на груди.

— Тёма, — одними губами произнесла я.

Он не обернулся.

— Передайте Юле, что баланс восстановлен, — бросил Антон им вслед. — Зима наступит в срок.

— Я передам Юле то, что видел, — с нажимом ответил кареглазый. — Пошли, спящая красавица! — он подтолкнул Тёму к выходу.

Антон последовал за ними к тамбуру.

Я обхватила себя за плечи. Холодно было так, словно я снова оказалась в своей комнате рядом с Хельгой. Это снова была я, одна в своем теле, и его бил озноб такой силы, что стучали зубы. Мне было больно — болела кожа, голова, спина, болело внутри от жуткого холода, который только что пролился через меня в мир.

— Ты чего? Холодно? — спросил Антон над головой.

Быстро он вернулся.

Я покачала головой, отчаянно пытаюсь унять дрожь. Не так уж этот Тёма похож на Эдгара. У него и волосы прямые, и лицо моложе, и ямочки на щеках. Ухо проколото в трех местах... И вообще это все холод у меня внутри, а не воспоминания.

Антон сел рядом, достал из одного из многочисленных карманов куртки фляжку и откупорил ее.

— Задержи дыхание, — он хотел прижать флягу к моим губам, но я оттолкнула его руку.

— Давай, Вера.

«Откуда ты знаешь, как меня зовут?» — появилось на столе, и в этот момент мне было все равно, чем придется заплатить за очередную фантазию.

Антон не взглянул на надпись.

— Это просто коньяк. Пей.

Он взял меня за плечи и заставил сделать глоток. Горло обожгло, по телу медленно разлилось тепло. Мышцы постепенно расслабились.

— Ну вот. Сейчас отпустит.

Антон так и сидел рядом до конца поездки, но ко мне больше не прикасался. Я снова провалилась в полудрему — мне снилась золотоволосая девушка в прозрачных одеждах, бесшумно идущая по земле. Там, где она ступала, вырастали белые цветы. Потом появился Эдгар — большой и мрачный, как туча. В старой холщовой рубашке с закатанными рукавами, с красными обветренными руками он походил на мясника. Я хотела крикнуть девушке, чтобы убежала, но голос отказал мне даже во сне.

Я очнулась, когда машинист объявил конечную остановку.

— Дома, — коротко сообщил Антон. — Выходим.

Глава 4

День клонился к вечеру. После дождя солнце так и не вышло. Дорогу от станции со всех сторон окружал сосновый лес. Свежий запах хвои щекотал ноздри, в воздухе разливалась прохлада. Я слышала, как под подошвами сандалий ломаются мелкие ветки, как шуршат остатки прошлогодних шишек и где-то в глубине леса переговариваются невидимые птицы. Если бы не боль в конечностях, я бы наверняка решила, что мне это снится.

Минут через десять петляющая тропинка незаметно превратилась в улицу, вместо леса

выросли пятиэтажные здания тускло-зеленого цвета. Если верить Антону, улица начиналась сразу за железнодорожной станцией и вела почти к самому его дому.

В наступающей темноте нам то и дело встречались люди. Краем глаза я даже заметила пару вопросительных взглядов, но сил думать об этом не было.

— Запоминай, — говорил Антон, указывая куда-то за верхушки деревьев. — От станции все время направо, потом за домами налево, — я зацепилась носком за корягу, и он, не задумываясь, подхватил меня под мышки. — Скоро будем на месте.

Я сосредоточилась на ногах. Сначала одну. Потом вторую. Еще немного вперед. Через пару метров я споткнулась снова, и Антон остановился.

— Тебя понести?

Я мотнула головой и решительно двинулась вперед, хотя понятия не имела, куда именно. Поверить невозможно: еще вчера вечером я сидела на кухне квартиры, которую считала своей, и размышляла, как сдать ЕГЭ. А теперь топаю рядом с бритым типом, прс которого знаю только то, что его зовут Антон и что он работал на Зимнюю Деву, и собираюсь — что? остаться у него на ночь? Пожить пару дней?

Антон поравнялся со мной и жестом указал налево. Мы повернули во двор между парой квадратных, похожих на коробки домов, со всех сторон окруженных деревьями.

— Пришли, — сообщил Антон, останавливаясь перед одним из двух подъездов.

Он набрал код домофона и открыл железную дверь. Я с тоской оглянулась на живую изгородь у дома. Сейчас я зайду в этот подъезд, и пути назад не останется. Может, нужно было все-таки доехать до мамы? Я все равно собиралась вернуться к ней. А этого человека знаю всего пару часов, и за это время он хватал меня за руки чаще, чем мама и папа за все мое детство.

— Вера, — позвал Антон.

Двадцать лет уже Вера.

— Ты можешь мне доверять.

Он замер, по-прежнему держа дверь открытой. В свете молодой луны лицо его на мгновение показалось мне юным: суровая складка между бровями разгладилась, жесткие складки у рта исчезли, выражение глаз смягчилось.

Ладно. Если что, я всегда успею представить, что его ноги все-таки вросли в пол.

Я со вздохом поковыляла в прохладную утробу дома.

— Второй этаж! — крикнул Антон вдогонку.

Спасибо, что не пятый.

Квартира его оказалась теплая и уютная. Полумрак выступил из глубины полуоткрытых дверей, ласково обнял за плечи, приглушив разом боль и усталость. Антон не спешил включать свет. Несколько мгновений он молча стоял за мной, будто и сам был рад наконец очутиться в родных стенах.

— Здесь безопасно. Поживешь ближайшее время, пока я не разберусь, — негромко сообщил он. — Родители у тебя есть? Кому-то нужно позвонить?

Я покачала головой. Мама явно поверила в байку о стажировке. Про папу она ничего не сказала. Наверняка он счастлив со своей новой семьей. Может, даже детишками обзавелся. Разбираться с этим прямо сейчас сил у меня не было. Я так устала, что почти не чувствовала ног.

Из дальней комнаты показалась черная кошка с белым пятнышком на морде. Она осторожно подошла, понюхала воздух в паре сантиметров от моей коленки и попятилась.

— Не признала, Маша? Ну, привыкнешь еще. Проходи, Вера, — Антон снял куртку разулся и сам бесшумно скользнул в глубь коридора.

Я кое-как расстегнула босоножки.

Антон ждал меня в комнате с темно-зеленым диваном, парой старинных стульев и письменным столом с дубовой столешницей. Он задернул шторы, достал из складного дивана простынь и легкое одеяло и разложил быстрыми, скупыми движениями. Половицы мирно скрипели под его перекатывающимися шагами.

На пороге снова возникла кошка и стала нюхать воздух.

— Шшш, Маша, — не то спугнул, не то успокоил ее Антон.

Я наклонилась, чувствуя все ноющие мышцы в теле, и протянула ей руку. Она без особого интереса меня обнюхала. Гладкая шерстка переливалась в темноте.

Много бы я сейчас отдала, чтобы почесать Наума за его короткими рваными ушами.

Антон подошел к комоду, не глядя вытащил из верхнего ящика ворох переливающейся ткани и синее полотенце и молча протянул мне.

— Ванная прямо по коридору. Я подожду здесь.

Наощупь ткань напоминала шелк. Зажав ее под мышкой, я поплелась в ванную. Помыться мне хотелось даже больше, чем лечь спать.

В ванной обстановка была аскетичная. У стены ютились две простые табуретки, над белой тумбочкой размещалась раковина с отколотой эмалью, под потолком — небольшое зеркало в деревянной раме. Мне пришлось встать на цыпочки, чтобы в него заглянуть.

У девушки в отражении день выдался явно не из лучших. Лицо опухло от слез, взгляд был затравленный, словно на нее спустили Дикую Охоту в полном составе. У губ залегли две ровные складки, больше похожие на шрамы. Я коснулась их в зеркале. Вряд ли кто-то теперь даст мне меньше двадцати.

От футболки остались одни лохмотья. Джинсы вроде были целы, но от них за километр разило гарью. Я искала взглядом стиральную машину или хотя бы корзину с бельем, но ванная была такая маленькая, что, видимо, в ней просто не нашлось места.

Я сложила вещи на полу и забралась в ванну. Кожа отчаянно запротестовала, когда я включила горячую воду. Ранки от осколков щипало. Особенно досталось спине. И все равно стоять под горячим потоком после всего, что сегодня случилось, было сродни блаженству. Я попробовала вытащить пару осколков, но только сама себе пустила кровь. Ничего, сами выйдут. Когда-нибудь.

Волосы я вымыла мужским шампунем, как могла, отдраила кожу хозяйственным мылом, и спустя пять минут наконец почувствовала себя почти нормальным человеком. Ну ладно — нормальным человеком без голоса, одежды и средств к существованию.

Я вылезла из ванны и встряхнула ворох ткани, который дал мне Антон. Голубое платье с запахом. Откуда у него такое, интересно? Я натянула платье на голое тело. Шелк приятно охлаждал кожу, но быстро намок там, где соприкасался с мокрыми волосами. Вырез уходил глубоко в ложбинку на груди. Кажется, за всю жизнь я не надевала ничего более женственного.

Надо будет вообразить себе что-то менее откровенное... Но это завтра. Всё завтра.

Я вернулась в комнату, придерживая края запаха. Антон сидел на диване, расставив ноги и подперев лоб кулаком. В тусклом свете его бритая голова казалась совсем гладкой.

— Все хорошо?

Он поднял на меня глаза в красных прожилках. Он был в тех же черных джинсах и

футболке, только куртку снял. Интересно, ему тоже теперь везде мерещится запах гари?

— Вера? Все хорошо?

Я кивнула.

— Отдыхай. Если что-то нужно, я в соседней комнате.

Антон подхватил кошку и вышел, прикрыв за собой дверь. Силы окончательно меня оставили — я упала на диван прямо в платье, обняла себя за притянутые к животу колени и провалилась в сон, забыв даже про одеяло.

Ночью мне снилось замороженное озеро. Оно стояло в белесой пелене безмолвия, вокруг высились могучие деревья-исполины, укрытые толстым слоем снега. От сверкающей белизны слепило глаза, от тишины закладывало уши.

На всей площади озера лежал снег, рассыпчатый и легкий, как мука, но я почему-то в него не проваливалась. Шагала вперед, изредка поглядывая на свои ноги в мягких ботинках из кусочков кожи. Холодно мне не было, страшно тоже.

Я ступила туда, где угадывалась кромка замерзшей воды. Почему-то я точно знала, что лед меня выдержит — он устоял бы даже под весом грузовика. Я расчистила снег носком ботинка. Сквозь ледяную толщу на меня смотрели чьи-то широко распахнутые глаза. Рот был в ужасе открыт. Я стала расчищать дальше. Еще одно лицо, еще, и еще. Похоже, подо мной кладбище — такое большое, что хватило бы на целую деревню.

Я дошла до центра озера и опустилась на корточки. Из-под льда на меня смотрела голубоглазая девочка с бровями такими светлыми, что они почти сливались с кожей. Во сне я знала, что озеро затеряно в глубине далекого безымянного леса и оставлено здесь в назидание другим. А создала его та, чья сила текла во мне.

“Вот что ты теперь такое”, - мелькнуло в голове. Ледяная смерть.

Ну нет. Не стану я этой старухой, больше напоминающей живую мумию, чем человека.

Я подышала на лед. Не знаю, чего я ожидала, но ничего не произошло. Тогда, стараясь не смотреть в глаза девочки, я прижалась ко льду губами. Может, у меня получится растопить его? Где там... Холод хлынул в меня через губы, растекаясь по внутренностям. Казалось, даже внутренности заиндевели. Страх вгрызся в позвоночник. Я силилась сделать вдох, но ничего не получалось.

— Вера! — Антон склонился надо мной. — Очнись!

Помоги мне боже. Я проснулась, но по-прежнему не могла ни пошевелиться, ни вздохнуть. Антон исчез — вместо него остался молочный потолок в неровных бликах от ночника. Видимо, это будет последнее, что я увижу.

Стоило чудом спастись от взрыва, чтобы выпить ледяное озеро во сне и погибнуть. И я еще решила, что смогу противостоять этой силе. Какая же дура!

Антон снова возник перед глазами, когда я уже почти ничего не видела. Он вложил мне в руку что-то продолговатое и шершавое.

— Перелей в него холод, — велел он.

Чего?

— Ну же, Вера.

Что, вот так просто? Я бы засмеялась ему в лицо, но мышцы не слушались. Сознание меркло, как испорченный телевизор.

— Давай. Выдыхай холод, — мир сузился до его спокойного голоса, вибрирующего где-то на поверхности кожи. Хорошо ему говорить — у него не онемело тело от корней волос до

пальцев на ногах. — Выгоняй его из себя. Представь, как холод собирается в твоей руке и перетекает через пальцы в ствол. Весь. Ну!

Я уже ничего не соображала. Только чувствовала, как что-то пульсирует в руке — теплое, мягкое и живое. Энергия в нем трепыхалась, как огонек свечи на ветру, и постепенно угасала.

— Вот так, молодец, — мерно направлял голос. — Выливай холод. Ты еще слишком живая. Дыши. Все получится.

“Мне бы твою уверенность”, угрюмо подумала я, но вдруг заметила, что мне и правда полегчало. Оцепенение спало, и я смогла сделать судорожный неглубокий вдох.

— Что тебе снилось? — спросил Антон.

Я только покачала головой. Какая разница, что мне снилось. Непрошенные слезы катились из уголков глаз, но я ничего не могла поделать. Черт бы побрал все это. С того дня, как я вернулась из небытия, я так ничего и не смогла поделать со своей жизнью.

Что-то с треском шлепнулось на пол. На полу лежал чудом не разбившийся горшок с мерзлой землей. Из него торчал искривленный серый ствол в обрамлении таких же серых листьев. Если я что-то понимаю в биологии, минуту назад это деревце было зелено и полно жизни. А я влила в него столько холода, что от зеленых листьев остались одни ошметки.

Кошка угрожающе зашипела из угла.

— Принести тебе воды? — спросил Антон.

Я перевела на него взгляд — в пижамных штанах и растянутой черной футболке с суперменом он выглядел, как Дарт Вейдер в костюме Микки Мауса. Под глазами у него залегли сизые тени.

Я с трудом села на диване. Антон ушел, но быстро вернулся.

— Выпей, — он вложил мне в руку стакан, и тот мелко задрожал — оказывается, руки у меня тряслись.

Я принялась. Вода пахла горечью.

— Валерьянка, — объяснил Антон. — Никто травить тебя не собирается. Не для того я... — в соседней комнате что-то пронзительно свистнуло, и он осекся. — Момент.

Он снова исчез за дверью, а я так и осталась со стаканом в подрагивающих пальцах. Кошка перестала шипеть, подошла ближе и понюхала воздух. Видно, и правда валерьянка. Наум ее тоже любил.

— Да, Юля, — донеслось из-за стенки. Голос у Антона был на удивление ровный. — Я знаю, сколько времени. А ты? Я нормально разговариваю. Извини. Это больше не повторится. Я прослежу. Да.

Он вернулся, прижимая трубку к уху и неся под мышкой похожую на кирпич прямоугольную подушку.

— Вера? — переспросил Антон с нотками притворного удивления. — К сожалению, она не может с тобой поговорить. Она немая.

Ну спасибо.

Антон достал из комода полосатое черно-серое покрывало и расправил его на полу. Сверху кинул подушку — кошка тут же устроилась на ней.

— Обязательно заглянем. Спокойной ночи.

Он выключил телефон.

— Выпила?

Я залпом проглотила валерьянку. Антон забрал у меня стакан и вместе с цветочным

горшком поставил на стол.

— Юле это не понравится, но пока старайся избавляться от любого холода внутри. Ищи что-то живое и сливай холод туда. Поняла?

То есть мне *убивать* что-то живое? Я постаралась вложить все негодование в поднятую бровь.

Антон согнал кошку и улегся на пол поверх одеяла.

— Нелегко только поначалу, — сказал он, будто прочитав мои мысли. — Но ты привыкнешь. В мире вообще нет справедливых и добрых. И злых нет. Все просто хотят выжить. Чем раньше это усвоишь, тем проще будет потом.

Я бессильно откинулась на подушки — спина тут же отозвалась болью. Ненавижу это новое мироустройство. И Хельгу. И свою силу, которая все больше напоминала Армагеддон.

— Еще валерьянки? — предложил Антон.

Я слабо покачала головой. Руки все еще немного дрожали — я прижала их к бедрам, чтобы успокоиться.

— Тогда спокойной ночи.

Щелкнул выключатель, и комната погрузилась в темноту.

Некоторое время мы лежали молча. Кошка долго укладывалась — я слышала ее сопение и шорох мягких лап. Сон не шел. Мне казалось, стоит провалиться в забытие, как озеро появится снова. Или привидится Эдгар в заброшенной усадьбе. Или еще что-нибудь, от чего я уже не проснусь.

— Не спишь, — не то спросил, не то сообщил Антон. Ровный голос сливался с ночью. — Я в свое время выхаживал брата с астмой. Могу по ритму дыхания определить, как плотно человек поужинал, а уж про сон и подавно. Там ритм меняется кардинально: мы вдыхаем реже и как бы более глубоко. И выдыхаем медленно. Совсем почти не слышно.

Зачем он мне это рассказывает? Представить вопрос было не на чем. Оставалось только слушать.

— Когда у Ваньки начались приступы, я стал ночевать с ним в одной комнате. И сам научился спать, как мышка. Иная мамаша так не дрожит над младенцем, как я над ним. Он так и говорил — "носишься со мной, как мамка". Я тогда решил — никаких детей, не надо мне такого счастья. Заботишься, думаешь о нем постоянно, куда пошел, что с ним. А защитить не можешь. Только знай себе, к дыханию прислушивайся.

Он говорил еще что-то, но я уже не слышала. Усталость наконец взяла свое. Или это подействовала валерьянка? Я провалилась в спасительную черноту и провела в ней несколько блаженных часов.

Вера, 12 лет.

В шестом классе на меня напали. Это случилось по дороге домой из школы, в безлюдном дворе, где я обычно срезала дорогу. Я как будто сама себе это накликала, потому что часто, проходя узкий зазор между гаражами, думала: вот идеальное место для нападения.

В плеере играл популярный тогда "Трудный возраст", я брела, еле переставляя ноги, и под мелодичный голос певицы размышляла: почему всем обязательно надо умирать от первой любви? Если все сразу поумирают, кто же тогда женится?

Вдруг кто-то дернул меня за рюкзак. Сердце ухнуло в пятки, я обернулась. Передо мной

стоял заспанный дядька в длинном плаще с грязными босыми ногами. На дворе стоял май, температура стремительно приближалась к летней, так что плащ доверия не внушал.

Я вытащила наушник из уха как раз, чтобы услышать остаток фразы:

— Хорошему человеку на кусочек хлеба.

— Что?

Вокруг, как назло, никого не было. Недалеко стоял пятиэтажный дом с балконами, но кто его знает, услышат ли меня, если крикну. В три часа дня люди обычно не дома.

— Найдется ли у вас, барышня, может быть... — жалобным тоном завел мужчина. — Может быть, на кусочек хлеба. Ей-Богу, все верну.

Он перекрестился, и я заметила в растворе широкого рукава длинный штопанный шрам. Самоубийца? Или просто поранился?

— Хо... хорошо, — пропущала я. — Сколько вам надо?

А сама внутренне взмолилась: “Лестер!”

Мужчина почесал невымытые космы и выдал задумчиво:

— Ну рублей пятьсот.

Продолжая внутренне звать к Лестеру, я потянулась за рюкзаком, прекрасно зная, что кроме сотни с мелочью в кошельке только сложенная вчетверо задумка нового рассказа. Я нацарапала ее на обратной стороне контрольной по математике и спешила домой, чтобы пописать в тишине.

“Лестер!”

Склонившись к рюкзаку, я нащупала под учебниками кошелек.

“Что сразу «Лестер»? Подумаешь, алкаш”, - раздалось у меня прямо в голове.

Так мы с ним еще не разговаривали.

“Что мне делать?”

“Ну хочешь, представь, что он умер”.

“Ты что!”

— Нашла? — нетерпеливо спросил мужчина.

Что-то новое появилось в его голосе. Решительность? Или угроза. Похоже, он лучше меня знал, что в три часа в этом дворе никого не бывает.

— Да.

“Или я не знаю... Что у него рука отвалилась. Или нога”, - продолжал советовать Лестер в моей голове.

“Фу!”

“Нет, вы посмотрите на нее!”

“Ты можешь просто появиться?”

“А, то есть ты мне предлагаешь лишить его конечностей? Ну красота!”

Пока у меня в голове шел этот увлекательный разговор, кошелек оказался на свободе. Я даже успела вытащить сторублевую купюру, которая предназначалась для завтрашнего обеда. Вдруг мужчина выхватил у меня кошелек и начал трясти его над асфальтом.

— Покажи, покажи, — приговаривал он, и черты его дрожали, как вода в неверном отражении.

Ладно, начало рассказа я и так помню. Без обеда как-нибудь обойдусь. Сейчас главное отсюда...

— Куда пошла? — гаркнул алкаш, когда я, прихватив рюкзак, подалась в сторону.

— Слушайте, у меня правда ничего больше нет! Я же не вытащу вам деньги из воздуха.

Тут кто-то противно захихикал за спиной.

— Как раз это она и может сделать, — произнес знакомый голос с бархатными нотками.

Я обернулась. Лестер был неотразим, как всегда: платиновые локоны сияли в солнечном свете, белоснежный костюм подчеркивал изящную фигуру.

Он доверительно улыбнулся мужчине.

— Я вам говорю, уважаемый. Эта девочка может достать из воздуха столько стельников, что вам хватит на тридцать лет безбедной жизни. Нужно только ей помочь...

— Помочь? — почти хором ответили мы.

— Ну... — Лестер накрутил идеальный локон на палец. — Мотивировать. Понимаете? Алкаш так больно вцепился в плечо, что я чуть не завопила. В нос ударил отвратительный запах ветоши.

— Что он мелет? — прошипел он.

— Он просто сумасшедший! Я ничего не могу. Отпустите, — залепетала я. — Пожалуйста.

— Еще как может, — подначивал Лестер. — Еще как...

— Лестер, я тебя закопаю! — взвыла я.

— Prego, моя радость, — он сделал приглашающий жест рукой, будто приглашал меня на танец. — Я давно жду.

Тут к моему горлу взметнулась рука со шрамом. Это было последнее, что я успела увидеть, потому что дальше старые швы разошлись, разрывая края раны, и хлынула кровь.

— Что за?.. — завизжал мужчина, зажимая запястье.

Я метнулась в противоположную сторону. В грудь как песка натолкали, и он осыпался прямо к моим ногам, забирая с собой что-то очень важное. Что-то мое.

Лестер цокнул языком. На лице его играл почти детский восторг, глаза победоносно блестели.

— Видишь, моя радость. Можешь, когда захочешь. Ничего, я как-нибудь покажу тебе оторванные конечности. А то и правда — как тебе их представлять, если ни разу не видела?..

Глава 5

Нос щекотал сладкий аромат, чем-то похожий на ваниль. Или на розовое масло для рук — у мамы в моем детстве было такое. Но что здесь может пахнуть розовым маслом? Я открыла глаза.

Через неплотно закрытые занавески пробивались блеклые утренние лучи, освещая причудливый узор на обоях — золотые лианы на фиолетовом фоне. На массивном столе кроме стакана с водой не было никаких следов горшка с мертвым цветком. На полу тоже было пусто. Видимо, мне приснилось не только озеро, но и то, что Антон провел здесь ночь.

Я медленно села на диване. Мышцы отозвались болью, как если бы я весь день накануне карабкалась в гору. Ежовые иглы в спине проделали путь уже, казалось, до самого позвоночника. Но если не брать их во внимание, состояние мое однозначно было лучше, чем вчера.

В квартире не спали. С кухни доносился звон посуды и монотонное потрескивание. Прислушавшись, я поняла, что это кошка поглощает корм, активно двигая челюстями. Мысли ринулись к Науму, но я успела их остановить. Если постоянно думать о том, что

потеряла, я вообще не встану.

Я запахла платье так, что вырез на груди почти исчез, и пошла на звук.

Кухню заливал солнечный свет. В углу ютился круглый стол с диваном вместо стульев, холодильник был маленький и почему-то красный, а шкафчики вдоль стены — коричневые и белые, собранные как будто из разных гарнитуров. У плиты, перекинув вафельное полотенце поверх черной футболки, возился Антон. Пальцы его были в какой-то белой массе, похожей то ли на творог, то ли на сырое тесто. В углу над миской склонилась кошка. Как он ее назвал? Маша?

— Проснулась, — не то спросил, не то констатировал Антон, вытирая руки. В шароварах и босой он выглядел совсем по-домашнему. От грозного телохранителя не осталось и следа. — Выспалась?

Я кивнула, размышляя, можно ли попросить его осмотреть спину.

— Кофе готов. Садись.

На столе и правда стоял высокий жестяной кувшин, распространяя вокруг себя аромат с нотками шоколада. Я пристроилась на край светло-бежевого углового дивана и придвинула к себе одну из двух белых чашек. Они же для того здесь стоят, верно?

— Не стесняйся, — Антон кивком указал на кувшин.

Взявшись двумя руками за ручку кувшина, я плеснула абсолютно черную жидкость в чашку. Кофе пах так же, как выглядел: будто для его приготовления почти совсем не использовалась вода.

— Нефть, — пробормотал Антон под нос. — Все время делаю слишком крепкий. Можешь разбавить, если хочешь. Молоко сейчас дам.

Он достал из холодильника молоко. Потом вооружился двумя махровыми прихватками и вытащил из духовки прямоугольную форму. В лицо дохнуло жаром и кислото-сладким запахом яблок, когда он поставил форму на стол. Шарлотка? Но это оказалась румяная запеканка с корочкой сахарной пудры.

Не удержавшись, я потрогала ее пальцем.

— Подожди, пока остынет, — усмехнулся Антон.

Маша подняла голову от своего корма, и, заинтересовавшись лакомством, подошла поближе. Антон беспардонно отодвинул ее к окну.

— Хельга иногда просто дула на чай, чтобы остудить. Можешь тоже попробовать.

Он отрезал большой квадратный кусок и положил на тарелку передо мной. Потом сел на другой конец дивана и, закинув ногу на ногу, сделал первый глоток.

Вот так, значит. Посреди ночи ему звонили из-за несчастного деревца, а теперь мне можно заморозить запеканку.

Я выбрала пяточок стола в стороне от чашек и запеканки и сосредоточилась на нем.

“Я думала, мне запрещено пользоваться силой летом”, - представила я.

На этот раз буквы вышли темно-лиловые с примесью гуаши. Антон нахмурился.

— Я тебе блокнот принесу.

Я постучала пальцами по надписи. Что он недоговаривает? Почему деревце — нельзя, а запеканку можно?

Антон отхлебнул кофе.

— Цветок ты, считай, убила. Это запрещено. Нельзя распоряжаться жизнью не в свое время. Нельзя менять погоду. Делать делать летом снег. Или ледяной дождь, — нехотя добавил он. — Нельзя, в общем, влиять на баланс в мире, когда правишь не ты. А чай

остудить или там... Кому-нибудь что-нибудь заморозить. Вполне.

Я вспомнила парня из электрички. Я превратила теплоту в лед — это считается?

"Кто были те проводники в поезде?"

На этот раз буквы вышли алые, с маслянистым отливом. Они расплылись на деревянной поверхности, вычищенной с таким усердием, будто ее скребли ножом. Антон неодобрительно покосился на стол.

— А отмывать ты это тоже своим волшебством будешь?

Он поднялся, а я, повинувшись какому-то внутреннему порыву, вдруг схватила его за запястье. Внутри возникло странное ощущение дежавю, как будто я это уже делала. Но стоило встретиться с ним взглядом, как ощущение растаяло. Я его отпустила.

Антон задумчиво посмотрел на место, где я его коснулась, подвигал рукой во все стороны и молча вернулся на место.

— Это сладкие мальчики Юли, — нехотя объяснил он. — Я говорил тебе. Есть другие. Юля-Лето, Дарина-Осень, Фрося-Весна. И ты.

Я смахнула надпись легким движением ладони, проигнорировав слышимый только мне хруст. Если я теперь офигеть-какая-сильная Зима, то почему продолжаю терять частички души?

"Фрося?" — переспросила я новой строчкой.

— Ефросинья. Она немного того. У нее семеро детей.

Я хотела поинтересоваться, с каких пор многодетность считается признаком безумия, но стол был не бесконечным.

"А сладкие мальчики — это телохранители Летней Девы?"

— Они не охраняют Летнюю Деву, — отрезал Антон и посмотрел на меня так сурово, что я физически ощутила тяжесть его взгляда. — Они ей служат.

«А почему произошел взрыв? Кто-то хотел убить меня?»

Вместо ответа он включил маленький квадратный телевизор, висящий в углу почти под самым потолком. Я узнала вход на станцию. Стекла выбиты, рамы покорежены, на полу потемневшие следы от крови.

— Ответственность за взрыв взяли на себя боевики, — сообщил женский голос. — Всего во взрыве пострадало двенадцать человек. Пятеро погибло.

Я вспомнила молодую женщину, которая везла погодок. Представлять вопросы не пришлось — все было написано у меня на лице. Антон покачал головой.

— Мне вовремя подсказали вытащить тебя. Остальное не моего ума дело. И не твоего. Это дела людей.

«Двое мужчин задержаны по подозрению», - затараторила ведущая, и на экране возникла черно-белая картинка со снимком скрытой камерой. Лица расплывались, видны были только темные фигуры.

Было бы изображение почётче... Я подошла к маленькому телевизору почти вплотную, изо всех сил напрягая глаза. Но ничего нельзя было толком разобрать.

— Знакомый взгляд, — Антон допил свой черный, как ночь, кофе и налил добавки. — Когда Хельга так на кого-то смотрела, человек околевал.

Я уткнулась в чашку. По-моему, заморозить — слишком милосердно по отношению к тем, кто это сделал.

— Вера, нельзя просто уничтожить всех вокруг, — терпеливо пояснил Антон. — Даже если ты в состоянии это сделать. Должен соблюдаться баланс.

Я взглянула на него через стол. Сколько там сказали — двенадцать человек? Как-то не очень похоже на баланс.

— Ешь, — Антон положил кусок запеканки мне на тарелку и выключил телевизор. — Не тебе решать, кому жить, а кому нет.

Я взялась за вилку. Запеканка оказалась на удивление вкусной и напомнила мне ту, что готовила мама в моем детстве. Правда, мама всегда щедро поливала ее холодной сметаной.

— Сметана! — вдруг рявкнул Антон.

Я аж подскочила.

— А ну брысь оттуда! — он метнулся в угол кухни, где стоял горшок с пальмой, и подхватил черного котенка за шкурку. Тот зашипел и начал вырываться, норовя ухватить Антона за палец. Туловище у него было черное, а лапки белые, как носочки.

— Подобрал на свою голову. А ты землю жрешь!

Кажется, котенок все-таки цапнул Антона за палец, потому что тот отпустил его. Котенок вспрыгнул на диван и приземлился рядом со мной. Потом как ни в чем не бывало поднялся, полизал переднюю лапку и вальяжно направился к моей тарелке, задрав хвост.

Я быстро сунула последний кусок запеканки в рот.

— Ишь, — хмыкнул Антон и сел обратно.

Сметана забралась на мою коленку и требовательно мяукнула. Потом начала карабкаться на стол.

— В стиралку засуну! — пригрозил он.

Я подхватила Сметану под живот и прижала к себе. Маша зашипела на нее. Та мгновенно вырвалась, оставив мне две длинных царапины, и сиганула на подоконник, а оттуда — в окно.

— Сметана! А ну куда пошла! Стой! — Антон устремился в прихожую.

Хлопнула дверь. Я подошла к окну, но из-за густой листвы прямо под окном ничего не было видно. Маша, не долго думая, вспрыгнула на стол, схватила небольшой кусок запеканки, также быстро вернулась на пол и неторопливо удалилась вглубь квартиры.

Вот засранка.

Я постояла у окна. На кухне было так тихо, что казалось, я слышу собственное дыхание. Поднявшийся ветер из открытого окна не приносил ни голосов, ни мяуканья.

Вдруг в коридоре что-то зашуршало. Казалось, звук щекочет меня прямо под кожей — или это побежали мурашки? За шуршанием последовали ленивые шаркающие шаги. На пороге кухни показался растрепанный парень лет шестнадцати. Он был такой худой, что почти терялся в полинявшем синем свитере и широких джинсах. В одной руке он мял пустой пакет от чипсов, другой держался за стену и во все глаза таращился на меня.

— Ты кто? — ошарашенно спросил парень.

У меня был тот же вопрос, но задать его без голоса я не могла.

Тут в коридоре щелкнул замок, и вошел Антон, на ходу поглаживая пушистый комок за пазухой.

— И больше не убегай, — приговаривал он вполголоса. — И землю не ешь. Во всем слушайся Машу. Ну все. Друзья?

Он выпустил Сметану. Та задрала пушистый хвост и важно отправилась в глубь квартиры. Антон заметил парня, и лицо его, и так мало эмоциональное, превратилось в восковую маску.

— Доброе утро.

Я выдохнула. С убийцами так мирно не здороваются.

Антон не спеша разулся, дошел по длинному коридору до кухни и, поравнявшись с парнем, вынул у него из рук пустую пачку.

— Не ешь эту дрянь на голодный желудок. Лучше нормально позавтракай. Вон запеканка готова.

— Это кто? — парень ткнул в меня пальцем.

На запеканку ему, судя по всему, было глубоко наплевать.

— Это Вера. Она поживет пока с нами. Кофе хочешь?

Антон выбросил мятую пачку в мусорку и достал из шкафчика над мойкой чашку и пластмассовую коробочку. Такие вроде называют таблетницами.

— Вера, это Ваня. Мой брат.

На кухне повисла почти осязаемая тишина. Судя по взгляду, которым Ваня сверлил меня, перспектива пожить со мной под одной крышей радости у него не вызывала.

— На ней мамино платье, — сообщил Ваня тоном обвинителя.

— А ты сам хотел его поносить? — Антон поставил чашку и таблетницу на стол. — Ешь.

Ваня не отреагировал, и Антон сделал странную вещь — взял меня за руку, уводя из кухни.

— Пойдем, — тихо позвал он. И добавил уже громко: — Мы с тобой потом это обсудим.

Я в полном замешательстве позволила увести себя в комнату, где ночевала. Антон подошел к высокому комоду с потертыми боками, выдвинул все ящики разом, и в носу засвербило от запаха старой ткани.

— Я тут ничего не трогал. Сама разберешься, — сказал он. — Мама...

В дверях возник Ваня.

— Нет, давай сейчас обсудим, — прогундосил он. — Почему на ней мамино платье?

— Ты уже позавтракал? — спокойно отозвался Антон.

— Я спросил, почему на ней мамино платье.

Антон обернулся, и я уловила его еле слышный вздох.

— А тебе жалко?

Ваня вздернул подбородок.

— Может, и жалко! Давай теперь всем встречным платья раздавать!

— Ну можешь пораздавать. Если кто-то возьмет.

— А ты чего молчишь? — Ваня переключился на меня. — Нормально тебе в чужих шмотках?

Я застыла. Даже будь у меня голос, я понятия не имела, что на это ответить.

— Так, давай на выход, — Антон скользнул к нему и, взяв за плечи, развернул лицом в коридор. — Запеканку съешь. Потом таблетки.

— Пусть баба твоя жрет запеканку, — тихо, но отчетливо огрызнулся Ваня.

Антон вытолкал брата из комнаты и закрыл за собой дверь. Послышалась возня.

— Чтобы я такого больше не слышал.

— Пусти!

— Понятно?

— Пусти, блин!

— Понятно, я сказал?

— Сука!

Этот крик вывел меня из оцепенения. Преодолев несколько метров, я толкнула дверь. Антон нависал над Ваней.

— Иди! — он несильно подтолкнул брата в сторону кухни.

Сверкнув на меня глазами из-под густых бровей, Ваня ушел.

— Извини, — сказал Антон. — Я должен был сказать, что он здесь живет.

Я решительно направилась в комнату. Дело не в том, что он не сказал, а в том, что это с самого начала была плохая идея. Зачем я вообще с ним пошла? Почему не приняла подарок Летней Девы? Была бы сейчас с голосом. И в другом месте.

— Вера!

Может, рискнуть вернуться в квартиру, где я жила последний месяц? Вдруг ее не опечатали? Или все же добраться до мамы. Я все равно собиралась. Но сначала надо выдумать себе нормальную одежду. Джинсы и футболка как раз подойдут. Я уперлась руками в злосчастный комод, зажмурилась и попыталась по памяти восстановить в голове фактуру джинсовой ткани. Тёмная такая, с косой строчкой по бокам...

— Да твою же мать! Даже не вздумай! — тяжелая ладонь опустилась как раз туда, где все это время торчали осколки, и слезы сами брызнули из глаз. Как же больно!

— Надо было мне сразу сказать. Написать. Представить. Что ты там обычно делаешь. Оно вон уже воспалилось...

В комнате пахло спиртом. Яркий дневной свет сменился послеполуденным, линолеум украсили оранжевые блики. Я сидела неподвижно на полу у дивана, подогнув под себя ноги, и ждала. Верх платья пришлось снять — собрав спереди ворохом ткани, я аккуратно придерживала его на груди. Хоть что-то хорошее в нем: стоило развязать пояс, как верх свободно соскользнул к талии.

Жесткие шершавые пальцы легли мне на спину. Стало щекотно, потом резко больно. Запах спирта усилился, кожу защипало. Я подавила вздох.

— Удивительный ты человек. Ничего не сказала, все молчком. А если тебе ногу или руку проткнет, тоже будешь молчать в тряпочку? — пробормотал Антон.

Я не могла уловить по голосу, злился он или ворчал в пустоту, как старая бабка.

— Дыши глубоко. Хельга вот умела замораживать боль. Чью угодно, кроме своей... Головную на раз снимала. Как-то даже Ваньке на расстоянии помогла. Я их, конечно, не знакомил... Ну-ка, — он придерживал меня за плечо и один за другим вытащил три осколка. — Вдыхай воздух, выдыхай боль. Знаешь, как в йоге. Видела, как дышат в йоге?

Я не двигалась. Кажется, он выдумывал мои ответы, чтобы не болтать в одиночку. Боль была терпимая, но бредила что-то в глубине грудной клетки. Антон был прав: я не обратилась бы за помощью, даже если бы не потеряла голос.

— Эй. Ты что? Совсем плохо?

Он отпустил меня, но поздно — меня трясло, как после взрыва. Пришлось зажмуриться, крепко обхватив себя за плечи. Я пыталась думать о Косте, но это не помогло. Тогда я стала вспоминать Эдгара. Как-то он подарил мне кольцо и пообещал, что где мы ни были, он услышит, стоит мне повернуть его на пальце...

— Тоха! — послышался из-за двери голос Вани. — Ты тут?

— Не заходи, — велел Антон, но было поздно: Ваня уже открыл дверь и замер на пороге.

Я подтянула ворох ткани до самого подбородка. Ваня переводил взгляд с меня на

Антон и вдруг бросил почти с отвращением:

— Ты охренел? Вот почему она тут, да еще молчит! Ты ее...

— Угу, — ровно подтвердил Антон, и я с перепугу даже не расслышала издевку в его голосе. — Насилую бедную девочку.

Чего?? Если бы я могла снова потерять голос, то именно это и сделала бы.

Ваня упер руки в бока, став похожим на тощего ошипанного вороненка.

— Пользуешься тем, что ей некуда идти!

— Именно так. Сейчас по второму кругу пойду.

Я отшатнулась, но Антон и не думал ко мне прикасаться.

— Отойди от нее! — взревел Ваня и, кажется, всерьез собрался оттаскивать от меня крепкого брата.

— Уже побежал. Как звать-то “ее”, помнишь? — поинтересовался Антон, не меняя тон.

Ваня обернулся ко мне. Сейчас он спросит, немая ли я, и мы вернемся туда, откуда начали.

— Почему ты все время молчишь?

Ну вот.

Антон быстро заклеил ранки пластырем.

— Можешь одеваться. Я все вытащил. А ты давай на выход, защитник.

Ваня воинственно расправил плечи.

— Я ее с тобой не оставлю. Сразу видно, что она тут не по своей воле!

Я отвлеклась от своих мрачных мыслей. Накинула платье обратно на плечи и туго затянула пояс. Видно ему. Непролитые слезы горели в груди, но я не собиралась плакать на глазах у подростка. Где-то тут был блокнот... Вот он, на комод, с карандашиком на резинке. В полной тишине я взяла блокнот и, вернувшись на диван, открыла на первой странице. Бумага была серая и тонкая, карандашик помещался в ладони.

Ваня близоруко склонился над моим плечом.

«Меня зовут Вера, — написала я печатными буквами. — Я здесь по своей воле. Мне жаль, что я без спроса взяла платье твоей мамы».

Не дожидаясь его ответа, я отложила блокнот и проскользнула в коридор, а оттуда на кухню. На улице стемнело, в воздухе разливалась прохладная тишина. На секунду мне почудилось, что я стою в своей старой квартире.

Из комнаты слышались приглушенные голоса, потом мягкие шаги по линолеуму.

— Не злись, — донеслось от двери. — Ванька дурной.

А ты как будто нормальный.

— Тебе точно не нужно никому позвонить? — спросил Антон, и я невольно отметила по шагам, что он подошел ближе.

Большой палец начал прокручивать оловянное кольцо. Никому мне не нужно звонить. Лестер не носит с собой мобильный. А на том свете трубку пока поднимать не научились. Я покачала головой. Если он просто уйдет... Но Антон уселся за стол.

— Хельга долго не могла толком описать девочку, которую мне надо было выловить в метро. Джинсы, футболка, длинные волосы — это все не годится. Сколько угодно таких девочек каждый день бегают по переходам. Мне нужно было имя. Хельга долго не говорила — понятия не имею, почему. В результате она сказала, что девочку будут звать как ту, кого я больше всех любил и потерял. Я сразу понял, о чем она. Мама умерла от рака, когда Ваньке было девять. Я ни у кого, кроме нее, больше не встречал этого имени.

Я обернулась, забыв, что по щекам размазаны слезы. Антон продолжал:

— Я уговаривал Хельгу позволить помочь ей. Сделать хоть что-нибудь. Можно же спокойно передать свою силу, не обязательно ждать, пока нападут. Но нет. Она говорила, не пришло еще время — нет в мире человека, который ее заменит. Вот и дотянула до последнего. Я до сих пор не понимаю — почему ты? Почему тысячелетняя старуха выбрала девочку, которая дай бог школу закончила? — он взглянул на меня через стол. — За что тебе эта ноша? Вон чуть не убила тебя в первый же день...

Я вспомнила: Хельга говорила, что ей нужна помощь. Что я сияла. Возможно, она искала того, что кто умеет оживлять фантазии? Но почему я, а не Лестер?

— Ты знаешь, почему она выбрала тебя? — пытливо спросил Антон.

Он смотрел в одну точку. Я проследила его взгляд — он разглядывал мое кольцо.

Может, дело не в силе воображения? Лестер ведь намного сильнее. Возможно, старухе нужен был кто-то, у кого не дрогнет рука. Кто способен уничтожить того, кого любил. И жить дальше.

Я покачала головой, глядя Антону прямо в глаза.

“Не знаю”, - ответила я одними губами и накрыла кольцо ладонью.

Вера, 13 лет

Я не раз спрашивала Лестера, есть ли еще такие, как он и я. Спрашивала, откуда он взялся и как вообще родилась в мире эта способность создавать вещи из ничего. Лестер рассказывал мало, а появлялся только тогда, когда ситуации из плохих становились патовыми. Многие ответы мне пришлось искать самой.

После того случая с открывшейся раной я много экспериментировала. Сначала пробовала представить то, что видела много раз — купюры, например, — потом перешла на то, что представляла только в теории. Каждый раз я слышала характерный хруст, но даже вообразить не могла, что это осыпается моя душа.

Как-то под Новый год я решила оживить три елочные игрушки — золотую мышку, котенка и маленькую змейку. На мышке заявился Лестер. Я была одна дома, и он преспокойно зашел через входную дверь, открыв ее ради эффекта своим ключом.

— Моя радость, существует множество других способов покончить с собой. У меня даже где-то был список... Зачем использовать такой примитивный, — он указал на вздрагивающий хвостик в моей ладони. Потом посмотрел на мой плюшевый домашний костюм и тапочки и склонил голову набок. — Как мило.

— А что, кто-то умер, оживляя елочную игрушку? — я крутанулась на стуле, внутренне радуясь: наконец-то Лестер мне хоть что-то расскажет.

Он сделал неуловимый пас рукой, и камзол сменился таким же, как у меня, плюшевым костюмом. Только мой был зеленым, а его — ярко синим.

— Объясняю один раз. Вот у этого, — он изящно оттянул пальцами мягкую ткань на груди, оставив мизинец, — нет души. Оно не обладает волей. Не чувствует страх, голод, жажду. Не проживает свою жизнь. У него нет воли.

— Логично. Ты же не бог.

Лестер улыбнулся в тридцать два зуба.

— Я и не претендую. И тебе не советую.

Я покрутила золотую мышку в пальцах.

— Значит, те, кто претендовал — умерли?

Лестер забрался на мою кровать и сел по-турецки. Странно было видеть его таким

домашним. Странно и подозрительно.

— Кто? — весело спросил он.

— Ну есть же другие. Должны быть. То, что мы делаем, — я взвесила мышку на ладони. — Не так уж и сложно.

— Да, суицие пустяки. Значит, по-твоему, они умерли?

Я сделала еще один круг на стуле. Год выдался непростым. Родители были на грани развода, но думали, что я ничего не замечаю. Программа в школе — я закончила восьмой класс — становилась все сложнее. Чем больше предметов добавлялось, тем очевиднее становился мой интерес к одному-единственному — литературе. Там меня хвалили. От других предметников все чаще прилетало: “летаешь в облаках”. Как будто это преступление.

— Ты мне скажи. А если не скажешь, — я перевела на него взгляд, который в школе окрестили “свинцовым”, — представлю, что у тебя что-нибудь отвалилось. Ножка там. Или ручка. Или носик.

Лестер расхохотался.

— Смотрю, тебе понравилась та экскурсия. Надо почаще тебе такое показывать.

Лестер сдержал обещание, и как-то ночью мы отправились в морг. Меня вырвало трижды, но опыт был интересный.

— Просто скажи мне правду. Есть еще такие, как мы?

— Конечно, — отсмеявшись, он сел прямо, поправил свои неизменные белоснежные локоны и устремил на меня взгляд небесно-голубых глаз. — Как там было? “И сотворил Бог небо и землю. И сказал Бог: «Да будет свет!» Пожалуйста. Бог создал материю из ничего. Только кроме материи он создал души. Очень много душ. А у тебя, — он перегнулся через собственные скрещенные ноги, чтобы дотянуться до моей груди. — Только одна. Не растрачивай ее слишком быстро. И запомни, Вера — никогда не создавай ничего живого.

С этими словами он растаял прежде, чем я успела задать мучивший меня вопрос о его собственной душе.

Глава 6

Антон

Когда все легли спать, я включил компьютер и активировал доступ к базе данных. База была старая, но и я больше не работал там, где раньше. Веру я нашел быстро, поочередно вбивая разные годы рождения. Царева Вера Александровна, девяносто третьего. Ей сейчас, значит, двадцать. А на вид подросток подростком — худая, изможденная, смотрит волком на всех. Видно, Хельга сильно ее испугала, раз она голос потеряла. Ванька вон в детстве так перепугался один раз — собака на него напрыгнула, — что целый год молчал.

По базе выходило, что родители ее в разводе, у отца уже другая семья. Росла, как все. Садик, школа. Дальше след обрывался. Ни Института, ни техникума, ни работы. Как на дне залегла. Или просто исчезла. Надо бы расспросить ее.

У немой немного, правда, визнаешь.

Квартира, где она жила, была в ебенях еще похлеще тех, где базировалась Хельга. Но ехать было недалеко, особенно ночью по пустой дороге. Старенькая хрущевка. Четвертый этаж. Пешком, конечно, про лифт тут не слышали. Дверь опечатана, желтые полосы крест накрест горят в темноте. Когда это кого останавливало...

В квартире было холодно, как в могиле. Я постоял немного в темном коридоре, прислушался. Шорох занавесок, поскрипывание старых половиц — обычные звуки старого

здания. В воздухе висел едва уловимый след мороза, как если бы кто-то зимой оставил дверь распахнутой. Сомнений нет — Хельга тут побывала.

Я включил фонарик. На стенах пусто, за исключением фотографий котов и смазанных пейзажей. На кухне бардак. Потолки высокие, обои на стенах местами отклеились, кое-где совсем оторвались. В углу старый календарь. Я осветил на выцветшую страницу — август две тысячи девятого, четырнадцатое обведено красным.

Не похоже, чтобы здесь жила молодая девушка.

Стол был усеян исписанными бумажками. Какие-то валялись на полу, остальные — на кушетке без подлокотников. Дверь заклеили, а бумажки не подобрали. Молодцы. Я осветил на страницы. На всех одинаковый почерк с острыми косыми росчерками вниз и вправо. Собрал все, свернул и сунул в карман. Прочту, как будет время.

Мусорка была забита упаковками от пиццы. А вот тут уже больше похоже на молодняк. Из шкафа в углу свисала трубка допотопного телефона с вертушкой.

Я пошел в комнату. Зажег свет. Ничего. Кровать заправлена, пол расчищен — видно, здесь улики собирали тщательнее. Прямо напротив кровати стояло кресло с деревянными подлокотниками. От линолеума пахло хлоркой. Никаких следов того, что здесь произошло. Но раз дверь опечатали, труп они нашли. А где труп, там дело. У меня осталась, конечно, пара товарищей с работы, но одна песня — дать доступ к устаревшей базе данных, другое — закрыть дело об убийстве. Надо будет все-таки расспросить Веру.

Я выключил свет, на всякий случай снова прислушался — ничего. Вышел. Ленты наклеил новые.

Уж этого добра хватает.

Вера

На следующий день я завтракала в одиночестве. Антон куда-то уехал, Ваня сидел в своей комнате. Это было первое утро, когда у меня ничего не болело после взрыва. Ранки от осколков почти не беспокоили, и если бы ко мне чудесным образом вернулся голос, я чувствовала бы себя совсем здоровой. Надо будет поискать в Интернете информацию. Наверняка что-то найдется.

Я включила маленький телевизор в углу. Видно, был выходной, и по всем каналам рассказывали, как хорошо проснуться спозаранку и отправиться на природу или в путешествие. Я отщипывала кусочки подогретой булки и думала, что тоже могла бы однажды проснуться и поехать в путешествие. Или пойти на работу. А до того пять лет ходить в Институт. А еще раньше написать ЕГЭ.

Я сама не заметила, как раскрошила булку на мелкие кусочки.

Ну нет. Так дальше не пойдет. Я, может, и немая, но все еще живая и относительно здоровая. Я встала и начала убираться. Помыла посуду, насухо вытерла тарелки, подмела кухню к радости Сметаны, которая тут же начала ловить лапками веник. Полила розы на подоконнике — те и не думали распускаться, так что непонятно было, какого они цвета. После инспектирования комода на предмет хоть одного ненарядного платья нашла ситцевое с неглубоким вырезом и рукавами, которые отлично закатывались к локтям. Не джинсы, но вполне рабочее.

Надо только сначала... Я сунула платье под мышку, взяла с комода блокнот и пошла стучаться к Ване.

— Вера, ты? — лениво отозвался он. — Заходи.

Кажется, он меня все-таки не ненавидит.

Я вошла. Окна в комнате были закрыты наглухо, пахло таблетками. Ваня сидел на раскладушке в одних спортивках и сосредоточенно рассматривал что-то в экране ноутбука. Челка закрывала ему поллица, правая рука лежала на клавиатуре, левая лениво шарила в полупустой пачке чипсов.

Я неуверенно улыбнулась и ткнула пальцем в ворох ткани под мышкой. Ваня поднял глаза от ноута, задержался взглядом на моем платье — том, в котором я была накануне, — и благосклонно кивнул.

— Бери.

“Спасибо”, - беззвучно произнесла я и зависла, размышляя, можно ли попросить у него компьютер.

Ваня проследил мой взгляд.

— Тебе нужен ноут?

А он неплохо понимает без слов. Я достала блокнот и показала заранее заготовленную фразу о том, что не хочу мешать.

— Ты не мешаешь. И это. Я вообще-то не прям так против, чтобы ты тут тусила. Просто неожиданно было.

Я снова улыбнулась, на этот раз искренне. Ваня спихнул ноутбук на раскладушку рядом с собой.

— Приземляйся.

Я устроилась рядом с ним и водрузила шумящий ноут на колени.

— Хочешь? — Ваня кивнул на упаковку чипсов.

Я покачала головой и открыла поисковик. “Сдать ЕГЭ второй поток”. Первый же сайт выдал информацию о том, что записываться на ЕГЭ нужно в марте, а тем, кто этого не сделал, остается ждать следующего года.

Я вздохнула. А чего я хотела? Реальный мир, реальные правила. Кстати о реальном мире... Я набрала адрес сайта, на котором сидела три года назад. Дизайн изменился совсем немного: бело-синий фон, слева меню, справа фото. У Вани был сохранен пароль, так что я зашла с его страницы. Вбила в поиск “Гимназия 1562”, год, в котором я должна была ее закончить, и стала тыкать во все фото, смутно узнавая в улыбчивых и взрослых лицах своих бывших одноклассников. У Наты, Зои и Ани, с которыми мы дружили, в статусе стояло “замужем”. Зоя даже успела родить ребенка. Из парней несколько служили в армии, кто-то даже стал профессиональным военным. Один улетел в Америку, другой в Голландию. У многих кроме места учебы уже значилось место работы.

— Вера? — голос Вани вырвал меня из калейдоскопа лиц. — Все хорошо?

“Все окей”, - хотела ответить я на автомате, но плотнула воздуха и закашлялась — да так, что заслезились глаза.

Ваня молча протянул мне бутылку с Кока-Колой. Я снова хотела сказать, что все в порядке, но закашлялась еще больше.

— У тебя руки дрожат.

Пальцы, замершие над клавиатурой, и правда немного дрожали. Я сжала кулаки, но это не помогло. Ну отлично. Видимо, теперь стоит мне понервничать, я буду превращаться в трясущуюся старушку. А что. Разве не так должна выглядеть Зима?

В углу зашипела кошка. Манжетов на лапках у нее не было, зато на грудке расплылось белое пятнышко. Мася.

Она вдруг выгнула спину и ощерилась.

— А ну пшш! — Ваня кинул в нее чипсиной. — Не пугай Веру.

Глаза у кошки были черные, как агатовые бусинки. Я вглядывалась в них, а потом вдруг увидела, как под гладкой черной шерсткой перекачивается золотистый огонек. И тут же из недр сознания поднялась мысль — *я могу его уничтожить*.

— Все хорошо? — голос Вани прозвучал как будто издалека.

Глубоко вздохнув, я написала:

“Можно мне посмотреть кое-что еще?”

— Конечно.

Убедившись, что он не смотрит, я вбила в поисковик «Хельга Зимняя Дева». Страница наполнилась картинками пышногрудой валькирии в окружении волков и воронов. На одних она была облачена в стальные доспехи с вкраплением вороньих перьев, на других закутана в алый плащ. Странно. Эта женщина не имела ничего общего со старухой, явившейся мне две недели назад.

Я открыла статью в “Википедии”. В старину была известна как богиня мести... Подстрекала воинов на ратном поле. Часто представляла в виде молодой девушки с вороном на плече. Если Хельга — такая красotka, то кто тогда старуха, испустившая дух прямо мне в губы?

«Хельга имела три ипостаси. Дева-воительницы, зрелая женщина и старуха, потерявшая в боях своих сыновей. Также Хельге приписывался дар пророчества”.

Что ж, это хотя бы объясняло, откуда она знала про заминированную станцию. Интересно, этот дар мне тоже передан? Я покосилась на Ваню и спросила себя, что произойдет с ним в ближайшие двадцать четыре часа. Ваня сидел расслабленно, прикрыв глаза и сложив руки на голом животе.

— Что? — спросил он.

Ничего. Ничего я о нем не знала.

Может, со временем. Антон упомянул о заморозках. Как он сказал? Никакого волшебства до первых заморозков?

Я вбила в поисковик имя и фамилию Кости, пролистала несколько страниц с его стихотворениями, добавила в поиск “где похоронен” и проглотила подкативший к горлу комок, когда наконец нашла. Несколько раз повторив про себя адрес кладбища, я закрыла браузер и поспешила уйти, пока Ваня не заметил слезы в моих глазах.

Не буду я плакать. А то опять руки задрожат.

Антон

Не сегодня-завтра тело Хельги должны были похоронить, так что времени особо не было. Я оставил Веру с Ванькой — когда уезжал, оба еще спали, — и поехал на квартиру к бывшей Зимней Деве.

Я ожидал увидеть там что угодно — разгром, следы борьбы, порванные в клочья занавески и разломанные в щепки стулья. Но чего я не ожидал, так это зайти в квартиру, в которой абсолютно ничего не изменилось. По крайней мере, в коридоре и на кухне.

Дверь я открыл своим ключом — Хельга давно сделала мне дубликат. Внутри было тихо и прохладно. Я осмотрел замок. Никаких следов взлома. Она точно открыла дверь сама.

Я постоял в коридоре. На стенах пара картин, выполненных карандашом, пахнет морозом и древесиной. Все как всегда, даже полосатый коврик лежит ровно на своем месте. На кухне тоже ничего необычного — чашки вымыты, стол с накрахмаленными салфетками

пуст, стулья придвинуты.

На кухню убийца явно не заходил.

Оставалась гостиная, которая одновременно была и спальней, и кабинетом. Я вернулся в коридор и толкнул наполовину стеклянную дверь.

На первый взгляд в комнате все было по-прежнему: жесткая кушетка, заменявшая Хельге кровать, стояла аккуратно заправленная у стены. У окна красовался аккуратный чайный столик с такими же накрахмаленными салфетками, как на кухне, рядом — мягкое синее кресло с потертыми подлокотниками, в которое Хельга обычно усаживала гостей. Сама она всегда сидела на простом жестком стуле.

Стул стоял посреди комнаты. Вокруг и под ним расплзлась засохшая темно-бордовая лужица. Сзади на полу лежали окровавленные веревки.

Я остановился, пытаясь воссоздать картину. Лестер сказал, что Хельга появилась, истекая кровью. Неужели она дала себя связать? Возможно, была без сознания? Допустим. Допустим, кто-то, кого она знала, вошел, ударил ее по затылку, она упала в обморок, очнулась связанная на стуле, а потом — что? Ждала, пока ее убьют?

Эх, Зима, Зима.

Я тщательно обыскал квартиру в поисках прощальной записки или чего-то в этом роде, но ничего не нашел. Видимо, Хельга считала, что главное сделала — нашла себе преемницу.

Я закрыл дверь своим ключом и поехал в морг.

Морги так-то одинаковые. Я это после Кольки понял — у него и у мамы все было стандартно, черная скатерть на столе, приглушенный свет в комнате и собачий холод. Как Катю хоронили, не помню, но там наверняка было что-то похожее. Приемная, длинный коридор, предбанник. Работник просит надеть перчатки, удостовериться, что носовой платок с собой, и вперед.

Я думал, после Кати меня ничего не возьмет. Опять же, сердце заморожено — только кровь по телу качает, а чтобы чувствовать, такого давно нет. Но смотреть на маленькую сухую старушку со сложенными на животе ручками, которая столько раз гордо вздергивала острый подбородок, отдавая приказы, оказалось хуже, чем я думал.

Одета она была в белую ночную рубашку, седые волосы волнами обрамляли худое строгое лицо. На запястьях я заметил следы веревок. Глаз под веками не было. Я всего повидал на службе, но от вида почерневших ран меня замутило.

Я задержал в ладонях ее маленькую руку и вдруг по старой памяти поднес к груди. Может, в ней осталась хоть капля холода?..

Но где там. Ни холода, ни силы — только заледеневшая рука в трупных пятнах. А тоска уже потекла ручейком от сердца, свернулась за легкими, как старая кошка. Помню я это ощущение. Пока слабенькое, как комарик щипает. Но оно окрепнет.

Я заплатил человеку в морге за похороны, наказал одеть Хельгу в алое и сообщить мне место погребения. И поехал домой.

Ванька торчал в своих тырнетах. Вера что-то строчила в комнате. Пришла Маса и тихо зашипела на ее приоткрытую дверь.

— Ты чего под дверью торчишь? — спросил Ваня.

Я хотел съязвить, но ничего не придумалось.

— Надо. Как голова?

Он постучал костяшками по черепу.

— Что ей будет! Кость. Ты бы ей комп подарил, что ли. У тебя же Колькин стоит без дела.

— А что?

— Просто, — он почесал затылок и пошлепал на кухню.

Просто. Ага.

Я дождался хруста чипсов с кухни и тихонько прошел к нему в комнату. Ноут лежал поверх одеяла. Я открыл историю браузера. Щенки болонки как растить, больно ли рожать собакам, домик на Тенерифе, самогипноз... Порно для тех, кому за двадцать. Перхоть малолетняя. А вот это уже интересно. Константин Семенов где похоронен. Я открыл пару страниц — на одной висела смазанная фотография вполоборота. Парень совсем зеленый, лет восемнадцать. Черно-белая клетчатая рубашка навывпуск, волосы длинные, челка на глаза. Поэт. Ишь!.. Пробежал стихи — любовь, кровь, мрак, могилы. Это что у нее, первая любовь такая?

Дальше шел запрос про Хельгу. Догадалась. Молодец. Еще раньше шли страницы «в контакте». Я стал щелкать все подряд. Мальчики, девочки, все вроде ее ровесники. Одноклассники? Так и есть, одна и та же гимназия. Зачем их проверять? Давно не виделись?

Я вдруг понял, что с самого начала пропустил очевидное. Не нашел страницу Веры. Наверняка она тоже торчит на этом сайте. Вбил в поисковик «Вера Царева». Двести сорок девчонок. Поставил ограничение по году рождения — осталось трое.

Веру я узнал сразу. На фотографии ей было лет пятнадцать, щеки еще по-детски округлые, и сама она какая-то мягкая, смотрит в камеру на фоне заката и улыбается уголками губ. На лбу вышитый обруч, у висков болтаются... бусы, не бусы? Украшения какие-то в виде колец. Коса через плечо, сарафан, рубашка с вышитым воротом — как есть русская красавица.

Кроме портрета на страничке лежали фотки из разряда “собери пазл” — заросли, деревянные ступени, крыльцо какого-то заброшенного дома, все в крапиве и плюще, так что и дверь-то не особо видно. Дача? Слишком запущено. Баня? Сарай?

Блин. Вот она сидит за стенкой, пойди да спроси. Шерлок Холмс.

— Тоха, — позвал Ваня с кухни. — Ты таблы мои не видел?

— Иду.

Глава 7

На следующий день Антон разбудил меня ни свет ни заря. Мне снился взрыв, сквозь тускло-оранжевые всполохи огня проступало лицо Эдгара. Я силилась не плакать, но даже во сне знала, что проснусь с мокрыми щеками.

— Эй. Вера. Ты в безопасности. В безопасности, — сказал Эдгар голосом Антона, и я проснулась окончательно.

Антон сидел на корточках перед диваном. На фоне серой футболки лицо его казалось пепельным, как у орка из “Властелина колец”. Но ни один орк еще не смотрел ни на кого так озабоченно.

Он протянул мне бумажный платок.

— Пора на йогу.

Антон вышел, оставив дверь приоткрытой. В щель по очереди просочились Маша и Сметана. Сметана хотела понюхать мою ногу, но Маша прикусила ей ухо, и по комнате заметался клубок шипящих кошек. Я натянула первое попавшееся платье и поспешила к Антону.

В комнате было прохладно. Занавески тихонько колыхались от утреннего ветерка, с улицы доносилось веселое чириканье. Антон сидел на голубом коврике для душа, скрестив ноги перед собой. Не открывая глаз, он скомандовал:

— Садись, как я. Вон туда, на коврик, — он безошибочно указал на разложенный рядом темно-синий коврик. — Тебе нужно научиться быстро находить баланс.

Спать хотелось дико, но еще больше — отвлечься от кошмара. Я кое-как уселась на коврик и закрыла глаза. Тут же вернулась картинка: мигающий свет из-под потолка, маячащие перед глазами спины, эскалатор вдалеке.

— Почувствуй свои стопы, — размеренно начал Антон. — Икры. Колени. Бедр. Почувствуй живот. Грудь. Шею. Руки. Расслабь тело. Сделай глубокий вдох. И глубокий выдох.

Спасаясь от видения, я открыла глаза. Прислушалась. За стеной негромко сопел Ваня. Где-то в глубине коридора Сметана драла обои. У Наума был тот же утренний ритуал.

— И еще раз вдох. Выдох. Отпусти мысли. Отпусти эмоции. Отпусти себя, — Антон широко развел руки в стороны, будто собирался обнять дерево. — Выдыхай.

Я подавила зевок. Если не закрывать глаза, картинки не вернуться.

— Теперь встань. Опустит руки к земле. Расслабь спину. Медленно, по одному позвонку.

Пока Антон поднимался, я снова зевнула. Настенные часы показывали семь пятнадцать. Я медленно поднялась, чувствуя себя мешком с опилками. Последний раз физическая нагрузка у меня была в одиннадцатом классе на уроке физкультуры. Это получается сколько? Три года назад. Посмотрела бы я на него после такого перерыва.

— Теперь вдохни и потянись руками вверх, как будто приветствуешь солнце.

Я представила себе девушку из статьи в Википедии, которая машет в небо приветственным жестом, и неожиданно для себя улыбнулась. Дрожащие руки неуверенно поднялись, кожа на заживающих от осколков ранах натянулась.

— Выдох. И еще раз. Руки вверх.

Картинка девушки с вороном не отпускала. Или, может, на ней плащ из вороньих перьев? Может, она укутана в него, чтобы никто не различил хрупкую девичью фигурку, которую так легко сломать. Под плащом у нее, допустим, стальные латы, а еще ниже бархатное красное платье...

Я почувствовала, как что-то легкое, легче самого воздуха, мазнуло меня по щеке. Антон резко развернулся, ошаривая комнату взглядом.

— Ты откуда это взяла?

Я провела пальцами по гладким перьям у бедра. Они были холодными и твердыми, будто выкованными из серебра, и едва ощутимо пульсировали, отзываясь на мое прикосновение. Офигеть. Я, что, представила это? Тогда где хруст осыпавшегося печенья?

Я подняла руку, ощутив на запястье немалый вес кованых браслетов, и прикоснулась к виску. К шее спускались тяжелые кованые кольца.

“Браво, моя радость, — вдруг раздался в голове голос Лестера. — Наконец-то ты выглядишь так, как я себе представлял. Может, еще посох в руки? Или лук? Нет, стой, лучше копьё!”

Я зажмурилась.

“Ты где?”

Лестер давно не говорил со мной так. Но то, что у него достало сил даже на такой разговор — добрый знак. Ну или признак того, что я окончательно сбрендила.

«Где ты?» — мысленно повторила я.

Молчание.

«Лестер!»

«Не ори так... У меня уши закладывает. Я совсем недалеко».

«Где??»

Но он уже замолчал. С ним исчезло и мое видение. Я потрогала волосы — никаких украшений и обручей. Обычное нерасчесанное со сна гнездо.

Антон выглянул из окна.

— Ты бы поосторожнее с этим. Пока правит Юля...

Я тоже подошла к окну. Верхушки деревьев раскинули кроны так близко, что можно было потрогать зеленые листочки.

— В этом виде Хельга столетия назад водворяла Зиму по всей земле, — пояснил Антон и снова подозрительно на меня покосился, точно ждал объяснений.

Но я сама ничего не понимала. Кроме того, что Лестер жив. Жив! И нашел меня. Может, он прямо сейчас стоит под окнами и наблюдает? Я высунулась из окна, но меня тут же беспардонно втоптали обратно.

— Осторожно, тут тебе не первый этаж, — недовольно проворчал Антон. — Пошли лучше завтракать.

Я слышала, как по дороге на кухню он шарахнул кулаком в дверь Вани.

— Проснись и пой, да!

Ваня вяло отозвался через стенку. Я поспешила в ванну, пока та свободна. В квартире с двумя мужчинами это была почти роскошь.

Ваня ввалился в кухню, протирая кулаками глаза и с шарканьем передвигая ноги. Футболка на нем была не просто мятая, а как будто пожеванная, штанины волочились по полу. Он не глядя приземлился на диван и пробормотал что-то, отдаленно напоминающее “Доброе утро”.

Я сидела напротив, обхватив пальцами горячую чашку и вдыхая аромат с нотками шоколада. Антон варил кофе, способный поднять мертвых, и к концу недели я уже начала к нему привыкать.

По кухне плыл сладкий запах свежих булочек. Антон с кухонным полотенцем через плечо разогревал сковороду.

— Будешь омлет?

Ваня едва заметно мотнул головой и поморщился.

— А ты, Вера?

Я покачала головой, ложкой размешивая сахар. Мысли блуждали далеко. Лестер жив. Костя похоронен на Архиповском кладбище. А я не заплатила за наряд из стали и перьев частичкой души. Может, не так уж и плохо быть Зимней Девой?

День обещал быть жарким. На часах еще не было восьми, а через приоткрытое окно уже проникал липкий воздух с приторным ароматом жасмина. Небо было чистое и безоблачное, солнце шарило всюду.

— Что, опять не здоровится?

Антон вылил яичную массу на раскаленную сковороду и включил телевизор.

«Ответственность за взрыв взяли на себя...»

Он выругался себе под нос и быстро переключил на другой канал. Красивые мужчины и

женщины танцевали в парке под тягучую музыку, тесно прильнув друг к другу. На женщинах красовались короткие однотонные платья и блестящие туфли с тонкими ремешками, на мужчинах — небрежно расстегнутые белые рубашки и голубые джинсы.

— У тебя яичница сгорит, — подал голос Ваня и налил себе кофе в чашку с надписью “make your choice”. — Нормально все.

Антон передвинул дымящуюся посудину на свободную конфорку.

— Это где они? — Ваня заинтересованно уставился на экран. Внизу бежала желтая строка с текстом. — Ага. Приглашаются молодые люди... Интересно.

Музыка ускорила, и кавалеры синхронно повернули своих партнерш. Камера выхватила лица парочки на переднем плане. Парня я узнала сразу: это был подставной контролер, которого я ранила в поезде. Соломенные волосы забраны в низкий хвост, в ухе сверкают три серебряных колечка. На очередном аккорде он наклонил блондинку в красном платье почти к самой земле и медленно провел ладонью в сантиметре от ее тела. Это было так чувственно, что на мгновение я перестала дышать.

— Вау, — восторженно выдохнул Ваня. — Надо запомнить адрес. “Летняя дева”. Запомни, Вера, Большая декабрьская...

Тут я вспомнила. Парня звали Тёма. А его стройная партнерша, которая сошла бы за живую рекламу фитнес-клуба, наверное, и есть Летняя дева.

Антон выложил омлет на тарелку и, шуганув кошек, обернулся к телевизору.

И выключил.

— Ну и зачем ты вырубил? — накинулся на него Ваня. — Сам ничего нового не пробуешь и другим не даешь!

— Они не тебя ищут, уж поверь, — отрезал Антон.

— Откуда ты знаешь?

— Оттуда, — Антон принялся за яичницу. — А ну кыш! — он отпихнул Сметану, которая, улучив момент, запрыгнула на диван и все-таки отхватила кусок.

— Я хотя бы пытаюсь что-то делать! Что-то пробовать. А ты торчишь в своей школе!

Я поперхнулась кофе. Если Антон учитель, то я королева Англии.

— Ага, а ты ее даже не закончил.

Ваня с чувством поставил чашку на стол, так, что жалобно звякнула вся посуда. Кошки бросились врассыпную. Ошалевшая Сметана запрыгнула на спинку дивана в паре сантиметров от моего плеча, и к звону посуды добавился треск рвущейся ткани.

— Может, и закончил бы, если бы у меня была нормальная жизнь, а старший брат не подзатыльники раздавал, а общался, как с человеком!

Антон смерил Ваню хмурым предупреждающим взглядом, но промолчал.

— Короче. Сообщи, когда найдешь, что ответить, — прихватив чашку с кофе, Ваня гордо покинул кухню.

В наступившей тишине было слышно, как Сметана методично кромсает когтями обивку дивана.

— Отцы у нас разные, — после паузы сообщил Антон. — Про мать ты знаешь. Старший брат спился. Отец отъехал. Ванька закончил девять классов и никак не может поступить в техникум. Два раза уже проваливался. Вот поступит, закончит и пусть катится, — мрачно продолжил он.

Я еще немного отодвинулась от Сметаны и вспомнила, что в кармане платья лежит блокнот.

“Ты правда работаешь в школе?” — написала я, открыв его на чистой странице.

Антон невесело усмехнулся.

— Это все, что тебя заинтересовало?

Я не двигалась, ожидая ответа, и он со вздохом объяснил:

— Я охранник. Пока у детей каникулы, свободен. Раз в неделю проверяю, что там все нормально. Сметана, блин! — Антон наконец заметил, чем занимается котенок, и за шкуру отодрал его от дивана. — В стиралке запру!

Что-то бухнуло в глубине квартиры. Кошки синхронно бросились на звук. Антон угрюмо посмотрел на дверь и положил в рот кусок яичницы.

“Я проверю”, - беззвучно произнесла я и выскользнула из-за стола.

Находиться с ним рядом в таком состоянии не хотелось.

Ваню я обнаружила в своей комнате. Он методично выкидывал мамины платья из комода, сгребая их в кучу на полу.

— Невозможно, — бормотал он. — То будь умницей. То заткнись и не ной. То пойдучиться, стань нормальным человеком. То ни о чем не волнуйся, вместе справимся. Это не у меня, а у него биполярка. Определиться, блин, не может, то ли он живет дальше после Катьки, то ли существует, как зомби. С работы, на работу. С работы, на работу. Все лето дома. Хоть бы на курс какой ходил. На те же танцы! Так и загнется в этой дыре. До города сорок пять минут на электричке. А это между прочим тоже жизнь. Сам-то! Армия, служба. Ради чего, спрашивается? Чтобы закончить охранником в школе. Нет. С меня хватит. Поеду к дядьке в Москву. Только соберу вещи. И поеду.

Тут он заметил меня.

— Ты почему в моей комнате?

Я ограничилась поднятыми бровями — писать вопрос в блокноте было долго.

Ваня растерянно оглянулся на комод.

— Где... Погоди. Я же хотел пойти к себе.

Он оглядел гору платьев и бессильно осел на пол. Обхватил колени и начал медленно раскачиваться.

— Как же я это ненавижу...

Я прислушалась. На кухне снова работал телевизор. Антон и не думал появляться. Я подошла к Ване и опустилась перед ним на колени. Как ему помочь, я не знала, но очень хотела что-то сделать.

— Голова, — еле слышно пожаловался Ваня.

Антон говорил, что Хельга умела замораживать боль. Может, и у меня получится. Должно же быть хоть что-то хорошее от моей новой силы. Я обхватила голову Вани ладонями, заставляя поднять на меня глаза.

Где-то глубоко во мне жила зима. Там, в памяти древнее самого мироздания, стояли, укрытые снегом, как саваном, мертвые деревья. Ледяной ветер истребал их ветви, сорвал последние листы и вынул самую душу, прокрался под самую кору. Снег укрыл их, заморозил до лучших времен. Холод — это милосердие. Мысль родилась в глубине сознания, импульсом пронеслась по самым кончикам пальцев. Холод — это покой. Зима — это спасение. Я вглядывалась в грустные карие глаза Вани и думала об истерзанных деревьях. Им холодно. Конечно, им холодно. Но им больше не больно.

Благословенный холод тек от моих ладоней к вискам Вани, гасил его боль. Ваня

обхватил меня за талию и легонько водил по спине пальцами. Потом перестал. Я не отследила момент, когда руки его безвольно легли на колени, но почувствовала, что Вани больше нет. Он спал, как спят деревья, сберегая силы до прихода весны.

— Ты что?.. — послышался за спиной голос Антона. — Ты что нахрен сделала?!

Он отпихнул меня от брата, но было поздно. Ваня покачнулся и медленно, боком сполз на пол. Только слабое дыхание свидетельствовало о том, что парень еще жив, но и оно сделалось едва различимым. Я не слышала стук его сердца, но точно знала, что оно стало биться медленнее.

Антон понял это одновременно со мной. Он пальцами нащупал пульс. Ваня был жив. Но какой-то момент я подумала, что Антон меня ударит. Вместо этого он спросил убийственно спокойным голосом:

— Ты можешь это вернуть?

Я растерянно покачала головой. Я даже не знала, что именно произошло.

— Твою мать, Вера!

Он приобнял Ваню за плечи и долго сидел, сгорбившись, словно ему было больно дышать.

— Какой там был адрес этой школы? — спросил он, не поднимая головы. — Ты запомнила?

Я кивнула, но он этого не увидел.

— Твою мать, Вера, ты запомнила?

“Да”, - одними губами произнесла я, неосознанно напрягая связки.

Ваня безвольно лежал на раскиданных вещах матери. Лицо его было безмятежным и оттого казалось еще более юным.

Антон поднялся.

— Собирайся, — бросил он. — Поедем знакомиться с Юлей.

Вера, 11 лет

Когда мне исполнилось одиннадцать, папа пришел с работы уставший, посадил меня и маму в гостиную, глубоко вздохнул, как перед прыжком в воду, и на одном дыхании сообщил, что уходит. Конечно, он будет и дальше общаться со мной — ребенок ему важнее неурядиц в супружеской жизни. Потом он подумал и добавил, что все-таки не дорожит самой жизнью, а прожить он намерен отныне свободно и счастливо со своей будущей женой в Подмосковье.

Что на это ответила мама, я не помню. Кажется, начала разглагольствовать о мужской порядочности и о том, что не хочет остаться одна после сорока. Потом — что не справится одна с таким непростым ребенком. Еще было что-то про походы в магазины, которые теперь станут в разы напряжнее без машины.

Я слушала вполуха, перебирая в голове истории последних дней. Что-то о драконах, но они мне к тому времени наскучили. О древних славянах — вот это интересно, мы как раз начали проходить их по истории, и я буквально рухнула в мир языческих богов. Надо было подумать о чем-то увлекательном, на что можно быстро переключиться...

— Вера, ты меня слышишь? Твой папа от нас уходит. Тебя это тоже касается!

Я с сожалением отвлеклась от духа реки с женским именем, который по ночам обращался прекрасной молодой девушкой.

— Твой папа от нас уходит, — повторила мама. — Скажи что-нибудь.

Я поднялась с дивана.

— Мне доклад задали. По биологии. Это супер важно.

Расправила плечи и подняла голову — на случай, если кто-то из них решит, что я собираюсь плакать, — и неторопливо пошла к себе.

— И как мне одной справиться с таким ребенком прикажешь? — услышала я мамин голос из комнаты.

— То есть?

— Ты разве не замечал, какая она бывает? Уставится в одну точку и смотрит. У меня иногда прямо мурашки по коже. О чем она думает в этот момент, где ее мысли?

— Не говори ерунды! Все дети разные.

Я нащупала в ящичке стола наушники и поскорее воткнула в уши, чтобы не слышать мамин ответ.

На следующий день папа уехал.

Часть 2. Новые знакомства

Глава 8

В город мы отправились на машине. До этого момента я вообще не знала, что у Антона есть машина. Оказалось, своей и не было — из окна кухни я видела, как какой-то дед передал ему ключи, и рядом мигнул фарами темно-зеленый минивэн.

Ваня остался в комнате. Убедившись, что брат не подает признаков жизни, Антон осторожно уложил его на раскладушку, накрыл пледом, поставил рядом стакан воды и тихо вышел.

Мне хотелось провалиться сквозь землю. Понятия не имею, что дернуло меня замораживать боль живому человеку. Это же надо додуматься... Почему я решила, что у меня получится? Особенно после дерева, от которого осталась одна труха.

Я застегнула плетеные босоножки. Надо найти Лестера. Одна я не смогу представить, что Ваня проснулся. По ощущениям это было примерно также сложно, как представить, что Эдгар ожил. Но если мы объединимся...

Я закатала рукава голубого ситцевого платья и провела рукой по волосам. В зеркале на меня смотрела молодая колхозница. Щеки округлились и порозовели, в глазах появился блеск.

Антон велел спускаться через пять минут. Спорить с ним не хотелось. Я вообще не представляла, как с ним теперь себя вести. Он знал, что я не нарочно, я знала, что я не нарочно. Но Ване, лежащему на раскладушке, от этого было не легче.

Прихватив блокнот и потрепав за ухом Сметану, я спустилась на улицу. Солнце резануло глаза, плечи обнял пыльный душный воздух. Минивэн ждал у подъезда. Я неуклюже забралась в кабину. Даже будь у меня голос, я понятия не имела, что сказать. “Извини”? “Я не хотела“?

Я чуть не угробила его брата.

— Пристегнись.

Антон поправил зеркало заднего вида и завел мотор. Минивэн с пыхтением тронулся с места. Минут двадцать мы ехали в абсолютной тишине. Антон сосредоточенно смотрел на дорогу, сжимая руль двумя руками. На светофоре он резко затормозил, и сзади засигналила машина.

— За собой последи! — рявкнул Антон.

Я невольно вжалась в сидение. Не то, чтобы мы были давно знакомы, но я его таким еще не видела. Костяшки пальцев на руле побелели, поза была напряженная, глаза колючие, будто он готовился к драке. Я видела, как под полами куртки мелькнула кобура. Этот несдержанный злобный Антон пугал меня до чертиков.

“Тепло, моя радость. Уже теплее”, - вдруг прозвучал в голове бархатный голос.

Я встрепенулась. Лестер!

“Просто скажи, где ты!”

“Ну нет, так неинтересно”.

Я завертела головой. За окном поля постепенно сменялись многоэтажками. Сначала они, как грибы, торчали посреди зеленых массивов, потом замелькали чаще, и я поняла, что мы въехали в город.

— Что? — Антон подозрительно скосил на меня глаза. — Что-то увидела?

Я покачала головой.

— Тогда что?

Впереди замаячили многоэтажки сине-лилового оттенка. Цвет был таким несуразным, что я сразу его узнала. Все совпадало: с одной стороны три лиловых дома, с другой — заправка с ярко-зеленой крышей, больше похожая на деревенский домик. Мы ехали по дороге от дачи к моему дому.

Ну конечно. Лестер же знаком с моей мамой. Ему даже не пришлось бы использовать волшебство, чтобы она егопустила.

Забыв про блокнот, я искала, где написать, что нам срочно нужно сворачивать.

— Только не на стекле, — предупредил Антон, направляя минивэн к обочине.

Меня снова бросило вперед, и утренний кофе подкатил к горлу.

— Так что там? — заглушив мотор, Антон наблюдал за мной в зеркало заднего вида, не поворачивая головы. Взгляд у него был холодный и далекий, как в первый день нашего знакомства. — Напиши.

Я достала блокнот с привязанным карандашом. Вместо “Прости меня”, крутившегося на языке, нацарапала: «Я жила недалеко. Мне очень нужно домой. Это быстро».

Антон задумчиво разглядывал буквы.

— Там живут твои родители?

Я закивала. Любимые родители. И один тип, который может помочь.

Антон вытянул руки на руле и нахмурился. На переносице залегла глубокая складка.

— И давно вы не виделись?

Я снова кивнула.

— Надо повидаться с мамой, — сурово проговорил он, будто обращаясь сам к себе. — Но времени у тебя будет максимум пятнадцать минут.

Хватит, чтобы вытрясти из Лестера правду.

— Добро, — Антон завел мотор. — Как до города, я знаю. Дальше на Варшавку?

Вера, 14 лет

После того, как Лестер запретил мне оживлять предметы, я на время успокоилась. Потом стала гадать: если нельзя оживлять, может, получится лишиться жизни?

На дворе стоял июль. Я торчала у деда на даче. По выходным приезжала мама — отдыхать от городских выхлопов, как она говорила. Сидя в тени раскидистой яблони, мама раскрывала на коленях журнал, в котором рецепты диетических блюд соседствовали со схемами для вязания, и погружалась в чтение. Я обычно лежала рядом на пледе и строчила очередную историю.

Мама к моему хобби никак не относилась — видно, считала, что скоро писательство перестанет меня интересовать. Но в тот день она решила спросить, о чем я все время пишу. На раскрытой странице красовалось детальное описание кровавого убийства. На всякий случай я прикрыла текст локтем.

— Ни о чем.

— Папе, я помню, ты все рассказывала, — едко заметила мама.

Я перевернула страницу так, что тетрадь казалась пустой.

— Сидишь целыми днями на одном месте.

Я поднялась с пледа.

— Ага. Пойду пройдуся.

Я уже собралась к калитке, зажав под мышкой тетрадь.

— Одна?

— У меня с собой телефон, если что, — я похлопала себя по заднему карману шорт и вышла на большую улицу. — Не потеряюсь.

Далеко я и правда никогда не уходила: с одной стороны дачный поселок граничил с лесом, с другой — местом таким заросшим, что без скафандра там было не пройти. Я шагала вдоль заборов, на ходу высматривая бабочек — они в последнее время были моим главным материалом для исследований. Одну мне даже на несколько секунд удалось превратить в камень. Лестер при этом не появился, и я воодушевилась.

Вдруг в метре от меня что-то маслянисто блеснуло. Сначала я подумала, что увидела черную корягу, но она едва заметно двигалась. Змея. Вряд ли опасная — дед говорил, в наших местах водятся только ужы.

Ладно. Ужик меня не тронет.

Я подошла ближе. Ни за какие коврижки я не взяла бы в руки скользкое, влажное, собранное будто из сотни мелких частей тело. Но соблазн попробовать превратить в камень что-то крупнее бабочки пересилил. Я присела на корточки и пригляделась. Чешуя переливалась на солнце, голова была маленькая, как игольное ушко. Брр. Мне всего-то нужно представить, как твердеет длинное тело, а чешуя становится серой и твердой...

Видимо, я наклонилась слишком близко. Или змея почувствовала опасность. Вот она лежит посреди дороги, а в следующую секунду лодыжку мне пронзает острая боль, и чуть выше кромки носка наполняются кровью две симметричные ранки. А змея, шипя и извиваясь, резкими толчками удаляется в канаву.

В ужасе я бросилась в противоположную сторону и почти сразу заметила, что наступать на ногу стало больно. Вся она налилась тяжестью. Боль медленно поднималась от лодыжки к бедру. Тело прошиб пот. Я достала из кармана телефон, но чуть не выронила его. Все плыло перед глазами. Единственное, на что мне хватило сил — добраться до калитки нашего участка и ввалиться внутрь.

— Мам, — прохрипела я, пытаясь отдышаться.

Почему нельзя было экспериментировать с мухой? Или там с кроликом.

— Что случилось?

Краем глаза я увидела, что напротив мамы сидит какой-то длинный тип в белом костюме. Лестер! От неожиданности я осела прямо на траву и вытянула перед собой стремительно опухающую ногу.

— Меня гадюка ужалила, — прошептала я.

Мама отложила журнал.

— Тут не водятся гадюки.

— Лестер, скажи ей...

Только произнеся его имя, я осознала абсурдность ситуации. Что он делает в реальном мире, да еще рядом с мамой? Может, у меня начинаются галлюцинации?

— Я тебе говорю, тут не водятся гадюки, — убежденно повторила мама, но все-таки поднялась, чтобы подойти ко мне. — Меня тоже жалили в детстве. Это ужик. Не переживай. Больно, но пройдет.

Я всхлинула. Она никогда не была на моей стороне. Никогда меня не защищала. А теперь я умру, потому что во времена ее детства гадюки еще не добрались сюда.

— Это, кстати, наш сосед, — успела сообщить мама, прежде, чем Лестер опустился передо мной на колени. На этот раз его белоснежные локоны, собранные в хвост, выглядели

почти обычно, а оттенок глаз приглушился до серо-голубого. Лестер щелкнул пальцами, и мир вокруг замер. Замерла мама, летающие бабочки и даже сам воздух. Двигался только он — точнее, его губы.

— Ты просто удивительная, моя радость, — голос долетал до меня будто сквозь туман. — У тебя прямо цель в жизни — сыграть в ящик.

В его руке возник стакан с водой. Мои руки дрожали, я никак не могла перестать всхлипывать. Лестер сам поднес стакан к моим губам и заставил сделать глоток.

— Что у вас за хобби, — пробормотал он. — Кто глупее помрет. Увы, пальму первенства ты уже не получишь. Грустно, понимаю. Я бы тоже расстроился.

Я хотела спросить, о чем он, но отвлекалась на матеаризовавшуюся у него в руке ампулу с чем-то желтым. Да ну. Разве нельзя просто хлопнуть в ладоши или что он там обычно делает?

Лестер профессиональным движением вскрыл ампулу, перелил содержимое в шприц, которого секунду назад не было, и строго поднял брови.

Да он серьезно, что ли. Я попыталась отползти, но на разгоряченную кожу, там, где заканчивались шорты, легли холодные длинные пальцы. Мне стало совсем худо.

— Я тебя закопаю, — просипела я, чувствуя, как голос срывается на шепот. — Вырву все твои фальшивые патлы по очереди.

— Ты, видимо, хотела сказать “спасибо”, — отозвался он, и в воздухе запахло спиртом.

— Убери от меня эту штуку!

Я снова дернулась, но он держал крепко. Да и сил у меня уже не было.

— Мне проще вколоть сыворотку, чем представить ее у тебя в крови, — объяснил Лестер. — Терпи.

Игла вошла под кожу где-то в районе бедра, и боль от нее была самая настоящая. Я скрипнула зубами. Лестер медленно давил на поршень шприца, продолжая держать меня. На тонких губах играла привычная полуусмешка, но глаза смотрели озабоченно.

— Я тебе... — выдохнула я, чувствуя, как жар прокатывается по телу. — Затолкаю эти иголки... в...

Он прижал ватку к месту укола и улыбнулся своей самой обворожительной улыбкой.

— Обещаешь?

Я откинулась на траву. Меня как будто качали горячие волны. А на небе замерли облака. Просто остановились. Так странно.

— Урок по мироведению номер один: если ты пытаешься убить живое существо, оно попытается убить тебя в ответ, — сказал Лестер откуда-то издалека. — Ватку держи.

Я не глядя перехватила ватку. Тело била крупная дрожь, но, кажется, уже не от яда, а от пережитого страха. Я глубоко вздохнула. Я не умру. Не умру.

— А волосы у меня, между прочим, настоящие, — Лестер щелкнул пальцами, и мир снова пришел в движение. — Можешь как-нибудь проверить.

— Что проверить, Сережа? — неуверенно спросила мама. — Что здесь не водятся гадюки?

— Именно, — подтвердил он и встал, отряхивая свои безупречно белые брюки. — Сколько живу — ни одной не видел.

— Времени у тебя пятнадцать минут.

Антон стоял рядом со мной у подъезда и ждал, пока я введу код. Код я не помнила и

сделала единственное, что пришло в голову: набрала на домофоне номер нашей квартиры.

Мама ответила почти сразу.

— Алло?

Блин. Об этом я не подумала. Как без голоса сказать “Привет, это я”?

— Я ваш участковый, — уверенно отрапортовал Антон. — Никифоров Петр Сергееч

Мы нашли вашу дочь.

Я вытаращилась на него.

— Вера? — растерянно переспросила мама. — Уже вернулась! Сейчас. Открываю.

Чирикнул домофон. Антон дернул дверь на себя, и в лицо дохнуло едва уловимым запахом пыли. Он зашел в лифт с хозяйским видом, будто много раз здесь бывал. Я даже подумала, что он сам нажмет кнопку, но нет. Пришлось мне давить на жеваный кругляшок с потертой девяткой.

Я потеряла плечи. Надеюсь, ты соскучился, Лестер.

Но когда двери лифта разъехались, на площадке нас ждал не Лестер, а мама. Она мало изменилась за три года: каштановые волосы, забранные в хвостик, поседели, знакомая клетчатая рубашка, которую она всегда носила дома, потускнела от стирки и сидела свободнее.

Мама внимательно разглядывала меня сквозь толстые стекла очков.

— Ты такая большая стала, — сказала она.

Я проглотила подступивший ком. Наверняка она говорила не о росте, а о первых морщинах на моем лице. На секунду мне даже показалось, что она все поняла.

— Здравствуйте! — Антон вышел вперед, на ходу доставая из кармана удостоверение. — Можно пройти? Мы не надолго.

— Ненадолго... — эхом повторила мама, всматриваясь в корочку. — Петр Сергееч. Это от вас она звонила? — Антон поднял брови, но мама уже переключилась на меня. — Ты бы хоть предупредила, Вера. Летела долго? И уже потерялась! А вещи? В аэропорту оставила? Ты как всегда!

Я зависла. Откуда летела? Какой аэропорт? Что Лестер ей наплел?

Вдруг из квартиры послышалось недовольное мяуканье, которое невозможно было не узнать. Наум! Я бросилась на звук. Кот сидел у порога и с отсутствующим видом вылизывал переднюю лапу. Я неуклюже подхватила его на руки, но тут же отпустила — недовольно крикнув, кот царапнул меня по щеке.

— А вот и наша Вера! — радостно сообщил знакомый голос.

Прежде, чем я успела понять, где он, перед лицом выросла широкая спина Антона. Лестера я увидела мельком. Он стоял у стеночки, заложив костлявые руки за спину, и почти сливался с обстановкой: льняные штаны и рубашка по тону мало отличались от обоев, седые волосы в тусклом свете казались пепельно-серыми. Когда мы виделись в последний раз, в его груди зияла дыра размером с кулак, а сейчас, если не считать худобы и выцветших глаз, смотрящих в пустоту, он выглядел почти нормально.

— Ты кто такой? — спросил Антон, взглядом ошаривая пространство.

— А... — тонкие губы Лестера расплылись в улыбке. — Защитник. Молодец, моя радость. Без защиты сейчас никуда.

— И не говорите, Сережа, — подхватила мама, запирая дверь. — Столько жуликов вокруг. Я уже к телефону боюсь подходить. Вечно что-то предлагают.

Антон молча переводил взгляд с Лестера на маму. Потом посмотрел на меня.

— Кто это?

— Друг, — мягко ответил Лестер. — А ты, — он протянул руку ладонью от себя, ощущывая воздух перед Антоном. — Ты вернулась. Мы с Прохиндеем скучали.

Наум вальяжно двинулся в его сторону.

— Вернулась наша Вера! — подхватила мама. — Похудела как. Неудивительно! В америках-то этих нормальной еды нет. Одни макароны небось. Я тебя хоть накормлю, как следует. Мой руки.

Она скрылась в глубине квартиры. Я протиснулась мимо Антона к Лестеру и так сжала его узкую ладонь, что наверняка сделала больно.

“Ты меня слышишь?”

С кухни донесся звон посуды.

— Сережа, Вера, идите сюда, — позвала мама. — И участкового зови, я расскажу про мошенников! Господи, неужели вернулась!

“Слышишь? — снова попробовала я. — Ты же сам звал меня!”

Лестер продолжал мечтательно улыбаться.

— Что-то хочешь сказать, Вера?

— Ты его знаешь? — не унимался Антон.

— От тебя пахнет иначе, — заметил Лестер. — Силой и холодом, — он обернулся к Антону. — А от тебя нет.

Либо он и правда меня не слышал, либо прикидывался.

— Чай! — крикнула мама.

Я отпустила Лестера и первой пошла на кухню. В целом его поведение выглядело логичным. Наверняка он использовал остатки сил, чтобы перенести себя и Наума туда, где я бы рано или поздно появилась. Мама его знала, так что ему даже не понадобилась волшебная сила, чтобы запудрить ей мозг. Но как он выжил?

На кухне ничего не изменилось за три года. Бежевые обои на стенах, бежевая скатерть на столе, стулья с мягкими сидениями и абсолютный бардак. Мама не выбрасывала ничего из того, что однажды попало в квартиру. На всех поверхностях высились пирамиды из коробочек. Я успела заметить трещины возле плиты и потемневший плитус и уселась на свое привычное место рядом с чайником.

— Черный чай? Зеленый? — мама суетилась у плиты и выставляла одинаковые гостевые чашки без рисунка на столешницу. — Вера, как ты умудрилась вещи-то потерять? Хорошо, я ничего не выбрасывала из твоего шкафа. Ни одной кофточки. Сейчас все так дорого, новое покупать — сама понимаешь.

— О, я буду зеленый, — встрял Лестер.

Даже не оборачиваясь, я знала, что он улыбается. Странно было ощущать его за спиной. Он был единственным в целом мире, кто понимал меня и по-настоящему знал. Но однажды он меня уже подвел.

Антон будто прочел мои мысли.

— Сядь напротив, — велел он Лестеру. — Сережа.

— Как пожелает господин участковый, — Лестер осторожно, вытянув перед собой руки, двинулся вдоль стола. Мама случайно задела его локтем.

— Ой, Сережа, простите ради бога!

— Ну что вы. Позвольте, я возьму чашки. Поухаживаю за нашими гостями.

Я проглотила фразу о том, кто тут из нас гость. Мама вручила ему две одинаковые

белые чашки, которые предназначались для особых случаев. Лестер осторожно донес чашки до стола и, сперва проверив поверхность рукой, поставил их перед собой. Потом сел и так же медленно подвинул одну мне, вторую Антону.

— Столько мошенников развелось, это ужас. Я все думала, куда обратиться. И тут вы. На прошлой неделе звонят. Я беру трубку — тишина. Говорю: “Говорите! Говорите!” — ничего. Кладу трубку. Через полчаса снова звонок. О! — в этот момент рядом со мной пискнул закипевший чайник. — Вот и чайник готов. Вера, налей горячей воды.

Я взялась за пластмассовую ручку.

Антон кивнул в знак благодарности, но к чаю не притронулся. Перед Лестером стояла моя старая именная чашка. Мама пила из крошечной кофейной. Себе в белую гостевую я налила кипятка в последнюю очередь, наблюдая, как поднимается чайный пакетик.

— И часто звонят? — спросил Антон, не отрывая подозрительного взгляда от Лестера.

— Раз в неделю точно. Я-то знаю, — мама подняла к потолку указательный палец, — я знаю, кто за всем этим стоит.

— Кто?

— Мошенники! Они же в курсе. И про развод, и про то, что я одна осталась в трехкомнатной квартире. Что защитить меня теперь некому. Вот и проверяют, кто дома. Хорошо, хоть Сережа у меня теперь есть. Поддерживает. То позвонит, то сам заглянет. Вы пейте чай, пейте. Конфеты берите. Я еще печенье достану. Вера, недавно такое печенье вкусное купила, с курагой. Попробуй.

Под столом мякнул Наум, и я незаметно наклонилась, чтобы погладить его.

— Очень вкусный чай, попробуй. От жары хорошо помогает, — вдруг сказал Лестер.

Я мысленно послала его к черту, но на кухне действительно было душно, а от закипевшего чайника мне стало так жарко, что по ногам потекли струйки пота.

Я сделала глоток, и тут Антон почти выбил у меня из рук чашку.

— Не пей!

— Ты совсем охренел?!

Я вскочила. Несколько горячих капель обожгли колени. Антон тоже вскочил, выставив одну ладонь в сторону Лестера, второй уже начав доставать пистолет из кобуры на поясе.

— Твой голос, — потрясенно выдохнул он.

Я схватилась за горло. У меня был голос. А Лестер смотрел прямо на меня — осмысленным взглядом человека, который прекрасно различает предметы.

— Это ты!

Лестер слегка поклонился. Лицо его помолодело, ушла болезненная бледность, волосы стали густыми и пышными, как из рекламы шампуня.

— Возвращаю долг, моя радость. Благодаря тебе и чудесам человеческой медицины я выжил. А ты, господин участковый, — он снова улыбнулся, и в этой улыбке был настоящий Лестер, бехжалостный и опасный, — можешь убрать свою игрушку, пока она не обернулась чем-нибудь, что ужалит тебя за палец.

Я посмотрела на маму. Та застыла посреди кухни вполоборота, набрав воздуха, чтобы что-то сказать. Антон не шевелился. Еще немного, и он готов будет выстрелить. Лестера это, может, и не убьет, но здоровья точно не прибавит.

Я прокашлялась.

— Антон, это Лестер. Он такой же, как я. Может представить что угодно, и оно появится в реальности. Лестер, это Антон. Мой... телохранитель. Если ты и дальше будешь

вести себя, как всезнающая задница, он тебя застрелит.

Лестер расхохотался.

— Узнаю нашу Веру! Напомни нам как-нибудь обсудить вопрос всезнающих задниц подробнее. Но сейчас у нас минут пять, чтобы в тишине обменяться любезностями. Твоя мама скоро отгадет.

— Ты ему доверяешь? — спросил Антон.

Нет. Да. Немного. Но сейчас это неважно. Надо понять, поможет ли он Ване.

Я вздохнула, закатывая рукава платья выше локтей.

— Он был со мной той ночью, когда пришла Хельга.

Антон медленно оглядел кухню, будто по-новой оценивая обстановку, и сел обратно. Я тоже села на самый краешек стула, запоздало отметив, что сидуха наполовину мокрая. Лестер потянулся за чаем Антона, хотя перед ним остывал собственный.

— И что там произошло? — Антон убрал руку с рукоятки пистолета, но продолжал следить за каждым движением Лестера. Тот преспокойно сделал глоток.

— А вот напрасно вы, кстати. Зеленый и правда вкусный. Хотя это все ароматизатор, конечно... Мда. Я знал, что в мире творится неладное. Что какая-то большая сила ищет сосуд, чтобы выплеснуться.

— И пришел, чтобы показать ей, куда это лучше сделать, — мрачно подсказала я.

— Обижает, моя радость!

— Прости. Конечно. Ты просто соскучился и заглянул на огонек.

— А почему нет? Может, я волновался после того, как ты исчезла на три года со своим красавчиком, — Антон напрягся, и я мысленно пожелала Лестеру врезаться мизинцем во все уголки тумбочек, которые есть в этой квартире. — Представь, я переживал о тебе!

— Ну и зашел бы на минутку! Но ты остался на всю ночь.

— Чтобы помочь тебе! Если помнишь, я сам чуть не... — он перевел дыхание. — Имей в виду, я не пошутил про пять минут. После того, как эта добрая старушка меня чуть не прикончила, мне вообще все тяжело дается. Я даже не знаю, останется ли у тебя голос.

— Хельгу ведь убили не в квартире? — спросил Антон. Он стал похож на настоящего участкового — не хватало только складного блокнота для записи показаний.

Лестер сделал нетерпеливый жест рукой, словно взмахнул платком.

— Откуда я знаю, где? Она появилась ночью, истекая кровью.

— Просто появилась, и все?

— Да. А ты где был в этот момент, господин телохранитель?

Так они до утра не закончат. Я снова встала, разглаживая несуществующие складки на промокшем платье.

— Лестер, скажи... Ты можешь оживить кого-то, кто очень глубоко заснул? Представить, что он проснулся, например?

Лестер так внимательно посмотрел на меня, что я почувствовала себя голой.

— Ты, похоже, не слышала, что я только что сказал. У меня сил не хватит даже вообразить тебе вкусное мороженое. А кого ты уже успела укокошить, моя радость?

Я открыла было рот, чтобы ответить, но он вдруг расплылся в улыбке:

— Смотри-ка, твоя мама пришла в себя.

— Вкусный чай? — спросила мама. — Ой, что это? Вера, ты разлила?

— Конечно, я, — пробурчала я под нос и, взяв кипу салфеток, наклонилась под стол, чувствуя, как тяжело стало дышать. В полной тишине я вытерла разлитый чай и

поднялась. — Пойду переоденусь. Через минуту буду готова.

Коротко кивнув Антону, я вышла в прохладный коридор. Дышать по-прежнему было тяжело, но я заставляла себя делать короткие мерные вздохи. Когда-нибудь этот момент должен был настать. Момент, когда Лестер не может исправить то, что я наделала.

— Что за красавчик? — раздался за спиной голос Антона.

Я ускорила шаг.

Видимо, это и значит вырасти. Начать самой исправлять свои ошибки.

Моя комната напоминала музей. Ощущение было такое, будто только вчера я встала, заправила кровать, пристроила поверх одеяла красную подушку в виде сердца, собрала рюкзак и отправилась на дачу.

До сих пор не верится, что мама так легко поверила байке про стажировку. Неужели она даже не искала меня, не пыталась связаться все эти три года?

Я вздохнула. Смирись уже, Вера.

Занавески закрывали окна на две трети, обеспечивая полумрак и прохладу. На столе и книгах лежал толстый слой пыли. Я перевернула одну — учебник истории за девятый класс. Из него вывалились знакомые фотокарточки, засушенные цветы, реклама литературных курсов и сложенный вдвое пробный вариант ЕГЭ по истории за 2009 год. Если закрыть глаза, можно было представить, что я живу нормальной жизнью: поступила в Институт, хожу на пары, ношу необъятные толстовки и читаю “Грозовой перевал” на английском.

Я распахнула окно, впуская в омертвевшее пространство свежий воздух. В какой момент все пошло не так? Когда я встретила Лестера? Или попыталась умертвить живое существо? Или силой собственной души оживила психопата?

Лестер был прав. Никогда я не была нормальной. И без волшебной силы жить не могу. Иначе как объяснить, что не одна, так другая меня нашла?

Только эта, другая, похоже, постепенно делает из меня монстра.

Я открыла шкаф. В углу, зажатый между зачехленными пуховиками и шубой, ютился кафтан, похожий на те, что носили крестьянки в восемнадцатом веке. Конечно, шили его не два века назад и не у нас, а на фабрике в Китае. Монетки с рунами, украшавшие горловину, лишь отдаленно напоминали те, что носили в старину. Но ощущение, которое я испытала, надев его поверх обыкновенной блузки, заставило когда-то выложить за него все карманные деньги. Я погладила выпуклую гладкую вышивку, и вдруг неожиданная мысль обожгла меня. Что, если я действительно превращусь в чудовище?

— Время, — сказал Антон из-за двери.

Я достала с полки первые попавшиеся джинсы и футболку с Микки-Маусом.

— Иду!

В ящике с бельем нашелся черный лифчик. На прикроватной тумбочке лежала пара деревянных амулетов с ярмарок, в верхнем ящике — запасной телефон. Повинуясь внутреннему порыву, я стащила с пальца кольцо Эдгара и оставила рядом с расческой.

Готова. Нет, секунду. Я схватила старый вариант ЕГЭ по истории, сложила и сунула в задний карман джинсов. Вот теперь готова.

Я открыла дверь и наткнулась на Наума. Кот вытерпел от меня два поглаживания, а на третье лениво отпихнул лапой.

— Платье не забудь, — напомнил Антон.

— Петр Сергеич, а чай? — послышался из кухни мамин голос.

Он еле заметно вздохнул.

— В другой раз. Сейчас надо ехать в аэропорт, искать вещи. Без нас не найдут.

Мама появилась в коридоре. За ней семенил Лестер. Он застыл эдакой идеальной картинкой на фоне двери в ванную.

— Мы проверим насчет мошенников, — сказал Антон. — Свяжемся с вами. Номер я записал.

— Спасибо, Петр Сергеевич.

Я потрепала Наума за ухом и уже хотела идти, но Лестер обиженно воскликнул:

— А как же обняться на прощание?

Он шагнул ко мне, картинно разведя руками. От него ничем не пахло, как будто меня обнимал пластмассовый манекен. Только длинные волосы щекотали щеку.

“Смотри по сторонам, моя радость”, - прошелестел в голове тихий голос. — “Внимательно смотри”.

Лестер отпустил меня и на глазах превратился обратно в немощного слепого мужчину. Радужки глаз посветлели, тело сгорбилось, роскошные локоны потеряли объем. Только манеры никуда не делись: когда мы шли к лифту, он махал нам вслед, явно пародируя королевскую особу.

У минивэна Антон оглядел меня. Взгляд его задержался на груди.

— И долго это продержится?

— Что?

Я опустила глаза и уставилась в глубокий вырез, достающий Микки-Маусу до макушки. Под грудью что-то мешало. Я быстро проверила. Поролон.

Шутник хренов.

— Блин! У тебя все на месте?

— В смысле? — Антон хлопал себя ладонями. — У меня все... Твою мать.

Он достал пистолет и потряс им в воздухе. Внутри что-то прокатилось и гулко звякнуло. Я узнала звук даже раньше, чем Антон вытряхнул пульки — у меня в детстве были игрушечные пистолетики.

Не сказав ни слова, Антон забрался в минивэн.

Надпись «Летняя Дева» со всех сторон окружали бело-розовые цветы сакуры. Вокруг расплескалась зелень, скрывая низкие домики исторического центра. Минивэн был явно больше парковочного места, но нам удалось встать так, что бампер не касался впереди стоящей машины. Антон заглушил мотор, но почему-то не торопился выходить.

— Я всегда хотел остаться с мамой подольше, — негромко сказал он. — Нас у нее было трое. Ванька самый младший. Я старший.

А я думала, мы спешим, подумала я. Но вслух сказала другое.

— Где еще один брат?

— Пил много. В итоге загнулся. Цирроз печени, — ровно ответил Антон, но за его спокойствием я различила нотку горечи. — Так что последнего брата надо спасти, — закончил он.

— Конечно. Я сделаю все, что смогу.

Убедившись, что вместо патронов в магазине по-прежнему пульки, Антон все-таки поднял на меня усталые глаза.

— Пока просто соблюдай правила.

— Какие?

— Правило первое, — он загнул палец. — Юле не перечить. Правило второе: ее мальчиков не уводить.

Я хотела возразить, что ни один мальчик не заинтересует меня после той истории, которую наверняка в подробностях рассказал ему Лестер, но Антон кивнул на мой вырез.

— Они не слепые. Пошли.

Глава 9

Дверь в студию оказалась такой тяжелой, что открыть ее у меня не вышло. Антон хмыкнул и потянул на себя, пропуская меня вперед.

Внутри как будто взорвалась канистра с красками. Стены буквально оглушали сияющей белизной, в то время как в кадках на полу оранжевым, желтым и красным полыхали диковинные цветы. Палитру довершала лакированная темно-вишневая стойка в углу.

Я протерла глаза. Ощущение было такое, будто на меня накричали цветом.

— Вы на пробный урок? — спросила миловидная девушка за стойкой и ослепительно нам улыбнулась.

Губы у нее были такие же пунцовые, как облегающее платье с глубоким вырезом.

— Мы к Юле, — сказал Антон.

Девушка расцвела.

— Значит, на бачату?

— Нам поговорить с ней нужно, а не плясать.

— Тогда приходите через полтора часа, — невозмутимо ответила мисс Улыбка.

— Понятно, — Антон отошел от стойки и достал из кармана черный мобильник.

Он уже начал вызов, когда девушка спокойно сказала:

— Если у вас к ней дело, и вы прервете тренировку...

«То про Ваню она даже не станет слушать», — закончила я про себя и шагнула вперед.

— Мы на пробный урок.

Антон развернулся на пятках. Он стоял так близко, что наша разница в росте была особенно заметна — мне пришлось задрать голову, чтобы встретить его мрачный взгляд. Сам же сказал — младшего брата надо спасти.

Девушка заулыбалась снова, хотя казалось, еще шире растянуть губы невозможно.

— Отлично! Вы быстро вольетесь. Сменка есть?

Я покачала головой.

За нами в студию впорхнула юная Мерилин Монро в белом платье с воланами и двое парней в черных футболках, чем-то напоминающих проводников: такие же крепкие и плечистые, с густой каштановой шевелюрой. Оба были в модных затемненных очках.

Парни подошли к стойке.

— Мы к Юле, — хором заявили они.

— Добро пожаловать в «Летнюю деву», мальчики!

— Где она?

Антон оттянул меня за локоть в сторону.

— Тебе мало экстрима в жизни? — прошипел он.

— Мы и так потеряли время!

— Так давай потеряем его еще здесь. Юля проводит пробные уроки, чтобы... — он понизил голос до еле слышного шепота, — набрать себе новых сладких мальчиков. Ты ей

там не сдалась.

— Зато она мне сдалась, — ответила я, внутренне радуясь, что голос по-прежнему со мной.

Ужасно неудобно было спорить фразами в блокноте.

Я отошла к противоположной стене, где в несколько рядов висели сертификаты в золотых рамках на имя Юлии Смирновой. “За вклад в развитие социальных танцев”, “Кубок чемпионата России по бальным танцам, «Первое место среди мастеров спорта». Либо эта Юля танцует с младенчества, либо ей не так уж мало лет.

В студию вкатилась кругленькая девушка габаритов настолько внушительных, что могла бы закрыть собой обоих близнецов сразу. Руки ее покрывали татуировки — черепа, обвитые плющом и цветами. Даже на груди красовался череп в россыпи драгоценных камней. Там, где не было татуировок, тело ее пересекали складочки. Они были везде: на обтянутом футболкой животе, на локтях, шее и даже на веках.

— Кристиночка! А ты куда? — оживилась рецепционистка.

— Привет, Марьяша. К Юле.

— Там сегодня поддержки, — лучезарно улыбнулась Марьяша, блестя сочными губами.

Я повернулась к Антону.

— Что такое поддержки?

— Понятия не имею.

Распахнулась дальняя дверь, и в проеме показался проводник из поезда. Одет он был так же, как в первую нашу встречу: белая рубашка расстегнута на груди, широкий стеганый ремень держит до неприличия низко опущенные брюки.

— Заходим, граждане, заходим! — тем же зычным голосом, каким просил билеты, объявил он. — Все жаждущие и страждущие приглашаются на бал.

Тут он заметил Антона и на мгновение застыл. Потом увидел меня, и лицо его из настороженного стало довольным, как у сытого кота.

— Какие люди! Новичкам дорогу. Прошу, — он отступил, пропуская меня и Антона в зал.

Мы вошли, и за нами потянулись остальные. Зал купался в потоках жидкого золота. Свет от электрических ламп отражался в громадном зеркале на стене и смешивался с солнечным из узких окон под потолком. Паркет сверкал так, что было больно глазам.

— Проходим, мальчики и девочки, проходим, — командовал проводник. — Привет, Кристиночка, душа моя. А ты чего жмешься, белое платьишко? Вставай в первый ряд. Со мной плясать будешь. Охранник, отлипай от стенки. И барышню свою отлепляй, пусть ближе подходит. Мы не кусаемся.

Когда глаза привыкли к свету, я разглядела пару у зеркала. Это были Юля и Тёма. Юля выглядела так же безукоризненно, как на телеэкране. Красное платье с плисированной юбкой очерчивало миниатюрную фигуру, ноги украшали золотые туфельки, тщательно уложенные волосы едва доставали до середины шеи, а неестественно прямая спина наводила на мысли о корсете.

Тёма стоял чуть поодаль, сцепив руки за спиной и выставив вперед ногу. В зале с зеркалами и лампами он смотрелся удивительно гармонично и, слава всем богам, больше не напоминал мне Эдгара. Белая рубашка, застегнутая на все пуговицы, облегал торс, как вторая кожа. Волосы были забраны в низкий прилизанный хвостик.

Юля оглядела зал с благодушным видом, ни на ком особо не задерживаясь. Даже если

она узнала Антона, виду не подала. Она едва заметно кивнула проводнику, и тот заговорил:

— Позвольте представить: мастер спорта по бальным танцам, хозяйка студии, преподаватель и просто мисс Совершенство Юлия Смирнова.

— Спасибо, Леша — благосклонно произнесла Юля. Голос у нее оказался грудной, с высокими нотками. — Сегодня нас ждет необычный урок. Мы сосредоточимся не на технике и шагах, а на отношениях между партнерами. Поэтому вместо разминки предлагаю вам сразу встать в пары. Будьте добры, два круга.

Все задвигались, рассредотачиваясь по залу. Антон отступил от меня с отсутствующим видом, образуя внешний круг вместе с другими парнями. Слева от меня встала толстушка, справа — девушка в джинсах и тунике, которую я раньше не заметила.

— Леша, сегодня ты будешь моим партнером.

Проводник, успевший пристроиться напротив пышечки и даже закатать рукава, картинно поклонился, взмахнул воображаемой шляпой и занял место Тёмы. Тот молча встал наискосок от меня. Я опустила глаза, чтобы случайно не встретиться с ним взглядом.

— Если танец — это история, то движения — слова, которыми мы ее рассказываем, — начала Юля. — Каждый из партнеров рассказывает свою часть. Нет более или менее важного, есть только определенная роль. Сделайте шаг к партнеру.

Леша галантно предложил ей руку, и она сама шагнула к нему, качнув пышной юбкой.

Я подошла к Антону. Он нехотя протянул мне свою натруженную ладонь с короткими пальцами.

— Кто из вас сделал первый шаг? Насколько близко вы оказались? Кто первый подал руку? Все это — часть вашей истории, — продолжала Юля. — Теперь посмотрите в глаза партнеру. Пусть этот человек на ближайшие минуты станет центром вашего мира.

Антон сцепил зубы и мельком глянул на меня.

— Попробуйте, не говоря ни слова, сделать шаг в каком-либо направлении. Вам нужно понять, куда двигается партнер, и последовать за ним.

Сама Юля едва заметно подалась влево вслед за мускулистым Лешей. Антон кивком головы показал «право» и потянул меня за руку, тут же столкнувшись с Темой — тот, видимо, выбрал «лево».

— Смотри, куда идешь, — процедил Антон.

Тёма не ответил и просто отошел. За нами столкнулись еще несколько человек.

— А в какую сторону идти-то? — спросил парень в роговых очках, похожий на профессора. — Вы не сказали.

— Конечно! — Юля просияла. — Правило первое: за безопасность дамы отвечает мужчина. Этот вопрос, — она указала своим наманикюренным пальчиком на очкарика, — вы должны были задать до того, как впечатали свою даму в соседа.

Я обернулась. Партнерша очкарика, нимфа в белом платье, загадочно хлопала ресницами.

Антон рывком вернул меня на исходную позицию. Да что с ним такое?

— Теперь я, так и быть, скажу вам, в какую сторону идти. Мужчины двигаются влево, дамы вправо. Мужчины, — обратилась она, и голос ее стал звонче. — Поднимите левую руку.

Антон закатил глаза, но руку поднял.

— Левую, зайчик, — поддел Леша. — Где лево, помнишь?

Парень в очках быстро поменял руки.

Юля продолжила:

— Базовый шаг — восьмерка. Четыре счета в одну сторону, четыре в другую. Я считаю, вы смотрите, — она кивнула Леше. — Медленно. Раз — шаг, два — приставили, — они синхронно сделали два шага в сторону, чуть согнув колени. — В другую сторону: раз — шаг, два — приставили. И еще раз...

Под размеренный счет можно было уснуть. Я глубоко вздохнула, чувствуя всю усталость этого дня. Сначала ранний подъем. Потом Ваня. Поездка в душном минивэне рядом со взвинченным Антоном. Лестер. Общение с мамой. Мне ведь еще нужен повод не возвращаться к ужину... Что бы такого придумать. Не нашла багаж? Потерялась в городе? Улетела обратно в Америку?

— Пробуем без музыки. Мальчики налево, девочки направо, — пробасил Леша и начал считать.

Чтобы не сбиться, я закрыла глаза. Антон шагал четко, как на полигоне. Я просто шла за ним, стараясь отключиться от громкого голоса, который наполнял помещение так же осязаемо, как влажный воздух. Моя еще недавно свежая до хруста футболка начала прилипать к спине, за пояс джинсов медленно ползла капля пота.

— Очнись, — тихо сказал Антон. — Она на тебя смотрит.

— И что? — так же тихо спросила я.

Антон не успел ответить — Юля подошла к нам. Ощущение было такое, будто ко мне приблизился горящий факел.

— Посмотрите на эти две пары, — сказала Юля, и только тогда я позволила себе обернуться.

Вблизи она выглядела старше, чем на телеэкране. Кожу на лице пронизывали нитевидные морщинки, делая его почти изможденным. На худых запястьях выпирали острые косточки. Если эта женщина была воплощением лета, то лета горячего и сжигающего все живое.

Одной рукой Юля указывала на нас с Антоном, другой на Тему, который едва касался упитанных пальцев Кристиночки.

— Две пары. В одной девушка закрыла глаза, чтобы лучше чувствовать партнера. Партнер, — она кивнула на Антона, который недовольно переминался с ноги на ногу, — не попадает в счет. Она не попадает вслед за ним. Это и значит *следовать* в танце — вы танцуете не с музыкой, не со своим чувством ритма, а с человеком.

Кто-то разочарованно вздохнул. Юля продолжила:

— А вот другая пара. Оба танцуют хорошо, оба слышат музыку, но двигаются слишком по-разному. У одного шаг короткий, — я невольно покосилась на ноги Кристиночки, похожие на винные бочки. — У другого длинный. Оба шагают в такт, но каждый по-своему. Вопрос: какая пара танцует лучше?

Я почти не удивилась, услышав голос очкарика:

— Конечно, вторая.

— Почему?

— Это очевидно. Можно найти партнера, который будет делать одинаковые с тобой шаги, но чувство ритма не отрастишь.

Юля вскинула брови. Что-то неуловимое мелькнуло в ее лице, отчего я подумала: парню следует осторожнее ходить по улицам, следя, чтобы какая-нибудь веточка, свесившаяся с дерева, случайно не обвилась вокруг его горла.

— Ну что ж, я спрошу еще раз в конце урока. Меняемся, — звонко скомандовала Юля и вернулась к Леше.

— Меняемся, — бодро подхватил он. — Девочки стоят, мальчики идут по часовой стрелке. Не спать, не спать!

Антон сжал мне на прощанье ладонь и направился к другой девушке. Ко мне уже тянулись цепкие пальцы всезнайки в роговых очках. Следующий час я только и делала, что пыталась успеть за чужим счетом и не дышать слишком глубоко, чтобы не вдыхать запах пота. К тому моменту, как ко мне подошел Тёма, я хотела одного — забиться в угол зала и сидеть там, не двигаясь и не повторяя бесконечные восьмерки. А еще чтобы ни один распаренный парень не тащил меня за собой, как котенка на веревочке. “Раствориться в партнере” больше не вышло — меня так крепко хватили за плечи и запястья, что даже просто закрыть глаза было страшно.

Тёма протянул мне руку, и я увидела свежий розовый шрам на его ладони. От парня пахло мятной жвачкой и хвоей. Не знаю, как ему это удалось, но белая рубашка после часа занятий осталась свежей, как только что из сушилки.

— Последний круг! — сообщил Леша.

Я со вздохом вложила руку в протянутую ладонь. Заиграла музыка, и Тёма начал двигаться, ненавязчиво увлекая меня за собой и держа за кончики пальцев. То ли потому, что он не давил, то ли благодаря его мастерству, но шаги у меня быстро из вялых и медленных превратились в легкие и ритмичные. После пары восьмерок Тёма без слов предложил вторую руку, и я с благодарностью ее приняла.

Надо извиниться перед ним за тот инцидент в поезде, пока у меня есть голос.

Тёма мягко повернул меня, как Леша поворачивал Юлю, и я не удержалась от комплимента:

— Ты здорово двигаешься!

Он спрятал улыбку.

— Спасибо.

— Давно танцуешь?

— Тринадцать лет.

От неожиданности я споткнулась, и Тёма осторожно поддержал меня под локоть.

— Ничего себе! Ты, наверное, и сам уже...

Я хотела сказать, что он наверняка мог бы вести этот урок без Юли, но промолчала.

Леша вдруг хлопнул в ладоши.

— Отлично справились, мальчики и девочки! Очкарик, отлепись от партнерши! Сюда слушаем. Ушами, зайчик, ушами, а не тем, чем ты обычно слушаешь музыку!

Очкарик нехотя отпустил свою нимфу в белом платье. Тёма отступил от меня, и рядом образовалась почти физически ощутимая пустота.

— Так что теперь переходим к сложной части нашего кордебалета. Поддержки, дамы и господинчики, смотрим, наслаждаемся, запоминаем! — Леша с легким поклоном подал Юле руку. — Миледи.

Стоило ей протянуть свою крошечную ладошку, как Леша крутанул ее и тут же, отставив ногу и сильно отклонившись в сторону, принял на себя ее вес. Юля прижалась к его бедру, элегантно задрав ногу и сверкнув золотым ремешком.

Я невольно ахнула. В зале было жарко, как в сауне. Джинсы у меня давно приклеились к ногам, футболку было впору выжимать, из-под поролон в лифчике бежали влажные

струйки, а они хотят, чтобы мы изобразили... Вот это самое.

— Покажите еще раз! — послышалось со всех сторон.

Фигуру повторили медленнее. Юля двигалась отработано и гладко, словно и вовсе не касалась пола, и растекалась по боку Леша безукоризненно ровной красной линией. Вот точно у нее корсет под платьем.

И точно я никогда в жизни это не повторю.

— Девушки, вы не должны полностью ложиться на партнера, — словно в ответ на мои мысли, заговорила Юля, не меняя позы, — никогда не теряйте точку опоры. Ваша нога твердо стоит на земле. Ваш пресс напряжен, — она провела пальцами по плоскому животу под платьем. — Только вы удерживаете себя в этом положении.

На мгновение в зале воцарилась тишина, а потом сразу несколько голосов начали доказывать, что для первого занятия это слишком.

— Так и быть, так и быть, — согласился Леша, явно забавляясь реакцией учеников. — Разрешаю вам выбрать партнеров по весу. Кристиночка, душа моя, я подхватчу тебя, если охранник не справится. Верить? Ну, встаем. Мальчик слева, девочка справа. Мальчики, говорю, слева, очкарик, а не сзади! Имей терпение, не на людях!

Все рассыпались по залу. Один из близнецов пристроился за девочкой в тунике, видимо, расценив, что она легче других, второй встал неподалеку от Юли, поглядывая на нее из-за очков с видом изнывающего от жажды пса. Танцевать он явно больше ни с кем не собирался — не иначе, ждал возможности заменить Лёшу. Антон, для проформы спросив Кристиночку, направился ко мне, но Тёма и не думал уходить.

— Я могу показать еще раз, — предложил он. — Это не сложно.

Я сама не заметила, как моя рука уже привычно скользнула в теплую ладонь. Тёма повернул меня спиной к Антону, но теперь я через весь зал смотрела на Юлю, а она на меня, и ничего дружелюбного в этом взгляде не было. Через восемь счетов я оказалась там, откуда начиналась “поддержка”, и почувствовала, как рука Тёмы легла на талию.

Дышать стало нечем. Я мельком проверила — вырез футболки никуда не делся, но ощущение было такое, будто на меня напялили водолазку с колючей горловиной. Хотелось содрать ее, но под пальцами была пустота.

— Кажется, я...

— У тебя получится, — подбодрил Тёма. — Попробуй, — он отставил ногу и несильно потянул меня за собой. — Не переживай, ты совсем не тяжелая.

Он отклонился в сторону, и у меня подкосились ноги — наверное, от жары и усталости. Я тряпочкой сползла Тёме в руки и запоздало подумала, что не стоит доверять человеку, которому есть, за что тебе мстить. Я же ранила его в поезде...

Мысли замедлились и загустели, как сладкий сироп. Последняя была почему-то о том, что Антон точно удержал бы меня. Он только с виду такой... хлипкий? Простой? Посредственный? Нужное слово никак не находилось. Лампочки над нами мигнули золотом, а потом все стерлось. Мир погрузился в тишину.

Сон

Из-за деревьев видно, как блестит и переливается ручей в бликах закатного солнца. Тихо поет он нежную песню, зовет меня подойти ближе. Я бреду по петляющей тропинке, утопая босыми ногами в мягком ковре из хвои и листьев. В груди разливается тихая радость, в ушах звенит серебряный перелив.

Высоко в небе раздаются взбудораженные голоса, напоминая о том, что я так долго хотела забыть.

— Она не дышит.

— Выйди вон, если молчать не можешь! Я почти закончила.

Ручей журчит совсем близко. Ноги утопают во мхе. Из-за дерева на берегу появляется знакомый силуэт. Рукава сорочки закатаны до локтей, мускулистые руки человека, привыкшего к физическому труду, сложены на груди. Тень скрывает лицо, из всех черт выделяя только квадратный подбородок с ямкой.

Наконец-то. Наконец-то я сделаю все правильно.

Кто-то трогает меня за плечо. Нет! Не мешайте. Не сейчас, когда я наконец его нашла. Мне нужно к дубу на берегу. Или это клен? Какая разница. Главное, ближе к нему — и заодно подальше от неугомонных голосов.

— Она не просыпается.

— Дай ей время.

— Какое к матери время! Она может исчезнуть.

— Исчезнуть?

— Вера, не смей снова это делать!

Почему я все еще их слышу? Здесь должны остаться только мы вдвоем с Эдгаром.

— Ну-ка расскажи.

Ветерок ласково треплет волосы, ручей призывно сверкает на солнце. Я иду, не останавливаясь, не позволяя себе даже перевести дыхание. Блики на воде ускользают, заросший берег смещается. Один Эдгар как будто не двигается и не становится ближе. Как застывшая картинка. Тяжелые изумрудные кроны цепенеют на фоне розовато-сизого неба. Если они не двигаются, то откуда ветер?

— Она может поверить во что-то, и это случится. Когда-то она она поверила, что ее и ее парня больше нет на свете, и они исчезли.

Я останавливаюсь у ближайшего дерева. Пальцы гуляют по шершавым рытвинам, больше напоминающим поры. Под слоями коры едва ощутимо пульсирует жизнь. Хотите вытащить меня отсюда? Правды хотите? Ну получайте.

Ладонь прижимается к коре, и из самого моего нутра выливается холод, змеей сворачиваясь в сердцевине ствола.

— Не смей, — звучит женский голос, прозрачный и острый, как стекло, и небо надо мной идет трещинами.

Ручей растворяется в тумане, солнце меркнет. Моих губ касаются прохладные мягкие губы, и я просыпаюсь.

— Не смей брать жизнь в мое время.

Надо мной склонилось красивое лицо в обрамлении платиновых волос. В ушах подрагивали сережки-капельки. Юля позволила мне рассмотреть крошечные морщинки под слоем тональника, тонкие черные стрелки в уголках глаз и отстранилась. Рядом тут же возникло тревожное лицо Антона.

— Живая?

Я неуверенно кивнула. Тело было тяжелое, как после долгого заплыва. По ощущениям я лежала на чем-то мягком. Под головой точно была подушка, под ладонями — ворсистая поверхность. Похоже на диван.

— Я, что, упала в обморок? — сипло спросила я.

Голос на месте. Уже что-то.

Я приподнялась на локте и огляделась. Небольшая комната утопала в грифельных тонах, под потолком горела единственная лампа, распространяя мягкий свет. В одном углу стоял стол, в другом — глубокое изумрудное кресло. В кресле, скрестив руки под подбородком и остановив на мне задумчивый взгляд, сидел Тёма. Рубашка на нем уже не казалась свежей, взмокшие пряди, выбившиеся из хвостика, прилипли ко лбу.

— Типа того, — Юля обошла стол, села в крутящееся кресло и закинула ногу на ногу. Пышная красная юбка платья задралась к худым натренированным бедрам. — Но уже все хорошо. Я тебя вытащила.

Вытащила? Я нашла глазами Антона, но его лицо превратилось в восковую маску. Убийца Хельги нашел меня? Или это действительно был обморок?

Я попробовала сесть, но потолок закружился перед глазами.

— Как там эта новенькая, оклемалась? — дверь распахнулась, и в комнату ввалился Леша, на ходу расстегивая рубашку. — Жрать хочу, не могу! Ого, — он остановился на пороге. — Я что-то пропустил?

Юля и Антон одновременно качнули головой, Тёма вообще не пошевелился.

— Как прошел остаток урока? — поинтересовалась Юля.

— В лучшем виде, — Леша подошел и быстро прижал ее маленькую ручку к губам. — Тебя очень не хватало.

Так. Здесь определенно становилось слишком людно. Лучше задам свои вопросы Антону наедине — и заодно глотну свежего воздуха.

Я спустила ноги с дивана. Комната опасно накренилась, и мне пришлось прижать лоб к коленям, чтобы унять головокружение. Чья-то широкая ладонь опустилась на затылок.

— Не вставай.

От голоса Антона стало легче. Я сделала несколько глубоких вдохов через нос, как он учил, и попыталась расслабить плечи.

— Все нормально, — выдавила я, изо всех сил игнорируя тот факт, что комната угрожающе покачивалась даже с закрытыми глазами. — Скоро пойдем.

Дышать. Вдох, выдох. Было бы немного проще, если бы на меня не пялились симпатичный парень и женщина, могущественнее которой сейчас, кажется, нет никого во вселенной. Но это мелочи. Все идеально не бывает.

— Воды? — Леша протянул мне прозрачную пластмассовую бутылку.

Я хотела взять ее, но Антон чуть не выбил бутылку у него из рук.

— Да ты больной, что ли? — вскинулся Леша.

— Это ты ко мне пришел! — перебил его властный грудной голос. От Юли исходил такой нестерпимый жар, что на долю секунду мне захотелось содрать с себя одежду вместе с кожей. — И ты думаешь, я или кто-то из моих людей отравил девчонку прямо здесь?

Я снова уткнулась в колени. Ну да, она имеет в виду, что никто не гадит дома. Сентиментальности этой женщине не занимать.

— С ней все было в порядке перед началом урока, — с вызовом заявил Антон.

— Откуда ты знаешь?

Неужели ему не жарко? Я вытащила бутылку из сомкнутых пальцев Леша и с третьей попытки открутила синюю крышечку. Вода была самая обычная, без вкуса и запаха. Если Юля намекает, что кто-то отравил меня еще до пробного урока... то Лестеру стоит подумать

о переезде. Например, в другую галактику. Потому что кроме его чая я ничего не пила.

— Со мной и сейчас все в порядке, — пробурчала я, сделав глоток.

Юля положила свою крошечную ручку с ярко-красными ногтями на столешницу, и жар немного притупился.

— Кто знает, — веско произнесла она. — Сейчас, Вера, тебе в любом случае надо отдохнуть. Посиди с нами в пиццерии, заодно придешь в себя. Поболтаем, познакомимся поближе. С Хельгой мы так и не нашли общий язык... — я услышала, как Антон еле слышно вздохнул. — А с тобой давай попробуем.

Леша кивнул.

— Понял. Забронирую столик. Кристина ждет внизу. Там все и познакомимся. Что-то еще?

Юлина рука продолжала тихонько поглаживать столешницу, и я заметила, что от ее ладони исходило едва заметное золотое сияние. Сигнал был яснее некуда: пока мы на ее территории, делать будем то, что она скажет.

Ладно. Нам все равно нужно спросить про Ваню.

— Хорошо, — протянула я и сама услышала, как жалобно прозвучал мой голос.

— Ну вот и славно, — заключила Юля.

— Что вы кислые такие, я не пойму, — лавируя между ней и диваном, Леша пробрался к тумбочке под столом, достал оттуда сложенную рубашку и без предупреждения пульнул ею в Тёму. — Очнись, спящая красавица!

Тот вздрогнул от неожиданности, но рубашку поймал.

— Что?

— Отомри, говорю. Игра "море волнуется" закончилась.

Я впервые за все время взглянула на Тёму — и вдруг увидела, что рукава его рубашки так же небрежно задраны до локтей, как у Эдгара в моем видении.

Мне точно нужно на воздух.

— Мы подождем внизу, — произнесла я, тщетно пытаюсь подняться. — Спасибо за приглашение.

Антон без слов подставил мне ладонь, и я благодарностью на нее оперлась.

— Ну слава яйцам! Овации, рукоплескания, фанфары. Ждем! — стараясь не задеть Юлю, Леша перегнулся через стол и сделал то, что давно пора было сделать — открыл окно.

Антон молчал всю дорогу до кафе. Впереди рядом с Юлей бодро семеняла Кристиночка, дальше шли Тёма и Леша. Мы замыкали шествие. Я шагала рядом с Антоном стараясь попадать в такт его широким шагам и пыталась осмыслить все, что произошло за последние сутки. Список выходил впечатляющий. Я примерила наряд Зимней Девы. Заморозила бедного Ваню. Узнала, что Лестер и Наум поселились у меня дома. Встретилась с мамой. Получила назад свой голос. Потанцевала с девятью бездарными танцорами и одним талантливым. Познакомилась с Летней Девой. Увидела Эдгара и ничего ему не сделала. Не продвинулась с помощью Ване. Не извинилась перед Антоном.

Я кинула на него быстрый взгляд. Невозмутимый и мрачный, в черной футболке под черной курткой даже в июльский вечер, он шагал, опустив голову и плечи. Я понятия не имела, о чем он думал — не иначе снова злился, что мы тратим время.

Вечер был теплый и безветренный. Нагретый за день воздух гладил кожу. Я в сотый раз проверила вырез — пока он на месте, со мной останется голос — и прислушалась к

обрывкам разговора Кристиночки и Юли.

— Близнецы все время спрашивали, куда делся тренер, — пожаловалась Кристиночка.

— Пришлось назначить им дополнительную тренировку на следующую неделю, — ядовито добавил Леша. Он несильно ткнул Тёму в бок, не вынимая рук из карманов брюк. — Мы с тобой уже не справляемся.

— Еще что? — спросила Юля.

— Говорят, если еще неделю не будет дождя, урожай погибнет с вероятностью шестьдесят девять процентов, — осторожно сказала Кристиночка, заглядывая ей в лицо. — Последний раз поливало десять дней назад. Просят дождь.

— Дальше.

— В тридцати километрах от черты города загорелся лес. Пока потушили. Обгорел пожарный, других жертв нет. Им бы дождичка. Хорошего.

Юля не ответила. В наступающих сумерках ее фигурка в красном платье едва заметно светилась мягким рассеивающим светом, ладони обволакивало мерцающее золотое сияние. Я хотела спросить Антона, видит ли он то же, что я, но мы уже, оказывается, пришли.

Внутри кафе оказалось полупустым. Стены отливали кроваво-красным, вместо люстры по углам горели настенные лампы в виде факелов. Официантка провела нас за круглый стол, окруженный скамейкой. Все сели. Я оказалась зажата между Антоном и Кристиночкой, напротив уселись Юля, Леша и Тёма.

— У нас свежайшая пицца Салями, только из печи, — защebetала официантка с таким толстым слоем макияжа, что он как будто жил отдельно от ее лица. Обращалась она почему-то большей частью к Тёме. — Еще есть свежая Маргарита, Пепперони, Гавайская...

— Меню, девушка, — подсказала Кристиночка. — У вас же есть меню?

Официантка поджала ярко накрашенные губы.

— Сейчас принесу.

Когда она ушла, Кристиночка повернулась ко мне. Череп на ее груди уставился пустыми глазами мне прямо в лоб.

— Мы так и не познакомились. Тебя Вера зовут, верно? Бедолага, так неудачно получилось! Как себя чувствуешь?

— Хорошо.

За исключением того, что я умирала с голоду, чувствовала я себя действительно неплохо. Головокружение прошло, как только я вышла из студии. Не иначе, свежий воздух.

Кристиночка пожевала пухлыми губами.

— Ты отлично двигаешься!

Леша уронил голову на сложенные руки.

— А еще более скучных тем для разговора вы не могли придумать, девочки?

Юля сделала ему знак замолчать.

— Что тебе известно о Великих Девах?

Я с надеждой взглянула на Антона, но он был чрезвычайно занят рассматриванием орнамента на противоположной стене.

— Ну... они регулируют погоду? — неуверенно спросила я.

Леша чуть не подпрыгнул на своем месте.

— Двойка тебе, Антонио! — он хлопнул ладонью по столу у Антона перед носом. — Даже не просветил бедняжку. Смотри, заменят тебя!.. Ты же знаешь, что не обязана оставаться с ним, Вера?

Антон глянул так, что на месте Леша я бы уже уносила ноги. Или по крайней мере пересела бы за соседний столик.

— Ты можешь выбрать себе нового... помощника, — негромко проговорил Тёма, и последнее слово прозвучало в его устах, как что-то интимное. — Если хочешь.

На секунду взгляды наши встретились, и грусть в его глазах окатила меня, как вся вода мирового океана.

Прекрати на меня так смотреть.

Хотя на самом деле лучше бы это я прекратила замирать каждый раз, когда на мне останавливался взгляд печальных серо-зеленых глаз.

— Мне не нужен новый помощник, — как можно более нейтрально отозвалась я.

У столика возникла официантка со стопкой меню в кожаных обложках, и все повернулись к ней. Я незаметно выдохнула.

— Могу предложить вам напитки? — прощепетала она.

— Предлагайте, девушка, и побольше! Нас мучает жажда, — с готовностью отозвался Леша.

На шестерых заказали два кувшина домашнего лимонада и три пиццы. Официантка записала заказы, кинула последний загадочный взгляд на Тёму и удалилась.

— Сколько тебе лет? — без предисловий спросила Юля.

— Двадцать.

Леша тихо присвистнул.

— Это очень мало... — задумчиво протянула Юля.

— Для чего?

Но она не ответила.

— Ты знаешь, почему Хельга тебя выбрала?

“Потому что ей срочно понадобился кто-то настолько же безжалостный, как она”, мрачно подумала я, а вслух сказала:

— Понятия не имею.

— Уверена?

— Да тут же все ясно, как божий день! — встрял Леша. — Ты посмотри в ее глаза! Я в них не то, что грозовые тучи, я там свою смерть вижу!

Я оторопела.

— Я весь урок только и думал, что она меня сейчас заморозит, — пожаловался он. — Или придушит. Извини, Вера, ничего личного, но взгляд у тебя реально тяжелый.

За столом повисло молчание. Юля постукивала ногтями по столу. Лицо и тело ее оставались расслабленными, но в глазах мелькнула озабоченность.

— Хельга всегда говорила, что отдаст свою силу не раньше, чем замерзнет ад.

— Может, он уже замерз? — я в упор посмотрела на Лешу, и тот поежился.

В этот момент вернулась официантка с напитками. Не зная, что еще сказать, я прильнула к стакану с водой и, кажется, что-то пропустила, потому что когда подняла голову, Тёма с виноватым видом вкладывал девушке в руку клочок бумаги.

Юля вдруг оживилась.

— А хочешь, я покажу тебе свою силу? — предложила она, и глаза ее заблестели в приглушенном свете. — Антон, наверное, мало успел рассказать... А ты покажешь, чему уже успела научиться. Или что умела до этого. Давай?

Румянец тронул ее впалые щеки, сережки-капельки сверкнули в красноватом свете

зажженных ламп. Мне пришлось сделать усилие, чтобы не отстраниться. Вот ради чего она это затеяла. Чтобы собственными глазами увидеть мое *волшебство*.

Неужели она думает, что оно достается мне бесплатно?

Перед нами поставили несколько исходящих паром пицц, таких горячих, что сыр еще скворчал. У меня скрутило желудок. Неопределенно кивнув ей, я потянулась к пицце. На время все замолчали. Кристиночка только что не урчала от удовольствия, вгрызаясь в свой кусок. Леша сосредоточенно жевал. Юля изящно пила воду через трубочку. Антон и не думал притрагиваться к еде. Тёма сидел молча и только изредка глотал лимонад.

Я вытерла пальцы салфеткой.

— Готова? — спросила Юля.

Понятия не имею, к чему мне надо было готовиться. Я думала, Юля заставит какой-нибудь бутон раскрыться, но она и не оглянулась на цветы.

— Показываю один раз. Мы с тобой хоть разных полюсов, и сила у нас разная, но природа у нее одна. Я — тепло, свет, жизнь, ты — холод, спокойствие, сон. Ты погружаешь мир в сон, чтобы он пережил холода. Я его пробуждаю.

— Весна его пробуждает, — проворчал Антон. — Не приплетай Ефросинью.

— Какой ты нудный! — Юля капризно надула губы. Но быстро переключилась: — Тёма, будешь моей моделью.

Тёма как будто не удивился. И, беззвучно вздохнув, потянулся к вороту рубашки.

— Юля, можно мне? — встрял Леша. — Мне все, что ты делаешь, в радость.

Он начал расстегивать пуговицы даже раньше, чем она ответила. Обнажилась грудь с порослью кудрявящихся волос, под которыми угадывался шрам — красноватый контур маленькой ладони.

То есть меня он боится, а вот этого — нет?

Я покрутила головой. В кафе кроме нас осталось всего несколько человек, но никто не обернулся. Официанты так и вовсе испарились.

Леша поднес Юлину руку к губам и прижал к груди почти точно поверх шрама.

— Прошу тебя.

Я оглянулась на Антона, но тот с отсутствующим видом рассматривал завядший цветок на соседнем столе.

— Мой преданный мальчик, — Юля погладила Лешу по щеке, но сбить ее с толку было не так-то просто. — Не сегодня. Тёма, я жду.

Тёма покорно кивнул. Ему пришлось поменяться местами с Лешей, мне — с Кристиночкой. Буднично, словно ему приходилось это делать десятки раз, и ни на кого не поднимая глаз, Тёма расстегнул рубашку. На его груди белел такой же шрам в форме ладони, как у Леша.

— Возьми меня за руку, — Юля протянула мне свою маленькую ладонь. — Постарайся почувствовать, что я буду делать.

Я бросила последний отчаянный взгляд на Антона. Таковы правила этого мира? Каждый делает, что хочет, потому что сильнее, а мы смотрим и не вмешиваемся?

Сложив руки на груди и отвернувшись, насколько позволяло узкое пространство между скамейкой и столом, Антон с величайшим вниманием разглядывал цветок. Леша выглядел обеспокоенным. Кристиночка прилипла взглядом к обнаженному торсу Тёмы и облизывала сухие губы. Судя по виду, для полного счастья ей не хватало только попкорна. Сам Тёма смотрел прямо перед собой, глубоко дыша и, видимо, прекрасно зная, что его ждет.

Юля накрыла рукой старый шрам на его груди.

— Готова?

Я сглотнула и взяла ее протянутую руку, хотя внутри у меня все просто вопило.

— Слушай, — начала Юля, и голос ее снова сделался глубоким и грудным, как на уроке. — Тепло всесильно. Оно сохраняет жизнь. Им можно поделиться. Чувствуешь его во мне?

Я ничего не чувствовала, кроме того, какая нежная у нее кожа, но на всякий случай кивнула.

— Тепло рождается в глубине тела. Оно согревает тебя, как плед в прохладный день. Или чай с молоком. Уютно. Спокойно. Но иногда может стать слишком жарко...

— Как в бане, — тихо подсказал Леша.

— Как в бане. Знаешь, не дай бог там задеть титан или печку. Тогда тепло превратится в острую. Пожирающую. Боль.

С каждым ее словом лицо Тёмы менялось. Сжав зубы, он зажмурился и откинул голову, пытаюсь сдержать стон. Костяшки на кулаках побелели. В ноздри мне проник тошнотворный запах паленой плоти, а ощущение в руке, что держала Юлю, стало такое, словно я хватаюсь за горящий факел. Но, в отличие от Тёмы, мне он боли не причинял.

— Юля, Юля! — вскинулся Леша, схватив ее за запястье. — Хватит. Пожалуйста.

Юля обмякла. Убрала ладонь от обожженной груди Тёмы и повернула ко мне лицо. Глаза ее сияли, сила и жар текли из тела ощутимо и явно, и я поклялась себе, что никогда не буду враждовать с этой женщиной.

— Смотрите! — Кристиночка, до сих пор замороженно наблюдавшая за представлением, показывала в сторону широкого окна, где топтались близнецы. Один дергал второго за футболку, пытаюсь оторвать от стекла.

— Вот блин, — пробормотал Леша.

Антон пододвинул Тёме стакан с водой. Тот не реагировал. Краска ушла из его лица, из прокушенной губы выступила кровь. На груди у него горело алое пятно. Если я хоть что-нибудь понимала в медицине, это был термический ожог, а Тёме срочно нужно было в больницу.

— Леша, разберись, — распорядилась Юля.

Леша кинул встревоженный взгляд на Тёму, но ничего не сказал и вышел из-за стола.

— Ты тоже так можешь, — так, словно не она только что поджарила человека, совершенно по-светски заявила Юля. — Найти свою суть, подкрутить градус и перелить в другого. Потренируйся на досуге, — она кивнула на Антона и улыбнулась мне, как старой подруге. — Теперь покажешь нам, что умеешь?

Я поняла, что все это время боялась даже вздохнуть. Юлина узкая кисть по-прежнему лежала в моей руке, и она снова ощущалась, как рука молодой женщины, а не чертов зажженный факел.

Я прокашлялась.

— Что я умею. Да. Гм.

Мысли разлетелись, как вспугнутые воробьи. Перед глазами стояло лицо Тёмы — гримаса страшной боли. Но было что-то еще. Смирение... Зачем он это терпит? И зачем мне то, что я собираюсь сделать?

Я положила на стол сцепленные руки и глубоко вдохнула.

— Я могу представить, что что-то произошло. Прямо в деталях, подробно. Увидеть это

как бы внутри себя. Тогда оно проявится в реальности. А я заплачу за это маленькой частью своей души.

Кристиночка легла грудью на стол и вытянула шею, чтобы ничего не пропустить. Антон продолжал вести воображаемые беседы с цветком. Тёма сидел с закрытыми глазами и вообще ни на что не реагировал.

— И ты готова отдать часть души прямо сейчас, чтобы продемонстрировать свое умение? — бесстрастно поинтересовалась Юля, но я видела, как любопытно и жадно сверкнули ее глаза.

Я тоже думаю, что это очень глупо, ага.

— Мне надо туда, — торопясь исполнить задуманное, я показала на лавку рядом с Тёмой.

Антон подвинулся, и я неуклюже выбралась из-за стола. Тёма сидел далеко от края — рядом с ним легко мог бы поместиться еще один человек, — но я все равно спросила:

— Ты не против?

Он открыл затуманенные болью глаза и едва заметно кивнул. Я присела на край лавки, на ходу вспоминая урок по ОБЖ, где нас учили общаться с ранеными. Вроде бы нужно говорить с ними спокойно и доброжелательно и называть все свои действия.

— Я не сделаю тебе больно, — прошептала я. — Мне нужно только взглянуть. Можно?

Тёма явно ничего не понял, но хотя бы не отодвинулся. А может, ему просто было больно шевелиться. Мне хотелось взять его за руку, но я не решалась. Он весь горел. Я дождалась, пока он повернет ко мне голову, и тихо повторила:

— Пожалуйста.

Дождавшись вымученного кивка, я наклонилась к его груди так близко, что увидела две крошечные родинки ровно по центру, там, где, должно быть, билось его сердце. Кожа вниз от ложбинки между ключицами была сплошной раной. Я попыталась представить, как она выглядела до ожога, но поняла, что даже в поезде видела Тёму уже со шрамом. Тогда я вспомнила тело Эдгара. Он тоже часто носил рубаху расстегнутой, а я любила водить ладонью по участку теплой кожи и тихонько радоваться, что он настоящий, что под ребрами у него бьется горячее, живое сердце. Правда, у Эдгара на груди росли редкие светлые волоски, а кожа Тёмы могла бы по гладкости соперничать, например, с моей. Вот она белая, нежная и мягкая, с крошечными порами. Грудь его вздымается мерно и спокойно в такт дыханию...

В ушах раздался знакомый хруст, похожий на хруст печенья, и я почувствовала, что дыра, которую я носила в груди, стала еще на пару миллиметров шире.

Кто-то за моей спиной присвистнул.

— Етить мои пончики! Вы тоже это видите? — Леша оперся обеими руками на скамью и наклонился вперед. — Она его вылечила!

Тёма дотронулся пальцами до груди и шумно выдохнул. Удивление на его лице было таким искренним, что я невольно улыбнулась.

Может, оно того и стоило.

— И давно ты это умеешь? — спросила Юля. Одна тонкая бровь ее приподнялась, придав лицу выражение между удивленным и задумчивым.

Я кивнула.

— Теперь мы можем идти? — сухо спросил Антон. — С твоего позволения.

— А как же?.. — начала я, но осеклась.

Антон не двигался, но я почувствовала по напряжению его тела, что что-то не так. Перевела взгляд на Юлю — она о чем-то размышляла. Чем дольше она это делала, тем явственнее мне казалось, что просто так мы отсюда не уйдем.

— Ты сама попросила Веру показать свою силу, — произнес Антон, и я услышала предостережение в его голосе. Правая рука его не двигалась, но лежала так, чтобы при необходимости выхватить пистолет — пусть даже и с пульками.

Леша тоже напрягся. Помолчав, Юля элегантно качнула своим идеально уложенным каре.

— Идите.

Дважды повторять ей не пришлось. Антон встал из-за стола и, дождавшись, пока я неуклюже выберусь, отсалютовал всем присутствующим.

— На связи, — сказал он вместо прощания.

Юля снова протянула свою трогательно крошечную ручку, и мне ничего не оставалось, кроме как пожать ее.

— Ты интересная, Вера, — сказала Юля, пока я думала о том, как жар из ее ладони течет в мою. — Заходи как-нибудь. Потолкуем. Я тренируюсь каждый день.

— Обязательно зайдет, — ответил за меня Антон и почти вытолкнул из кафе.

Я бросила последний взгляд на Тёму через плечо — он застегивал рубашку негнушимися пальцами и ни на кого не смотрел — и нырнула в безлунную летнюю ночь.

— Мы не спросили про Ваню! — выпалила я, когда кафе осталось позади.

— Отбой по Ване, — отрезал Антон.

— В смысле? Он? Он...

У меня даже язык не поворачивался сказать это.

— Не болтай на улице. Пойдем.

Безошибочно ориентируясь в темноте, он устремился к студии. Мне пришлось напрячь все силы, чтобы успеть за ним.

Только заведя мотор и убедившись, что окна закрыты наглухо, Антон коротко сообщил:

— Юля спасла тебя вместо Вани. Времени было мало.

Больше он ничего не сказал. Всю дорогу я сидела, сжав челюсти так крепко, что в конце концов у меня заболели скулы. В голове стучали барабаны, мысли скручивались в тугий клубок из образов. Эдгар на берегу, Тёма в расстегнутой рубашке, Юля в облегающем красном платье, Лестер, на глазах превращающийся из аристократа в немощного старика. Теплая ладонь на моем затылке, от одного прикосновения которой становится легче.

Я думала, это утром мне было неловко рядом с Антоном. Но сейчас я даже голову не могла повернуть в его сторону.

Домой мы вернулись в первом часу ночи. Было так поздно, что кошки не сразу вышли нас встречать. Антон пошел проверять, как там Ваня, а я долго стояла перед овальным зеркалом в коридоре и внимательно в него всматривалась.

Целая минута мне понадобилась, чтобы понять: выреза на футболке больше не было.

Глава 10

Мне снова снилась заброшенная усадьба. Во времена, когда Эдгар существовал только в моем воображении, я исходила ее вдоль и поперек — от полузатопленного подвала до чердака с прогнившей крышей. Внутри было темно даже в солнечные дни, деревянная лестница частично обвалилась от сырости. Костя ворчал, что однажды я навернусь, не успев сказать: «Привет, мой воображаемый друг».

Он до последнего не верил, что Эдгар оживет.

Во сне полусгнившая лестница, чернея провалами, уходила вверх. В царящей вокруг темноте я едва видела свои кроссовки, но бесстрашно взялась за поручень. Был бы здесь Костя, уже пошутил бы про шило и неугомонную задницу.

Три нижних ступени сохранились почти полностью. Они тихонько скрипнули под моими шагами. Дальше шел первый провал. Главное не смотреть в черноту. Я поставила ногу на следующую уцелевшую ступень и подтянулась, помогая себе руками. Еще несколько ступеней, и снова провал.

«Вжик-вжик», — донеслось с верхнего этажа. В доме явно кто-то был. Звук показался мне знакомым — скользящий скрежет металла о металл. Кто-то точил нож. Услышав этот звук, Костя бы уже тащил меня домой через крапиву и бурелом. Он вообще был не из рискованных. Я посмотрела наверх, силясь разглядеть знакомый силуэт, но пока ничего не видела.

Ну уж нет. Меня тебе не запугать.

Ступени наконец кончились, и моя нога ступила на твердое. В обе стороны от лестницы расходился узкий коридор с низкими потолками. «Вжик-вжик», — раздалось совсем близко. Я открыла ближайшую дверь и оказалась в бывшем кабинете — просторной комнате с низкими потолками. Тут даже сохранилось кое-что из мебели. В углу стоял дубовый стол, на нем, слабо мерцая, горела лучина. За столом спиной ко мне сидел человек в холщовой рубашке. Мощные плечи его не двигались, на спине лежали знакомые каштановые кудри. Я любила иногда пропускать их сквозь пальцы, поражаясь их шелковистой мягкости.

Эдгар не обернулся, но отложил нож. Я видела его крупную и сильную руку, красную от постоянной физической работы. Он молча ждал. Я сделала несколько шагов и остановилась. Свет от угасающей лучины причудливо играл на его лице, выхватывая из тени только часть щеки и подбородок. Эдгар смотрел в сторону. Я проследила его взгляд и зажала себе рот ладонью, чтобы не закричать.

На деревянной лавке лежал Костя, одетый так, как в ту ночь, в клетчатую рубашку и джинсы. Кожа его была такая белая, что светилась в темноте, в горле зияла почерневшая рана.

Эдгар обернулся. Вертикальные зрачки неестественно зеленых глаз застыли, а губы неспешно растянулись в предвкушающей улыбке.

Я очнулась, ловя губами воздух. Грудь и плечи сотрясалась от беззвучных рыданий, слезы заливали виски. С минуту я лежала в полной темноте, пытаюсь успокоиться. Это просто сон. Эдгара больше нет. Костя давно в земле. Он не мог остаться в том доме. Не мог. Его давно похоронили.

Перед глазами снова возникла коварная улыбка Эдгара. «Чудовище», с ненавистью подумала я и села в кровати.

В груди kloкотало горе. Будь проклят день, когда я взяла в руки ту фотографию с нечетким изображением. Будь проклята ночь, когда я поперлась в ту заброшенную усадьбу. Будь проклят Эдгар, мое упрямство и мой волшебный дар, что оживил его.

В углу мяукнула кошка. Я вздрогнула, попыталась разглядеть ее — черное на черном. Наверное, Сметана: у Маси лапки белые. Я протянула руку, но она не подошла.

За день квартира здорово нагрелась, но мне все казалось, что я в стылом каменном доме. По плечам ползли мурашки. Я обхватила колени руками. Дышать. Дыши. Ты жива.

Я уперлась лбом в тыльные стороны ладоней. Никто больше не погибнет по моей вине. Я это обещала сама себе, вернувшись в реальность.

И сдержу обещание.

Если у Юли хватило мощи прожечь человеческую кожу, я смогу сама разбудить Ваню. Она же сказала, что силы у нас одинаковые, только полюса разные. Уцепившись за эту мысль, я встала и прошлепала к окну. Длинная футболка, служившая мне ночной рубашкой, хлопала по бедрам. Это была единственная альтернатива платью, которая нашлась в комод у мамы Антона.

Я примостилась на подоконнике, вдыхая ароматы ночного сада. *“Не смей брать жизнь в мое время”*, — прозвучал в голове строгий голос. Надо вспомнить, как Юля это делала. Я прикрыла глаза. Тогда она имела в виду, что нельзя морозить дерево. Но наверняка есть и другой путь. Думай, Вера. Думай.

У двери тихонько мякнула кошка. Я соскользнула с подоконника, чтобы впустить ее. В темноте мелькнули белые лапки-носочки. Я хотела уже забраться обратно, как меня осенило. Кошка! Я же видела, как замерцала золотым огоньком жизнь в Масае, когда она шипела на меня. Может, смогу разглядеть такой огонек и в человеке?

Я вышла в коридор. По ногам сквозило — где-то было открыто окно. Дверь в комнату Антона была закрыта, свет не горел. Тем лучше.

Когда глаза привыкли к темноте, я перестала наткаться на предметы. Мне даже удалось разглядеть белые лапки в углу. Я скользнула в комнатку Вани, и она юркнула следом.

Ваня лежал на раскладушке, положив руки на одеяло. Если прислушаться, можно было различить в тишине его мирное дыхание.

У меня получится.

Я опустилась на колени перед раскладушкой. Не зная, с чего начать, провела ладонью над тихо поднимающейся грудью Вани. Где-то под кожей, под ребрами, в глубине его тела пульсировал золотой огонек жизни. Нужно было только его найти...

Антон

Редко курю кальян. То Ванька дома, то работать на следующий день. А раньше, после армии — только в путь. Заправлять и правильно раскуривать меня научил командир. Вот был мастер!

Я забил табак в глиняную чашку. Третью тюльпанового, остальное кокос. Хорошенько утрамбовать, залить воду в колбу и поджечь угли. Окно распахнуто настежь, на дворе глубокая ночь. Чуть подымлю — никто не увидит. В комнате было так темно, что хоть глаз выколи, один комп горел на черном фоне.

Я затаился и медленно выдохнул. Весь день внутри у меня было месиво. В грудной клетке тянуло, царапало и жгло. Видно, так заморозка и отходит.

Хельга меня предупреждала. *“Смотри, Антон, — сказала она перед первым разом. — Если вовремя не заморозить твое сердце по-новой, оно оттаяет, и тогда все, что ты не испытал, все, что не прочувствовал, свалится разом — и будет в тысячу раз больше”*.

Но я все равно согласился. У Кати тогда было девять дней. Я понял, что еще немного, и путь мне будет только в окно. Сам пришел к Хельге. Она спрашивать ничего не стала. Запустила в комнату, усадила на подушки в своем синем кресле для гостей и велела снять кофту.

Помню, как она прижала к груди ледяную шуплую ладонь. Ощущение было, будто она

касается не груди, а сердца, и если сожмет чуть сильнее... Но она стояла надо мной, прикрыв глаза, и не двигалась. Я почувствовал, как холод оторвался от ее ладони и проник мне под кожу, а потом еще глубже, словно я проглотил шарик мороженого. Сердце замедлилось. Дышать стало легче. Боль ушла.

Я затаился снова — так глубоко, точно собрался занырнуть на глубину. После пяти затажек тело стало невесомым, как перышко. Жар в груди притупился. Теперь можно и делом заняться. Я открыл «в контакте», выбрал из друзей Пелагею Ромашкину и накатал:

«А скажи-ка, дорогая Пелагея. Как быстро выключить человека на глазах у двадцати свидетелей?»

Мессенджер ожил.

«Леталка?»

Болталка, блин.

«Спасли».

«Повреждения?»

«Никаких».

«Реакция?»

Перед глазами встала Вера. Я снова затаился.

«Остановка дыхания. Паралич мышц. Сердцебиение замедлилось почти в ноль».

«А человека точно спасли??»

Еще затажечка... Аж до самых гланд.

«Ага».

«Тогда не сходится».

Объяснять про волшебную силу Великих Дев мне было лень. Я быстро набрал: «Допустим, не спасли».

Буквы на клавиатуре начали расплываться. “Пелагея” замолчала. Я прошелся по комнате. Добавил в табак секретный ингредиент, подождал, пока разгорится, и затаился снова.

«Только яд, — прилетело в сообщения. — Если она ничего не пила, может, кто-то нанес на кожу? Есть, например, батрахотоксин. На лягухах в тропиках. Потрешь пальчиком, и через четыре минуты капут».

В подтверждение он прислал картинку желтой лягушки в черных пятнышках. Лапки как присоски, глаза бусинки, кожа скользкая, аж блестит.

“А трудно его достать?”

Вместо ответа “Пелагея” прислала три ржущих смайлика.

Я закрутился на стуле. Если подумать, любой в зале мог ее отравить. Или это все-таки не яд, и Юлия самолично постаралась? Но зачем ей срывать собственный урок? Да еще потом спасать Веру, выкачивать энергию из Тёмы — моя ей, видите ли, не подошла.

Затажка. Затажка. Поворот. Сколько нас было — двадцать? А сколько знали, что мы едем? Или у убийцы яд всегда с собой? Или убийца пришел не за Верой?

Я остановился. Надо было с самого начала сказать Юле, что Хельга умерла не своей смертью. Кто знает, может, целью была не она, а любая из них. Но кто в здравом уме пойдет на Зиму, если можно убить, к примеру, Фросю? Права моя «Пелагея». Ничего, сука, не сходится.

Я набрал в поиске «Вера Царева». Заходила пять лет назад. Ямочки эти на щечках. Сарафан и коса. Русая краса... Это ж как надо упороться по парню, чтобы затащить его в

небытие, а потом прикончить?

Неудивительно, что Хельга ждала именно ее.

Что-то тихо прощуршало за дверью. Может, померещилось? С третьей попытки я встал, пробрался к двери и приоткрыл ее. Вспомнишь солнце... Вера в белой футболке, как привидение, на цыпочках кралась по коридору.

Я двинулся за ней. В комнате Ваньки она в полной темноте опустилась на корточки перед раскладушкой и стала водить над ним ладонью. Наклонилась, чтобы... это она его целовать, что ли, собралась? Твою мать. Где этот долбаный выключатель?

Вера

Наконец у меня получилось разглядеть в Ване тускло мерцающий огонек. Даже поводить его, как рыбку на крючке, от пупка к ключицам, но толку от этого было мало. Потом я вспомнила, что Хельга меня поцеловала, чтобы передать силу, а Юля — чтобы разбудить. Ладони чесались от желания прижать их к Ваниной груди и впитать остатки жизненной энергии, но вместо этого я наклонилась к его лицу.

— Не спится? — раздался надо мной жесткий голос.

Щелчком зажегся свет, выхватив из темноты пустое черное окно. Из отражения в нем на меня смотрел Антон в домашних шароварах.

— Не спится, спрашиваю?

Я обернулась. Сложив руки перед собой, Антон привалился к стене. Взгляд у него был недоверчивый, глаза колючие. Что бы он там себе не думал, ничего хорошего мне это не сулило.

Я быстро коснулась горла и сложила руки крест-накрест, показывая, что не могу говорить.

— Удобно периодически терять голос.

Я поискала взглядом поверхность, чтобы представить на ней вопрос, но он раздраженно бросил:

— Хватит марать мебель. Дуй давай отсюда. Чтоб я тебя у Ваньки не видел.

«Ты совсем поехал?» — произнесла я одними губами и покрутила пальцем у виска.

— Да-да, я олух, а ты — Зима, так что отойди от моего брата, — покачнувшись, Антон отклеился от стены и решительно шагнул в мою сторону. — Я не шучу, Вера. Уходи.

Меня окутало облако сладкой мути. Ликёр? Джин? Я совсем не разбиралась в алкоголе, но даже мне было очевидно, что Антон пьян. Он навис надо мной, цепляясь за стену. Ноздри раздувались, как у разъяренного быка, глаза почернели. Еще немного, и он меня силком отсюда потащит.

Я неуклюже поднялась и прошла мимо, стараясь незаметно одернуть футболку. Завтра он проспится, я найду свой блокнот и...

— Кошек не трошь! — донеслось вслед.

Да что с ним такое? Вместо того, чтобы вернуться к себе, я двинулась на кухню. Ужасно хотелось пить.

Стоило мне открыть холодильник, как на пороге снова вырос Антон.

— Я знаешь, о чем думаю? — он нетвердым шагом подошел ко мне и завис позади открытой дверцы. — Это каким надо быть вшивым человеком, чтобы сначала крутить с кем-то амуры, а потом его прикончить?

Холодный воздух медленно полз по лицу и плечам, но внутри меня было в тысячу раз холоднее. Лестер все ему выложил.

Я тебя все-таки закопаю, волшебник хренов.

— Не зря Хельга тебя выбрала, — напирал Антон. — На этой службе совесть не нужна. Зато вкус к боли...

Если не реагировать, он, может, и отстанет. Я потянулась за графином и сделала глоток. Вода пролилась в живот ледяным потоком.

— Молчишь. А ведь никто не будет служить Зиме задаром. Никогда об этом не думала?

Я захлопнула холодильник, стараясь дышать ровно. Мы стояли лицом к лицу, и я почти радовалась тому, что сейчас произойдет.

«Чего ты хочешь?» — произнесла я беззвучно.

Антон неприятно усмехнулся.

— А чего все от вас обычно хотят?

Рука взлетела к его лицу прежде, чем я поняла, что делаю. Антон опередил меня — схватил за запястье, сжал так, что онемели пальцы. Сердце подскочило к горлу, я дернулась, но тут крошечная часть сознания шепнула: «Бейся». Эта часть знала, что делать. Игнорируя боль, я впиалась в его запястье второй рукой. Холодный пар ринулся сквозь меня, перетек в пальцы и проник в податливую мякоть тела передо мной, свернулся в ней отвратительной змеей.

Антон зажмурился и зашипел сквозь зубы, но не отпустил меня, а лишь немного ослабил хватку.

Тут черный комок метнулся мне под ноги, норовя вцепиться когтями. Резкая боль у колена вспыхнула и погасла — мне хватило одного взгляда, чтобы кошка, обмякнув, сползла на пол. Та часть меня, что сотворила это, знала — сияющий золотой шарик, что заставлял кровь толчками разливаться по крошечному тельцу, померк навсегда.

— Сметана! — выпустив меня, Антон кинулся к неподвижной кошке. — Вставай, милая! Ну!

Из коридора с надрывным мяуканьем показалась Маша.

— Твою мать! — Антон всем весом осел на пол, вцепившись в повисшую вдоль тела раненую руку. Широкая белая полоса пересекала предплечье и тянулась до самой кисти.

Я опустилась рядом с ним на колени.

«Вызвать скорую?» — буквы вышли наспех написанными гуашью прямо на плитке. В груди привычно хрустнуло, но мне было все равно.

— Держи. Свое. Волшебство. От меня. Подальше, — вбирая в себя воздух короткими глотками, с трудом проговорил Антон.

Он сжал плечо. Мышцы все равно дергались, будто кто-то тянул их за ниточки. Я хотела коснуться его, но Антон мотнул головой.

— Завтра утром. Езжай к маме. Осенью найду. Пока. Уходи. За себя постоять. Сможешь. А нет. Так я все равно. Бесполезен.

Бесконечное мгновение мы смотрели друг на друга. Потом я поднялась и, не оборачиваясь, вышла из кухни. Слезы капали на футболку, но я их не замечала. Антон прав. Всем вокруг от меня худо. По моей вине погиб Костя, я усыпила Ваню, убила кошку и ранила человека, который меня спас. Неудивительно, что Хельга выбрала меня — я и без ее волшебной силы была ходячей катастрофой. Стоило ли возвращаться в реальность, чтобы в этом убедиться?..

Ответа у меня не было.

Часть 3. Тайное, которое всегда было явным

Глава 11

Вера, 13 лет

Я плохой человек. Я всегда это про себя знала и, как могла, скрывала от окружающих. Мне не было жаль колобка, Белоснежку, Гензель и Гретель, я не сочувствовала далматинцам, которых собирались пустить на пальто, не переживала за Ассоль, которая, может, и вовсе не дождалась своего капитана, а просто сошла с ума.

В первом классе нам рассказали о подвиге Зои Космодемьянской, а я смотрела на благоговейные лица одноклассников и думала: неужели они не видят, что нет здесь никакого подвига, а только одна недалёковидность? Я подняла руку и спросила об этом учительницу. Наша классная уже готова была выдать заготовленную фразу, но я спешно добавила:

— Я имею в виду, зачем стоять до последнего? Можно же было сдать.

Лицо учительницы вытянулось под толстыми квадратными очками.

— Ее бы тем более убили, — обескураженно выдала она.

— Ну, тогда можно было что-то рассказать немцам, правильно? Что-то важное. Чтобы она начали ей доверять.

В классе повисла такая тишина, что было слышно, как сглотнула классная. Морщинистая рука лежала на пышной груди под желтым свитером, точно она собиралась молиться.

— Зоя Космодемьянская совершила героический поступок, — звучно произнесла она чуть громче обычного. — Мы чтим ее подвиг до сих пор. А рассказать в немецком плену что-то важное значило предать своих товарищей. Но я уверена, Верочка, это не то, что ты имела в виду.

Я смутилась. На самом деле это было именно то, что я имела в виду, но тишина подсказывала лучше любых советов: молчи. Молчи и соглашайся.

— Конечно, — шепотом ответила я. — Вы правы, София Павловна.

И хоть учительница приняла мою капитуляцию, до самого конца начальной школы одноклассники называли меня не иначе, как “предательница”.

На рассвете я аккуратно сложила футболку и платя, которые поочередно носила последнюю неделю, убрала в диван подушку и одеяло, надела чудом пережившую пробный урок футболку с Микки-Маусом и поехала к маме.

Чтобы купить билет на электричку, мне пришлось снова вообразить на ладони свернутые купюры, а у стеклянного окошка кое-как изъясняться жестами. Все сорок пять минут поездки я мысленно пыталась связаться с Лестером, но то ли его приемник сломался, то ли он нарочно меня игнорировал.

День выдался пасмурный, ветер нес запах мокрой травы и листьев. Я шагала по улице от железнодорожной станции к метро, стараясь вовремя уворачиваться от спешащих навстречу людей. Судя по наплыву пассажиров, день был будний. И почему-то ужасно напоминал тот, когда Антон нашел меня.

В глубине души я не хотела верить, что все так закончилось. Но он ясно дал понять: я не та, кому помогают по доброй воле. Как будто я сама много кому в жизни помогла... Его так со всех сторон обидела: мало было Вани, теперь еще и кошку заморозила. И кто знает, будет

ли его слушаться раненая рука.

Толпа повернула в сторону красной «М», и я двинулась следом. У стеклянной двери с надписью «от себя» пришлось остановиться. Мимо сновали люди, двери хлопали, кто-то говорил по телефону, а я застыла, не в силах сделать и шага. Картинка такой же двери, от которой остались одни осколки, заслонила мысли. Сердце стукнулось о грудную клетку, отдавшись в ушах и затылке.

— Девушка, осторожно! — крикнул кто-то, рывком распахнув соседнюю дверь.

До меня донесся шум поездов, и голову накрыл чугунный колпак паники. Я читала о таком. Стоит один раз чуть не проститься жизнью в определенных обстоятельствах, как тело запомнит, что эти самые обстоятельства ведут к смерти — и отныне всякий раз будет запускать стоп-реакцию, стоит снова в них попасть. Что ж, мне никогда больше не спускаться в метро?

Я набрала воздуха в легкие и начала медленно выдыхать через нос. Как Антон учил? Вдыхать носом, выдыхать ртом. Заземляться. Я стою на асфальте, он твердый. Стою ровно. Вдох. Мне ничего не угрожает. Выдох.

— Такси! Такси! — голосил у самого входа в метро низенький человечек в кепке. — Быстро, недорого. Такси!

Стоило мне встретиться с ним взглядом, как человечек приглашающим жестом распахнул дверцу ржавой иномарки. Я с облегчением убралась с дороги снующих туда сюда людей, подошла к нему и быстро нацарапала мамин адрес в блокноте.

Водитель радостно закивал.

— Тут недалеко, ага. За пять сотен довезу. Нормально?

Я показала большой палец и села на переднее сидение. Первый поток транспорта спал, так что ехали мы быстро. Несколько раз таксист пытался заговорить со мной, хотя я усиленно делала вид, что интересуюсь многоэтажками за окном.

— Нездешняя что ль? — добродушно спросил он.

Я покачала головой. Впереди замаячили знакомые салатные дома.

— А я вот здешний. Лет двадцать катаю красивых девушек.

Я стала внимательнее высматривать нужный дом.

— И столько уже повидал, на целое кино хватит...

Впереди показалась моя школа. Почти приехали. Тут водитель снова глянул на навигатор и развернулся. Я изо всех сил замахала руками в сторону бело-коричневого здания с вывеской «Гимназия».

— Ты немая что ли? — добродушно спросил водитель и оглянулся, готовясь вписаться в поток машин. — Да знаю я, что ты мне показываешь. Поворот просмотрел. Скоро будем.

Лестер предупредил меня. Сейчас я удобная мишень. К тому же одна, без защиты.

Мужчина кинул на меня обеспокоенный взгляд в зеркало заднего вида и вдруг тихо сполз с сидения.

— Свят, свят, свят. Пресвятая дева мать Божья, спаси и сохрани!

«Руль!» — выдохнула я, забыв про голос, и закашлялась. В голове возникла такая четкая картинка аварии, что я могла сказать, где окажется разможенная голова водителя, когда мы перевернемся.

Я схватила его за плечо и, сама не сознавая, что делаю, послала приказ сквозь железные руки.

— Пресвятая Владычице... убогих заступница, печальных утешение... — шептали

потрескавшиеся губы мужичка, но пальцы его послушно сомкнулись на руле.

Сотрясаясь всем своим круглым телом, он вырулил на обочину и заглушил мотор. Я с усилием повернула голову. Запястье водителя пересекала белая линия, уходящая под полосатый рукав мятой рубашки. Мышцы непроизвольно дергались.

«Лестер, если ты ждешь подходящего момента, то вот он», — отчетливо произнесла я про себя, но кроме собственного голоса в голове ничего не услышала. Положила на приборную панель сложенную купюру и на несгибающихся ногах выбралась из машины. Та тут же с визгом снялась с места.

Я огляделась. У дороги жались ларьки с мороженым, вдаль виднелся крошечный парк. Район был мне знаком. Я заглянула в темнеющее стекло одного из ларьков и встретила взглядом со своим отражением. Ни горящих глаз, ни перьев в волосах. Чего он испугался?

Стекло передо мной дрогнуло и опустилось, в нем показалось круглое женское лицо.

— Мороженого, девушка?

Я помотала головой и побрела в сторону многоэтажек.

Лестера дома не было, зато мама дожидалась меня чуть ли не с рассвета. Убедившись, что я не голодная, она принялась распекать меня на все лады: не позвонила, шляюсь где попало, так и не нашла свои вещи в аэропорту («Не нашла же? Вот я так и думала!»). Наум, с опозданием выбравшийся из моей комнаты и потягивающийся со сна, лениво поддакивал ей важным «Умм». Я наклонилась к нему, втайне опасаясь, что он зашипит, как Маса, но он привычно растянулся у моих ног, не прекращая издавать утробные звуки, и подставил мне грязно-белое пузо со свалывшейся шерстью.

Хоть кто-то меня не боится.

Улучив момент, когда поток причитаний иссякнет, я юркнула в комнату. Под дверью тут же послышалось возмущенное мяуканье — пришлось впустить старого скрягу.

На столе меня ждала сложенная вдвое записка. Стоило развернуть ее, как к горлу взвился поток прохладного воздуха.

На бумаге округлым почерком с завитушками было выведено: «*Наслаждайся реальностью, моя радость. И постарайся не разрушить ее до основания. Ты не такая плохая, как думаешь. Скоро появлюсь...*»

Я скомкала бумагу и плюхнулась на крутящийся стул. Странно, что он солнышко не пририсовал в конце предложения. Или смайлик.

На столе по-прежнему лежали пыльные учебники — отголоски реальности, ради которой я вернулась. Вот он, путь к нормальной жизни, бери да делай. Подготовься к ЕГЭ, сдай экзамены, поступи наконец в Институт. Подумаешь, чуть отвлечешься зимой, устроишь пару снегопадов. Или заморозишь насмерть пару людей.

Пальцы привычно легли на фотографии под учебником. Даже не глядя на них, я могла точно сказать, кто там изображен. Крестьянка, маленькая девочка в венчальном платье матери, младенец, завернутый в кружевную пеленку. Фотография Эдгара лежала последней. Я вытащила ее из стопки — потертую, с потрепанными краями.

Я теперь, как ты.

Мгновение я вглядывалась в знакомое до боли лицо и вдруг поняла, что на самом деле давно все решила. В тот момент, когда Хельга протолкнула руку в тощую грудь Лестера, я уже знала, что ни за что не стану такой, как она.

Лучше умереть.

Оглушенная этим осознанием, я некоторое время сидела молча. Потом встала, вытащила из шкафа первую попавшуюся футболку с голубыми цветочками, нашла в прикроватной тумбочке мобильник, подзарядила его и, повинувшись мрачному настроению, вернула на палец кольцо Эдгара.

Прокашлялась, проверяя, что голос на месте.

— Мам, мне нужно кое-куда съездить. Я быстро!

Себе я помочь уже, видимо, не смогу. Хотя бы попытаюсь исправить то, что натворила.

До танцевальной студии я добралась на такси. Слава Богу, водитель все время молчал, а я упорно не смотрела на дорогу, чтобы не выкинуть еще какую-нибудь глупость.

В этот раз за стойкой регистрации никого не оказалось. Многочисленные грамоты купались в свете мощных ламп, лавки блестели чистотой. Я прислушалась: из дальней комнаты доносилась приглушенная музыка. Точнее, из всей музыки мое ухо улавливало только неспешный четкий ритм, будто кто-то выстукивал его в барабан.

Следуя за звуком, я оказалась в маленьком уютном зале. Он не особо походил на тот, где проходил пробный урок — разве что зеркалом на дальней стене и изогнутой люстрой под потолком. Лампы не горели: хватало приглушенного света из низко посаженных окон.

У зеркала молодая брюнетка в черных леггинсах и топике пыталась изящно повиснуть на парне, похожем на юного Сталлоне. Юлия что-то ей говорила, попутно размахивая руками, словно выписывая в воздухе фигуры. От вчерашней дивы не осталось следа: безразмерная футболка без рисунка полностью скрывала ее хрупкую фигурку, джинсы с дырами на коленях так и вовсе делали похожей на подростка. На сосредоточенном лице не было ни капли косметики.

В углу, забравшись с ногами на широкий подоконник, устроился Тёма. Джинсы на нем по количеству дыр могли соперничать с Юлиными, сквозь салатовую тунику просвечивали очертания тела. Тёма без особого интереса наблюдал за танцующими, вертя в пальцах зажигалку. Увидев меня, он улыбнулся — приветливо, как старой знакомой.

У входа сидел Леша, разложив на коленях белое полотенце. Он единственный был одет по дресскоду — в рубашку и брюки.

— А, Вера, — сказал он, будто все только только меня и ждали. — Ты к Юле?

— Да. Не хотела мешать.

Леша жестом пригласил меня сесть рядом с собой.

— Ты не мешаешь. Они скоро закончат.

Юлия скомандовала:

— Давайте, ребята, с музыкой еще раз. Лейла, не спеши. Арчи, подвигайся хоть немного. Твоя свадьба все-таки.

Она достала из заднего кармана джинсов телефон, что-то нажала, и из динамиков полилась грустная романтическая мелодия. После первых аккордов в нее вплелся проникновенный женский голос и добавились биты. Девушка прильнула к своему Арчи и отбросила волосы, заехав ему по лицу.

Качок тяжело переступал в такт музыке, стараясь держать Лейлу обеими руками и помогая себе счетом. Ей ничего не оставалось, как извиваться в его лапищах, призывно виляя бедрами и неестественно выпятив грудь. Вдруг мелодия взлетела и оборвалась — Лейла закинула на Арчи ногу и повисла, резко откинувшись назад. Леша рядом со мной неприлично заржал, но вовремя прикрыл рот краем полотенца, поймав строгий Юлин

взгляд. Она выключила музыку.

— Лейла, солнце мое, ты этого мужчину больше никогда не увидишь? Тебе надо соблазнить его прямо здесь?

Девушка одернула топик и попыталась изобразить смущение.

— Нет.

— Ну и перестань тогда по нему елозить. Попробуй потанцевать.

— Но вы же сами!.. — начала Лейла, и шкафоподобный Арчи безнадежно глянул на часы.

Леша захихикал.

— Что? Еложу по партнеру? — спросила Юля. — По которому из них?

Лейла осторожно показала кончиком длиннющего ногтя на Тёму.

— Вот то видео, по которому мы вас нашли. Вы там танцевали с ним так... страстно, — она стрельнула взглядом в его сторону, и Тёма внезапно заинтересовался чем-то в окне.

— И елозила?

— Ну да. Вроде.

Леша уже еле сдерживался.

— Давайте вместе еще раз, — вздохнула Юля. — Без музыки. Пять, шесть, семь и...

Лейла повторила фигуру под счет, а в конце так же призывно закинула ногу на жениха и повисла на нем тряпочкой.

Леша довольно разгладил на коленях полотенце.

— Обожаю эти свадебные танцы. Юля после них само очарование.

— Стоп! — Юля подняла руку, и в голосе зазвучали первые нетерпеливые нотки. — Замрите так.

— Но я не могу так долго стоять! — возмущенно пропищала Лейла, вцепившись в футболку Арчи.

— Вот именно! А девушка должна устоять в любой позиции. Сама. Что бы ни случилось, — отчеканила Юля и, присев на корточки, развернула сначала стопу девушки, потом колено. — Пресс напряжен. Всегда. Никакого желе в районе талии. Мышцы — это корсет, который тебя держит, что бы ни случилось, — Юля поднялась и развернула плечи Лейлы. — Не ты виснешь на нем, рискуя сломать себе шею. А ему позволено поддержать тебя. Но если он уберет руку, ты не шлепнешься на свою пятую точку. В этом и есть секрет. Ты танцуешь сама, он только поддерживает. Он тебя обрамляет. Понятно?

Юля отошла от них с видом скульптора, закончившего свое лучшее произведение.

— Еще раз с начала.

Лейла застонала.

— Может вы сами покажете, как правильно?

Леша с готовностью отложил полотенце, но Юля знаком поманила к себе Тёму. Тот легко соскочил с подоконника и, приблизившись, предложил ей руку.

Заиграла музыка, начался танец. Тёма с его длинным корпусом двигался удивительно плавно, то приближая Юлю, то отдаляя на расстояние вытянутой руки. Когда пришло время отклоняться, он осторожно продел руку ей под спину, сверкнув татуировкой — видно было, что Юля для него ничего не весит.

— А можно он теперь потанцует со мной? — с надеждой протянула Лейла, и «Сталлоне» нахмурился.

— Ой, девка... — пробормотал Леша.

Тёма так же молча повернулся к Юле, ожидая распоряжений.

— А на свадьбе ты тоже с ним танцевать будешь? — холодно поинтересовалась Юля.

Вопрос был решен.

Тёма еще несколько раз помогал Юле, и в финальной фигуре так низко опустил ее, что короткие платиновые волосы достали до пола.

— В прошлый раз он ее извалял, — мстительно прокомментировал Леша.

Тёма снова наклонил Юлю, и на этот раз она коснулась пола плечом.

— Погоди, я подстрахую! — крикнул Леша, но было поздно: Юля махнула ему свободной рукой, тем самым нарушила равновесие, и Тёма в попытке ее удержать сам рухнул на паркет.

В тот же момент на улице поднялся гулкий ветер. Захлопали раскрытые окна в доме напротив, зашуршали листья на гнущихся ветках. Зал сотряс гром такой силы, что мне показалось, будто задрожал пол. Воздух сгустился от влаги, но дождь так и не начался.

Юля не ругалась. Она велела Тёме проводить молодую пару к выходу, а сама устало приземлилась на лавку рядом со мной. Одной рукой она держалась за поясицу, другую сжимала в кулак.

Леша опустился перед Юлей на колени, расстегнул тугие ремешки туфель, освободил ее крошечные ступни и начал гладить круговыми движениями, разминая пальцы.

— Ты чего одна? — негромко спросила Юля вместо приветствия. — Где Антон?

— Он... Гм. Кажется, я убила его кошку.

Юля вздохнула. Кулак ее наконец разжался, и за окном упали первые дождевые капли.

— Дай угадаю. Выпила жизнь? — она лениво потянулась, разминая мышцы, и топ задрался, обнажив голубые ленты на поясице. — Тейпы, — пояснила Юля, перехватив мой недоуменный взгляд. — Чтобы не рассыпаться окончательно, когда тебя роняют по пять раз за день. А кошка... Ничего удивительного, что ты ее заморозила. Поначалу все творят дичь. Кто-то должен стать первой жертвой. Ты же толком даже не понимаешь, как это устроено... Я тоже не понимала в свое время. Мне никто ничего не объяснил.

— А что случилось?

— Ничего, — она посмотрела в распахнутое окно, за которым барабанил дождь. — Меня поцеловала женщина. Мой косметолог.

— И умерла? — с замиранием сердца спросила я.

Юля рассмеялась. Смех ее был беззаботным и нежным, как перезвон колокольчиков.

— Нет, умереть не передав силу, мы не можем — все тогда сломается. А та женщина просто вышла из кабинета. Причем так быстро, что я вообще ничего не поняла. Потом уехала из страны. Буквально на следующий день. Так что вопросы мне задавать было некому. Все пришлось постигать на собственном опыте.

— Разве нет какой-нибудь книги?

— Еще скажи “должностной инструкции”, — хмыкнула Юля.

Я с надеждой кивнула. Хоть что-нибудь, что поможет мне перестать чувствовать себя бомбой замедленного действия.

— Да нет, конечно, Вера. Нет никакой инструкции. Часто знания вообще передают не Девы, а их слуги. Меня вот нашел слуга моей предшественницы. Правда, к тому моменту я уже успела устроить засуху. Помнишь, в десятом году? То еще лето было.

— Это кто-то из... — я указала взглядом на Лешу.

Тот самозабвенно массировал крошечные ступни.

— Нет, это был старенький дядечка, он вскоре умер. С Лёшей я познакомилась через год. А потом и с Тёмой. У меня и другие бывают, — она неопределенно повела рукой в воздухе. — Но это... основные.

В голове возникла фраза Антона про то, чего все хотят от Дев.

— А зачем им это? — на одном дыхании выпалила я. — Почему кто-то вообще служит Девам?

Юля совсем расслабилась под умелыми руками Леша.

— Ну?.. — лениво спросила она и посмотрела на него из-под опущенных ресниц. — Зачем я тебе?

— Связь, — коротко ответил Леша, не отрываясь от своего важного дела.

Связь? То есть не секс? Я села прямее. А что тогда имел в виду Антон? Какая связь у него была с Хельгой? Они же не...

— Но я не знаю, как было у Антона с Хельгой, — Юля, похоже, читала по моему лицу, как в раскрытой книге. — Она точно что-то ему давала, и это была не зарплата. Он ничего у тебя не просил?

Я покачала головой. Надо было раньше догадаться спросить. Я задала все вопросы, кроме главного: зачем *ему* всё это?

— Надо было вам тогда забрать ее из поезда, — Юля снова глянула на Лешу.

— Попробуй забери что-нибудь у этого психованного! Это же блин машина для убийства! — возмутился Леша, но голос его звучал скорее жалостливо, чем злобно.

— Он просто человек, — осадила Юля. — А я дала вам Тёплое сияние. И все равно вы вернулись ни с чем. Еще и Тёму покалечили.

— Пустяки, — тихо произнес голос рядом, и я вздрогнула, заметив, что Тёма, оказывается, давно стоит рядом, сложив руки за спиной и склонив голову, как провинившийся школьник.

— Прости нас, Юля, — Леша склонился к выкрашенным красным лаком пальчикам и быстро поцеловал один.

Тут в кармане его завибрировал телефон, и ласки пришлось отложить. Леша пробежал глазами сообщение.

— Кирилл придет чуть раньше. Если никто не против.

Юля окончательно расслабилась, удобнее устроив ноги у Леша на коленях, и покачала головой. Если я сейчас не спрошу, потом точно будет не до того.

— Так ты можешь спасти кошку, которую я заморозила?

Она взглянула на меня со скучающим интересом.

— Что тебе с этой кошки?

— Хочу понять, как это работает.

Юля подтянула к себе ноги и ловко поднялась. Подошла к открытому окну, за которым монотонно барабанил дождь, обняла себя руками. Такая хрупкая она была, миниатюрная, но столько силы исходило от нее в этот момент.

— Тут нет ничего сложного, — равнодушно объяснила она. — Берешь одно живое существо и вкачиваешь его жизненную энергию в другое.

То есть убить одного, чтобы жил другой? Отличный план.

— Главное, чтобы в нем еще теплилась жизнь, с трупом так не выйдет, — продолжила Юля. — Я и брата Антона могу так вернуть к жизни. Но он свой лимит исчерпал.

— В смысле?

Она пожала плечами.

— Сама его спроси.

Я перевела взгляд на Лешу, но тот поднял руки, показывая, что не в курсе.

— Но ведь это Антон исчерпал лимит, а не я.

Юля обернулась.

— А ты хочешь быть должна Летней Деве?

Что-то в ее голосе заставило меня замешкаться. Юля снова рассмеялась. Морщинки в уголках глаз стали заметнее. Она знала об этом, знала, что свет из окна оттеняет голубой топ так, что ее и без того узкая талия кажется доской с натянутыми нитями пресса. Она хотела, чтобы я увидела ее истинный возраст. Ее настоящую.

— То, что всегда делает Зима. Осушает сосуд жизни, оставляя пару капель на доньшке. Пока не придет весна.

Глава 11

— Как я раньше не додумалась! Надо было сразу ехать к Фросе!

Мы стояли на крыльце и ждали, пока кончится дождь. Точнее, я ждала, а Тема с отсутствующим видом крутил в руках зажигалку. Уйти он не мог — Юля отправила его встречать одного из близнецов. Я так и не выторговала у нее оживление Сметаны. Взамен она выкатила список людей, с которыми мне пришлось бы расправиться — погрузить в Зимний Сон, как Ваню, или просто остановить их сердце. Превращаться в наемного убийцу в мои жизненные планы пока не входило, так что следующим пунктом программы стояло попытать счастья у Весны. Если я правильно помнила схему метро, чтобы доехать до Фроси, понадобился бы час. Но как без Антона убедить ее не то, что помочь, а хотя бы поговорить со мной, я не знала.

В животе заурчало. Я с запозданием вспомнила, что с утра ничего еще не ела. Надо найти какое-нибудь кафе...

— Ты не куришь? — голос Тёмы вывел меня из задумчивости.

Пошарив в заднем кармане джинсов, он достал пачку сигарет.

— А ты, что, куришь? — удивилась я, но тут же поправилась. — В смысле. Нет. Я не курю.

— Я тоже, если Юля рядом. А если прогоняет, курю, — он хитро ухмыльнулся, как нашкодивший ребенок, которому ни капельки не стыдно за содеянное. — Ты не против?

— Я? Нет. Нет, конечно. Я не такая строгая.

Почему в его обществе я все время начинаю пороть ерунду?

Тёма подтянул рукава туники, обнажив татуировку в виде дракона, закурил и выпустил облачко дыма. Присмотревшись внимательнее, я увидела, что вдоль татуировки тянется ровный шрам-линия, от предплечья до самой кисти.

— Можно спросить?

Он улыбнулся так, что у меня в животе что-то перевернулось.

— Конечно.

— Это тебе Хельга оставила?

— Что? А, это, — он проследил за моим взглядом. — Да. Хотела, чтобы я ей служил. Давно еще.

Я подавила желание коснуться шрама. Если у него рука не отвалилась, значит, и Антон скоро поправится.

— А ты не согласился?

Тёма пожал плечами.

— Послал ее. В отместку она выпила моего пса. Примерно как ты кошку Антона.

От него это звучало почти буднично. Меня кольнула догадка.

— А Юля спасла его?

— Нет, с Юлей я познакомился позже, на танцевальном конкурсе. Мне было уже семнадцать. А Джека надо было спасать быстро, пока он не окоченел. Дня три, по-моему, дальше уже ничего нельзя сделать.

Значит, три дня. *Срочно к Фросе.*

Тёма выпустил дым в сторону, и я уловила тонкий аромат ванили.

— Юля, кстати, не строгая, просто ей нужно держать в узде кучу парней. Чем больше мужчин ее вожделеют, тем больше энергии выплескивается в мир. Ей все время нужна свежая кровь. О, смотри, кто идет, — добавил он, и от его мягкого, вкрадчивого голоса меня передернуло.

Насвистывая так громко, что было слышно с крыльца, к нам шагал накаченный темноволосый парень — один из близнецов с открытого урока. Мокрая футболка облепила его грудь, но он и не думал прятаться от дождя.

Тёма затянулся в последний раз и затоптал сигарету.

— Кирилл, — негромко приветствовал он, когда парень взбежал по ступеням.

— Здорова! — вблизи тот оказался даже моложе, чем я думала — лет восемнадцать, не больше. По подбородку змеилась узкая бородка, курчавые черные локоны на голове топорщились от влажности. Глаза скрывались за затемненными стеклами прямоугольных очков. — Это ты на уроке в обморок хлопнулась? Мало пила, небось?

Кирилл хотел хлопнуть меня по плечу, но я быстро шагнула под остатки дождя. Мелкие капли тут же упали на лоб и щеки.

— Мне пора. Пока, ребята.

— Вера! — окликнул Тёма, но я уже семенила в направлении метро.

Точнее, я надеялась, что метро окажется в той стороне. Или что я найду его, если все время буду идти на звук машин.

Дождь капал на ресницы, мне периодически приходилось проводить ладонью по лицу, чтобы хоть что-то видеть. Значит, Антон и не думал меня оскорблять. Хельга что-то давала ему. И уж конечно, они не спали. Но почему он не сказал прямо, чего хочет? Почему вообще нельзя говорить словами через рот?

Я остановилась в узком проулке между домами и поняла, что заблудилась. Надо будет скачать на телефон приложение с такси или хотя бы карту.

— Вера! — окликнул кто-то сзади, я резко обернулась.

Тёма запыхался. Соломенные волосы рассыпались по плечам, вырез на тунике распахнулся, открывая здоровую кожу.

— Тебе лучше не ходить сейчас одной, — он провел рукой по волосам, собирая их в хвост и пытаясь отдышаться. — Убийца Хельги все еще на свободе.

Минуточку. Я же не говорила ему про убийцу. И Антон не говорил.

Я оглянулась — тупик венчал забор с острыми зубцами. Выход отсюда был только один, и Тёма как раз его перегораживал.

— Я знаю, как помочь твоей кошке, — добавил он, с беспокойством заглядывая мне в глаза.

— Я тоже, — ровно ответила я. — Обратиться к Фросе.

— Она не будет размениваться на такие мелочи. Идем, — Тёма развернулся на пятках, приглашая следовать за ним. — Я покажу тебе, где метро.

Еще раз тоскливо оглянувшись на тупик, я пошла за ним. Деваться все равно было некуда.

— Тебе точно не нужно вернуться в студию?

— Нужно, — беспечно отозвался Тёма. — Вернуться, дождаться окончания тренировки, услышать то, что я и так знаю — что Кирилл не умеет двигаться и мне надо его обучить, — дождаться наказания...

— За что?

Тёма оглянулся, задорно блеснув серо-зелеными глазами, и стал похож на подростка.

— Я же ее уронил.

— Специально?

Он пожал плечами и полез в карман за следующей сигаретой. Мы продирались сквозь мутную серость вдоль таких же серых домов. После дождя было так зябко, что я невольно обнимала себя за плечи. Ветер то и дело приносил крупные капли с верхушек деревьев. Это явно был не самый короткий путь: дома сменились дворами, те — тенистой аллеей. Но мне ничего не оставалось, кроме как спокойно и внешне расслабленно шагать рядом с Тёмой.

— Я тебя так и не поблагодарил тебя вчера, — негромко сказал он, затянувшись.

— А я не извинилась, что ранила тебя в поезде.

Он засмеялся, но тут же, поперхнувшись дымом, закашлялся — звук был такой, будто курит он лет с десяти.

— Ничего. Ты же новая Зимняя Дева. Я был готов ко всему. Хорошо, что не заморозила совсем.

За поворотом показался мальчик лет двенадцати в футболке с надписью Death Metal, таща на поводке здорового черного пса, похожего на овчарку. Пес так и норовил сорваться с поводка. Мальчик покрикивал на него с отчаянием человека, который прекрасно знает, что его не слушают.

— Да что ты за животное! — донеслось до меня, когда мы поравнялись. — Я сказал, рядом!

Мальчик замахнулся, и пес прижал остrokонечные уши.

Я скорее почувствовала, чем увидела, как Тёма сначала замедлил шаг, а потом и вовсе остановился. Забытая сигарета тлела в его пальцах, под ноги летел пепел. Мальчик тем временем пнул пса коленом в мохнатый бок и пообещал добавить, если тот не послушается. Пес зарычал, мальчик в очередной раз натянул поводок, и я успела рассмотреть ошейник с шипами внутрь, которые при движении впивались в мощную шею.

— Подожди секунду, — попросил Тёма и, дождавшись моего неуверенного кивка, скользнул в сторону текучим движением профессионального танцора.

Не говоря ни слова, одной рукой он закрыл опешевшему мальчику рот, а другой прижал бычок сигареты к его голому предплечью. Со стороны могло показаться, что они случайно столкнулись на тротуаре. Придушенный крик потонул в бешеном лае — пес рванулся было к обидчику, но поймал взгляд Тёмы и замер, низко пригнув голову. Я услышала негромкое «Никогда больше так не делай», а потом все закончилось: Тёма плавно вернулся на прежнее место, а мальчик таращился на нас, прижимая пальцы к алеющей на коже точке. Поводок он выпустил, и пес бросился в противоположном направлении.

Я оглянулась: неужели никто ничего не заметил? Но кажется, так и было. Еще пять

минут назад людная аллея опустела. Я повернулась к Тёме. Он смотрел на меня настороженно.

— Прости. Мне жаль, что ты это видела. Я просто не выношу, когда мучают животных. Ты же не... Я не испугал тебя?

Я не сразу поняла, что он держит меня за руку. Ладонь у него была сухая и сильная, и хотя никаких мозолей на ней не было, в тот момент она до чертиков напоминала натруженную руку Эдгара.

— Пожалуйста, скажи, что все в порядке, — попросил Тёма, и хоть это была просьба, мне почудилась в его голосе скрытая угроза.

Небо над нами почернело, и вот-вот должен был снова начаться дождь. Я хотела сказать: "главное, чтобы мальчик не отправился напрямиком в отделение полиции", но из горла вырвался хрип.

Просто отлично.

— Скажи что-нибудь, — прошептал Тёма, не выпуская моей руки, которая уже начинала мелко дрожать. — Ты считаешь меня чудовищем?

Краем глаза я увидела вдалеке вывеску «Метро».

“Нет”, - четко произнесла я одними губами и погладила большим пальцем его запястье там, где кончался хвост дракона.

— Вот, — Тёма достал из кармана исписанную бумажку. — Позвони по этому номеру, скажи, что от меня. Она не возьмет платы, — он посмотрел на небо и вложил бумажку мне в ладонь. — На обратной стороне мой номер. Напиши, как будет время, ладно?

Чтобы не признаваться в потере голоса, я кивнула и заторопилась к метро. И только оказавшись по ту сторону стеклянных дверей и чувствуя, как на меня надвигается потолок, трясущимися пальцами развернула бумажку. Рядом с аккуратными круглобкими цифрами стояло «Дарина».

Дарина, Дарина... Что-то смутно знакомое. Разве не так звали Осеннюю Деву?

Вера, 15 лет.

В пятнадцать я поняла, что мама считает меня кем-то вроде Омэна во плоти.

По дороге из школы я увидела маленький, не больше кулака, серый комок на дороге. Подойдя ближе, я поняла, что это крошечная мышка. Возможно, ей не посчастливилось накануне ночью встретить бездомную кошку. Мне показалось, мышка дышит — под лапками вздымалась пушистая грудка. Я бережно подняла ее и за неимением платка завернула в бумажную салфетку.

По загадочной причине именно в тот день мама вернулась с работы раньше обычного. Увидев мою находку, она отпрянула.

— *Вера, ты где это... Какой кошмар!*

— *Она живая, мам. Все окей.*

Вытащив мышку из салфетки, я положила ее на пол и снова к ней присмотрелась. Мама готова была завизжать.

— *Убери ее! Унеси, откуда взяла.*

— *Но ей можно помочь.*

Тут мама сказала то, что заставило уже меня в ужасе от нее отпрянуть.

— *Это ты ее, да?*

Я открыла рот, чтобы ответить, но из него не вышло ни звука. Не помню, сколько я так просидела на полу, склонившись над пушистым бездыханным тельцем. А потом зачем-

то сказала:

— Да.

Я украдкой наблюдала за реакцией мамы. Уголок рта у нее дернулся, она схватила с тумбочки телефон и скрылась на кухне.

— Саша! Что значит не можешь разговаривать? Речь о твоей дочери! Да, она здорова. Нет, ты послушай!

Я гладила пальцем неподвижную тушку. Она была холодная.

Видно, папа положил трубку, потому что мама снова набрала номер.

— Сережа? Сережа, у вас есть минутка?

О, так Лестер уже телефоном обзавелся. Может, у него и адрес есть, и занавесочки на окнах?

— Я просто не знаю, кому рассказать об этом. Вера принесла домойдохлуюмышь. Понимаете? Нет? Она сама ее... Она мне только что сказала. Кто дышит? Вера? А-а-а Нет, она же мертвая! В смысле? Ну... ладно. Сейчас.

Прижав мобильник к уху, мама высунулась из кухни. Потом подошла ко мне.

— По-моему, все-таки не дышит.

Я снова с сожалением погладила темно-серую шерстку.

— Сделайте так, как я скажу, — услышала я в трубке настойчивый и громкий голос. — Заприте Веру в комнате отдельно от этой мыши. Отдельно, чтобы она ее не видела.

Мама послушно кивнула, и впервые мне пришло в голову, что Лестер все это время ее гипнотизировал. Может, он и меня гипнотизировал? И просто забавлялся, наблюдая за реакцией?

Я вскочила.

— Да пошел ты! Иди со своими указаниями знаешь, куда! И отстань уже от моей мамы. Это она из-за тебя думает, что я ненормальная!

— А ты нормальная? — произнес голос за моей спиной.

Лестер возвышался надо мной, оперев руки в бока. На плече у него висело полотенце, тело тонulo в просторной кружевной рубахе с широкими рукавами.

Мама остановилась, как вкопанная, словно ее поставили на паузу.

— Ты нормальная, я тебя спрашиваю? Когда тебе русским языком сказали “не оживляй”, ты волочешь домойдохлуюмышь и собираешься сделать из нее зомби!

— Я думала, она живая!

Я кинулась в свою комнату и захлопнула дверь.

— Может хватит уже лезть в мою жизнь? — крикнула я.

Орать через дверь однозначно было не самой умной идеей, но мне было все равно. Я хотела задушить его голыми руками. А еще забиться под одеяло и долго и протяжно рыдать.

— Я тебя ненавижу!

Я развернулась лицом к комнате, ожидая, что Лестер появится у меня перед носом, но ничего не произошло.

— И я ее не убивала, — тихо добавила я, чувствуя, как слезы жгут глаза.

— Мне все равно, убила ты ее или нет, моя радость, — слышался смягчившийся голос из-за двери. Я удивилась, что он остался по ту сторону, но в глубине души была благодарна. — Хоть разрежала и на завтрак съела. Я просто не хочу, чтобы ты подвергала себя глупой опасности.

— Я не подвергаю!

По ту сторону все стихло. Я тихонько сползла вниз по двери и закрыла лицо руками.

Мама думает, что я чудовище. А Лестер, похоже, никогда в этом и не сомневался. Папа убежден, что каждый имеет право на странности и собственные хобби, какими бы они ни были. Но папа далеко.

Я не знала, что происходит за дверью — ушел ли Лестер, отмерла ли мама, унесли ли мышку или она так и осталась лежать в прихожей. Слезы бежали по щекам, стекая за шиворот.

Как мама могла мне поверить? Как она могла?..

Антон

Наутро голова у меня раскалывалась. Рука слушалась плохо. Еще бы гадюку за хвост дернул. Идиот. Я был чуть ли не единственным служителем Великих Дев, на котором ни одна не оставила метки. А метить они любят. Юля сразу выжигает на парнях отпечаток ладони, чтобы показать остальным, чье добро. Дарина, когда разозлится, тычет отравленными иголками — говорят, хватает крохотного укола, чтобы конечность начала гнить, как мокрая листва в конце ноября. Сама Хельга пускала по нервным каналам своих жертв жидкий лед. Больно адски. Видно, Вера полностью овладела силой, раз смогла это повторить.

Я слонялся по квартире. Доковылял до Ванькиной комнаты, проверил его дыхание и цвет кожи. Вроде в порядке. А с чего бы нет? С чего я вообще взял, что Вера его прикончит? Какие у нее глаза вчера были страшные... Хорошо еще, за руку меня схватила. Прикоснулась бы к сердцу — и привет.

В итоге я приземлился на кухне. Заварил кофе. Все медленно, одной рукой — набрать чайник, вскипятить, залить в чашку. Болело везде — руку дергало, грудь выворачивало.

Кофе заварил крепкий, аж ложка стоит. Сверху горка сахара, чтобы наверняка. Выпить залпом. Подождать. Вроде сработало — в голове немного прояснилось.

Вера утром уехала. Сам прогнал, главное. Олень. Она теперь живая мишень для убийцы. Что толку, что она может заморозить этого чувака, если он использует яд... Думай, Тоха. Он был среди тех, кто пришел на открытый урок. Значит, нужен список.

С третьей попытки я нашел на кухне телефон. В студии долго никто не брал, потом знакомый голос забарабанил, как пулемет:

— Танцевальная студия «Летняя Дева», танцы-шманцы к вашим услугам.

— Ты, что, в секретутки подался?

На том конце замолчали.

— Тоха, ты? Неужто на курс записаться хочешь? А я говорил, только распробуй...

— Мне нужен список всех, кто был вчера на открытом уроке.

— А мне мир во всем мире и розовый пони!

— Слушай внимательно. Хельгу убили. Убил кто-то, кого она знала. Она сама впустила этого человека к себе домой. Судя по всему, то, что произошло вчера — его рук дело. У нас под носом ходит убийца. Вера сейчас для него легкая мишень.

Леха молчал так долго, что я подумал, нас разъединили. Он прокашлялся.

— Эм, Тохыч...

— Ну?

— Вера только что была у нас. Минут пятнадцать как ушла. Кошку хотела оживить. И брата твоего. Юля ее к Фросе отправила. Слушай, а что получается — он теперь может и на

Юлю напасть?

— Не знаю. Передай Юле, чтобы была осторожна. Вышли мне список тех, кто был на уроке.

— Почтой?

— Голубем. Почта Антон Никифоров без пробела, яндекс точка ру. Записал?

Я нажал на отбой прежде, чем он насыпал новых вопросов. В груди как стекла толченого насыпали. Все это время Вера хотела, как лучше. А теперь едет одна к Фросе, пока где-то кружит чувак, который ходит на черный рынок за ядом, как к себе домой.

Пиликнул телефон. Список приземлился на почту. Быстро он. Я заварил еще кофе и пошел включать комп. Десять девочек, десять мальчиков. Женский пол отмечаем. Из десяти парней убираем Лешу и Тёму, эти чихнуть боятся без ведома Юли. Остается восемь. Посмотрим...

Я пробил сначала общую информацию. Где учатся, где живут, семья, работа. Близнецов проверял особенно тщательно. Они мне сразу не понравились. Слишком прыткие. Поглядим. Кирилл Войнович, Александр Войнович. По восемнадцать лет обоим. Прописаны... Я аж поперхнулся. Адрес оказался знакомый — я был там недавно. Мытищинский район. Дом, где жила Вера. Совпадение? Ну-ну. Проверил остальных — ничего. Размял руку, побрился, зарядил пистолет и поехал.

В базе стояло, что Кирилл и Александр проживают на третьем этаже с родителями. Квартира прямо под той, где жила Вера. Коридор на третьем этаже выглядел еще хуже, чем на четвертом — обшарпанный, грязный, краска на стенах облупилась, лампочки выбиты. Я позвонил в дверь. Если никого нет, придется вскрывать. Но после третьего звонка открыли: вчерашний парень в спортивных штанах и мокрой от пота черной футболке стоял на пороге и вытирал лицо кухонным полотенцем. Похоже, я оторвал его от тренировки. За спиной у него стояла скамья и штанга с блинами.

— Привет... — он удивленно смотрел на меня, приоткрыв рот.

Я втолкнул его в квартиру. Эффект неожиданности — наше все.

— О, ого! — от удивления парень даже не сопротивлялся.

— Виделись. Ты один?

Он кивнул.

— Ты кто? — спросил он.

Я оглядел коридор с натяжными потолками и парой зеркал во всю стену. Под потолком работал кондиционер, в углу висел плоский телевизор. Типичная квартира в Мытищах. Ага.

— А ты? Сам расскажешь или помочь? — я отодвинул край куртки, чтобы показать Макарова.

Парень посмотрел на пистолет, на меня, поднял с пола полотенце и сел на край скамьи. Именно так все нормальные люди и реагируют на пушку.

— Давай так, — предложил он. Что-то в его голосе изменилось. — Ты задаешь вопросы, я отвечаю. Скажем, три вопроса и три ответа. Устроит?

— Ты меня не понял?

Тут он поднял глаза, и по холке у меня прошла ледяная волна. Тело и лицо у него по-прежнему были молодого парня, но из поблекших глаз на меня смотрел старец с туманом вместо зрачков. И имя его было явно не Кирилл Войнович.

— Задавай свои вопросы, слуга Зимней Девы. И радуйся, что попал на меня, а не на брата. Я считаю.

Я прислонился к стене, заодно пытаясь заглянуть в комнаты. Но все двери были закрыты. Надо быстро сообразить, из какого мифа эта неведома зверушка. Иначе...

— Откуда мне знать, что ты ответишь честно?

— Первый вопрос, — невозмутимо проговорил парень. — Отвечаю. Я и брат — Смотрящие. Нам нельзя лгать и нельзя вмешиваться. Мы здесь, чтобы свидетельствовать правду. Мы — память мира.

Чем больше я вглядывался в его лицо, тем меньше верил глазам. То ли вчерашний опять еще не выветрился, то ли и правда он переменялся. Сгорбился и прибавил разом лет пятнадцать. Или пятьдесят.

Про Смотрящих я однажды слышал от Хельги — хватило, чтобы понять, что с этими ребятами лучше не связываться. Они помнят все вплоть до сотворения мира.

Может, если правильно спросить, он расскажет, что произошло вчера? Или лучше спросить, что он тут забыл? Или...

— Ты знаешь, кто убил Хельгу?

— Второй вопрос. Отвечаю. Да.

— Почему ты поселился в том же доме, где Вера?

— Третий вопрос. Отвечаю. Мы ожидали, когда она проснется.

Рот его словно бы растворился в лице. Сюр какой-то. Был рот и нет рта. И глаза темнеют с каждой секундой.

Я уперся спиной в стену, слепо нащупал справа от себя дверь и вывалился в общий коридор.

Что он сказал вообще? Ожидали, когда проснется?

Я поднялся на четвертый этаж. Ленты на месте. Ни хрена они не делают, эти участковые. Похоже, я последний сюда и приходил. А может, все дело в Смотрящих. Влиять на ход событий они не могут, но сделать так, чтобы никому не хотелось околачиваться рядом — вполне.

При дневном свете внутри все выглядело еще беднее, чем в прошлый раз. Синий с черными узорами ковер так протерся, что сквозь него видно линолеум. Картинки на стенах в коридоре были картонные, даже без рамы. Занавески на кухне драные.

Ожидали, когда проснется.

Я закрыл глаза. Вспомнил, как учил командир. Отрешиться от всего, что знаешь, посмотреть свежим взглядом. Обшарпанная мебель, тонкие стены. Наверняка слышно, как соседи смывают в толчке.

Соседи. А ну. Я поискал в карманах липовое удостоверение. На месте. Вдруг кто из соседей дома? Надо было раньше догадаться их опросить. Я начал звонить подряд во все двери. Открыла только заспанная женщина в засаленном желтом халатике с рыжей девочкой на руках. Я сунул удостоверение ей под нос.

— Участковый Никифоров Петр Сергеич, здравия желаю.

Женщина поставила девочку на пол и оперлась на косяк двери. На меня дохнуло перегаром.

— Нина, пойдй поиграй с Саней. Что вы хотите?

— Квартира двадцать восемь. Можете описать жильцов?

Женщина заозиралась в коридоре. Я ткнул пальцем себе за спину.

— Вот эта квартира, девушка.

Она пригладила нечесаные волосы.

— Да я поняла. Я вспоминаю. Ходил тут один. Светленький такой. На бабу похож. Дети даже путали пару раз.

— Опишите его пожалуйста. Во что одет, какого примерно возраста, какого роста.

Женщина задумалась.

— Я его один раз всего видела. Дети чаще. Сын говорил, длинные волосы, то ли седые, то ли совсем светлые. Роста... Не знаю, вашего, наверное. Высокий. Худой до жути. А одет... Я не обратила внимания. Давно дело было. Может, год назад или два. Но помню, что он очень вежливо со мной поздоровался. И назвал так по-диковинному. Мадам, не мадам. Погодите. Как же там... Сеньор, сеньора... Сеньорита, вот! Точно.

Глава 13

Как позвонить по телефону, если у тебя нет голоса?

Я переходила от одной станции метро к другой, сверяясь с картами на больших круглых щитах, и сжимала в кармане записку с номерами. А что бы я сказала? «Дорогая Осенняя Дева, мне дали ваш номер... Да не важно, кто — один тип, который знает, что Хельгу убили, и способен без зазрения совести покалечить человека».

Тёма оказался той еще темной лошадкой. Впрочем, кто знает, как бы я запела, если бы на мне периодически выжигали клеймо без анестезии. Мог ли он убить Хельгу? Я вспомнила черные провалы вместо глаз. Может, и мог, если застал ее врасплох. Но зачем выкалывать ей глаза? А главное, зачем ему это вообще? В отместку за пса? Столько лет прошло. Почему именно сейчас?

Вопросов было больше, чем ответов. Я в очередной раз бросила взгляд на небо. Оно висело совсем низко, угрожая задеть темно-сизыми тучами по макушке. Дождь так и не начался. Вокруг было удивительно тихо для середины буднего дня. Люди по-прежнему сновали по улицам, что-то быстро говорили в прижатые ко рту трубки, не глядя набирали сообщения...

Я остановилась. Вот что значит на три года выпасть из реальности. Я забыла, что кроме звонков существуют смс-ки.

Приземлившись на ближайшую лавочку под сенью куцей березки, я достала телефон. Один пропущенный от мамы. Ей тоже надо написать. Но это потом.

Я набрала сообщение, с непривычки промахиваясь по крошечным клавишам на экране. Надо будет купить аппарат посовременнее.

“Дорогая Дарина”. Нет. “Уважаемая Осенняя Дева”. Даже Антон бы так не написал. Я напечатала: “Здравствуйте. Ваш номер дал мне Артем. Мы можем увидеться?”, вбила номер, нажала “отправить”. И перевернула бумажку.

Он только что на твоих глазах прижег ребенку руку сигаретой.

Пальцы сами набрали:

“Ты в порядке?”.

“Отправить”.

Мало тебе было Эдгара?

Рядом со мной приземлился тинейджер с дредами вместо волос. На голове здоровые беспроводные наушники, в руках телефон. Ничего себе, какие тонкие уже выпустили. Кеды, рваные джинсы, клетчатая рубашка. Я смотрю, нынче носить целые вещи — сродни преступлению.

Парень мельком глянул на мой допотопный телефон, старую кофту и отвернулся. Надо как-нибудь заглянуть в магазин...

“Конечно, приходи”, - пикинула смс-ка.

Я вытаращилась на телефон. Куда приходите?

Словно в ответ на экране зажглось новое сообщение:

“Найди старое дерево с желтыми листьями, обними ствол и подумай о том, зачем хочешь прийти”.

Видно, что-то происходило у меня с лицом, потому что парень рядом вопросительно обернулся. Я качнула головой — “ничего”. Просто очередная сказочная история. Ничего особенного. Сунула телефон в задний карман и поднялась. Листья на березке над лавкой уже пожелтели от жары. Чувствуя себя идиоткой, я обняла ладонью шершавый ствол. Парень с интересом наблюдал за мной. Да, я сумасшедшая, можно не пялиться.

Как там было? Зачем я хочу к ней прийти? Чтобы оживить Сметану. Я закрыла глаза и представила себе черную шерстку и лапки-носочки с мягкими розовыми подушечками. Кошка вообще не виновата. И Антон не виноват. И Ваня.

Снова пикинул телефон. Я не глядя выудила его из кармана и поднесла к глазам. “Не переживай за меня, Вера:) Как ты?”

Сосредоточься. Кошка. Шкодливая черная кошка, которая ворует еду со стола.

Вдруг я заметила за белым изогнутым стволом сверкающую вывеску “Осенняя Дева”. Вывеска венчала фасад здания, больше похожего на лесной бревенчатый домик. Под “Осенней Девой” квадратными буквами значилось “Ателье”.

Боясь, что видение исчезнет, я поспешила к домику. Не верилось, что в таком есть отопление или водопровод. От волнения я привычным жестом вцепилась в кольцо на безымянном пальце. Только не отдайся. Мне правда очень нужна твоя помощь.

Вокруг продолжали сновать люди, разрастался привычный гул города, но у самого домика звуки словно умерли. Я прижала раскрытую ладонь к массивному бревну, и только тогда позволила себе оглянуться. Парень с наушниками глазел на меня уже в открытую и выглядел до того сбитым с толку, что сомнений не было: он домика не видит.

Я постучала в низко посаженную дверь. Та открылась почти сразу, и я, не веря в то, что делаю, шагнула внутрь.

Внутри домик Осенней Девы оказался таким же маленьким, как выглядел снаружи. В темных сенях — если я правильно помню название этой крошечной комнатки на входе — повсюду висели пахучие веники трав. Окон не было, из-под потолка лился мягкий серый свет. Мне было до странного уютно, словно кто-то укрыл тело и душу мягким одеялом.

В стене напротив распахнулась дверь, и на пороге показалась невысокая рыжеволосая женщина. Льяное платье в пол полностью скрывало ее фигуру, через плечо свесилась медная коса. В царящем полумраке я не могла разглядеть ее лица, но, кажется, по возрасту она была ровесницей моей мамы.

— Это тебе нужна помощь с кошкой? — спросила женщина и шагнула в полоску света.

Морщинки рассыпались у ее глаз, виски впустили седину, но она по-прежнему была красива той благородной красотой, которая не уходит с годами.

Я коснулась горла и сложила ребра ладоней крест накрест.

— Ничего, что без голоса, — мягко сказала Осенняя Дева. — Главное я уже услышала. Заходи. Помогу, чем смогу.

Я вошла за ней, не зная, куда деть руки. Комната за сенями была просторная и светлая. Окна с толстыми стеклами пропускали солнечный свет, дробя его на множество лучиков.

Низкая кровать на массивных ножках в углу была застелена красным шерстяным одеялом. Рядом пристроилась колченогая табуретка. У одного окна стоял стол с шитьем, у другого под самым потолком висели ароматные веники, как в сенях, какие-то подвески, амулеты. Я пригляделась: большей частью керамика — колокольчики, звездочки, человечки. У стола разместился кухонный уголок: газовые конфорки, чайник, разделочная доска и хлеб с ножом.

Слава богу — эта удивительная женщина хотя бы ест.

— Садись, — пригласила она.

Я села. Стул оказался удивительно удобным, словно тот, кто его сделал, знал мое тело лучше меня самой. На массивной столешнице лежали уложенные по цвету кусочки ткани, мотки ниток, бархатная подушечка с иголками, ножницы с тонкими черными дужками и пара наперстков.

Дарина подошла к кухонному уголку, чиркнула спичкой, зажигая газовую конфорку, поставила алюминиевый чайник на плиту и задумчиво оглядела связки трав. Сняла несколько, растерла в пальцах и, удовлетворенно кивнув, высыпала сбор в белые эмалированные кружки.

— Ты новая Зима, — сказала она, не поворачиваясь. — От тебя пахнет стужей. Значит, твоя сила уже проснулась.

Я кивнула. В том-то и проблема.

Дарина украдкой наблюдала за мной, грея руки у медленно закипающего чайника. Потом порылась в плетеной корзине в углу и достала плоское серебряное блюдо.

— Не волнуйся: голос к тебе вернется, — пообещала она. — Когда ты будешь меньше всего ждать. А пока вот. Подумай о том, что хочешь сказать, и прикоснись к нему.

Она поставила блюдо на стол передо мной, и я осторожно потрогала пальцем острый край. Если это блюдо — то, что я думаю, к нему должно прилагаться катящееся яблочко. Но яблочка не было. В блестящей поверхности отражался только деревянный потолок.

Чайник засвистел. Повозившись у плиты, Дарина поставила передо мной дымящуюся глиняную кружку, а сама опустилась на стул напротив и взялась за неоконченное шитье. Что-то нежно-голубое — лента или пояс. Она вышивала каемку синими нитками.

— А кошку ты заморозила по ошибке, видимо, — она улыбнулась своим мыслям. — Это ничего. Все мы поначалу совершаем ошибки. Ты наверное знаешь, что мы сменяем друг друга. Сила одна, а владельцев много. Ее берут на время, потом передают дальше. Хельга была единственная, кто не делился... Так что никто даже толком не знает, на чем ее сила основана. Но ничего. Я тебе помогу.

Я задумчиво гладила каемку круглого блюда. Тело как-то само расслаблялось — то ли от аромата трав, то ли от особого воздуха в домике. На улице день, мне еще нужно добраться до Фроси, потом — домой. Хотя домой как раз не хотелось.

— Зачем тебе Ефросинья? — вдруг спросила Дарина.

Взгляд ее переместился с шитья на идеально гладкую поверхность блюда. Кроме деревянных балок на потолке в нем по-прежнему ничего не отражалось. Я подтянула блюдо к себе и, положив на него обе ладони, стала вспоминать о заснувшем Ване, о том, как ранила Антона, о Сметане, бросившейся на помощь хозяину. Я старалась воссоздать конкретные картинки, но мысли разбегались. Стоило Антону возникнуть перед внутренним взором, как туда добавился взрыв в метро и однообразные дни в прохладной полутемной квартире после. Там всегда пахло выпечкой...

Я зажмурилась, пытаясь прогнать лишние видения.

— Это много, — не то спросила, не то сообщила мне Дарина, и мне послышалась грусть в ее голосе. — Очень много для такой юной девушки. Можно спросить, сколько тебе лет?

Я убрала руки с блюда. Иногда мне казалось, что уже все сорок, а впереди только беспросветная старость. Но ей это вряд ли интересно.

Заметив мою нерешительность, Дарина заговорила:

— Ко мне часто приходят девушки твоего возраста. Все хотят узнать про суженого, и чтобы он непременно любил так, что... — она всплеснула руками, зажав иглоку в пальцах. — До луны и обратно. А ты как будто уже и отлюбила свое, и отжила.

Я сделала плоток вкусно пахнущего отвара. Не затем я пришла, чтобы меня жалели. Дарина усмехнулась.

— Я каждой что-то вышиваю с собой в дорогу. Сегодня начала пояс. Как чувствовала, что кто-то придет. А если так... — Дарина собрала ткань в бантик, — не пояс, а резиночка. Как считаешь?

Я пожалала плечами, замороженно наблюдая, как умелые пальцы орудуют иглой, оставляя на ткани замысловатый узор из квадратиков и кружочков.

— Или все-таки оставить... — Дарина распустила бантик и завязала красивый двойной узел. — А? Совсем другое дело. Построже.

Мне захотелось потрогать узор на ленте. Нити были похожи на шелковые — так ладно ложились одна к другой, что узор получался словно нанесенный глазурью, выпуклый и блестящий.

— Осторожно, не уколи пальчик. Подойдет тебе, как думаешь? — Дарина быстро глянула на меня. — Нет. Не носишь ты больше ленты в волосах.

Я устала в стол. Какие ленты? Узнай она, что было три года назад... А, ладно. Пусть смотрит. Я накрыла блюдо раскрытой ладонью и зажмурилась.

Под веками замелькали картинки: мощная фигура Эдгара в рубаше с закатанными рукавами — в полумраке я едва могу различить его лицо. Он дергает меня к себе, одновременно Костя пытается оттащить меня в другую сторону. Они ругаются. Удар, и вот уже Костя летит с лестницы в непроглядную черноту, а Эдгар спускается за ним. Блеснувший в темноте нож, снова короткий удар. Мой крик и страшное понимание — Кости больше нет. Пустота. Душные, крепкие объятия — Эдгар пытается меня успокоить. Холодная ярость и чей-то решительный голос: «Тебя больше нет. Нас никогда не было и не будет». Мой голос.

Дарина отложила ленту.

— Ты как будто умерла тогда, — пораженно вымолвила она.

Я залпом допила чай, закрыв чашкой поллица.

“Большое спасибо”, - произнесла я одними губами и поставила чашку на стол.

У Сметаны нет времени. А у меня нет сил обсуждать это.

Дарина встала и, порывшись в той же корзине, откуда достала волшебное блюдо, выудила крутобокую бутылочку высотой не больше мизинца.

— Возьми. Это поможет. И передавай Тёмке привет.

Я запоздало подумала, что надо спросить, кто он ей, но так действительно можно было проговорить бесконечно.

Когда деревянная дверь закрылась за моей спиной, никакой вывески “Метро” и лавки я

не обнаружила — вокруг высились только редко посаженные деревья. Но это был не лес, а парк, и я даже знала, какой.

Солнце висело низко, собираясь вскоре скрыться совсем. К Фросе я сегодня уже явно не успевала. Я шагала по дорожке туда, где по моим воспоминаниям должно быть метро, а значит, и парковка такси, и поминутно проверяла сохранность бутылочки в кармане. Надо сообщить Антону, что у меня есть живая вода.

Я достала телефон. Еще один пропущенный от мамы. Я быстро написала «буду к ужину, извини, не могу говорить» и открыла переписку с Тёмой. «Дарина передала тебе привет. Спасибо за помощь. Ты знаешь номер Антона?».

Ответ пришел мгновенно:

«Не за что:) Как прошло?» и ниже «Номер сейчас пришлю».

Быстро он печатает. *Как прошло?* Я вспомнила самое ужасное, что случилось в моей жизни, и не рассыпалась.

“Хорошо”. Подумав, я добавила смайлик. Никогда не умела толком ими пользоваться.

Тёма прислал номер.

«Спасибо», — настрочила я.

И задумалась. С чего начать смску человеку, который выгнал тебя из дома?

«У меня есть вода, чтобы оживить Сметану».

Палец завис над кнопкой «отправить». Спросить, как его рука? Как Ваня?

Хватит для начала и этого.

Я отправила смску и огляделась. За деревьями виднелась арка. Если это действительно тот парк, о котором я думаю, до мамы мне ехать минут пятнадцать. Впереди маячил торговый центр, похожий на здоровенную коробку из красной и желтой плитки.

Пиликнул телефон.

«Ты занята завтра?» — высветилось на экране.

И тут же позвонила мама. Надо уже сказать ей, что я периодически теряю голос. А еще не сплю из-за кошмаров, больше не захожу в метро и по малейшему поводу у меня начинают дрожать руки, как у немощной бабульки.

Я дождалась, пока телефон отзвонит и, с трудом попадая по буквам, набрала ответ: «Напиши, пожалуйста, если что-то срочное. Не могу говорить».

Мама снова позвонила, я снова не взяла, а сама уже почти вплотную подошла к торговому центру. Наконец она прислала смс-ку: «Будешь ужинать? Я пожарю картошку».

Черт. Я же так и не поела. Будто в подтверждение живот отозвался болью.

Я написала “Да, спасибо”, проверила — Антон не прочитал сообщение. Задумчиво пролистала переписку с Тёмой и, чувствуя, как сердце проваливается в желудок, набрала:

“Я завтра поеду к Фросе. Потом свободна”.

Нащупала в кармане оставшиеся купюры и шагнула к разъезжающимся стеклянным дверям торгового центра.

Антон

С остальными из списка Леши было глухо. Один парень жил в Подмосковье и учился на режиссера, другой на геолога. Очкарик вообще писал диссертацию по физике. Зацепиться было не за что.

Я в сотый раз пролистал фотки на страничке Веры. Нафига постить бурьян и лестницу? А ну, найдется по ним местоположение?.. Загрузил фото в программу — координаты вышли сразу.

Я глотнул кофе. От него уже горчило во рту, но ничего другого в меня не лезло. Эффект от вчерашнего прихода выветрился почти весь, мне снова было больно, и крепко. Сердце как будто крутили в мясорубке.

Вечером, если так продолжится, опять придется курнуть. Или ехать к Вере. Рассказать все, как есть. Просить. А ну как откажет?

Так, об этом потом. Сейчас, пока есть силы, надо работать.

Я проверил Ваньку и поехал.

По координатам гугл отправил меня к заброшенной деревне. В основном дачи, жилых домов не видно. Небось где-то здесь дача родителей Веры, там она свой бурьян и фоткала. Но нет — я проехал уже всю деревню, а навигатор все показывал “дальше”. Туда, куда он вел, минивэн не проедет. Насколько хватало взгляда, простиралась крапива с человеческий рост да виднелось быстро темнеющее небо.

Я вышел из машины. «Пройдите пять метров, потом поверните налево». Хорошо, догадался взять кожанку — так бы весь исцараплся. Сначала все вокруг было темно-зеленое, непроглядное, колючки да крапива. Потом под ногами наметилась дорожка. Бурелом начал редеть, тропинка под ногами вырисовалась четче. Скоро я увидел вдалеке... сарай, не сарай. С башенками сараев не бывает. Вон там даже наличники висят на окнах. Доски синевато-серые, большей частью гнилые от времени и дождей.

В лесу кричали птицы, в кронах шелестела листва. Я пошел дальше, сверяясь с навигатором. Через пару метров он сказал “цель достигнута” и погас.

Солнце клонилось к горизонту, оранжевый закат просвечивал сооружение насквозь. От него уже мало что осталось. Ветер подует — упадет, как карточный домик. Наверняка там и пола давно нет, одна земля. Я подошел ближе. На крыльце среди прошлогодних листьев в рамке с черной лентой стояла фотография парня. Знакомое лицо. Челка на один глаз, колечко в губе. Среди сгнившей листвы затерялся обмоток желтой ленты. Я взошел на порожек и заглянул внутрь. Пол обвалился, сквозь остатки досок пророс кустарник. В углу жалась лестница на второй этаж, но ступени почти все выбиты, не заберешься. Наверх больше никак не попасть — высота метра два с половиной. Краска на стенах осыпается, под потолком прилепилось опустевшее улье. В подвале наверняка гадюки себе гнездо свили, они такие места любят. Постройке лет сто пятьдесят — двести. Никто в здравом уме сюда не сунется, кроме любопытных подростков.

Если фото на крыльце, значит парень здесь и погиб. По официальной версии. А что там на самом деле было...

Хоть убей, оно не сходилось. В семнадцать лет Вера таскалась сюда и фоткала бурьян. Потом что-то произошло, и она якобы исчезла, прихватив с собой приятеля.

Параллельно Смотрящие поселились на этаж ниже и ждали, пока “она проснется”. Там же ее караулил Лестер. Здесь кто-то поставил мини-памятник. А потом она, вернувшись, гулила, где похоронен Константин Семенов.

Либо она мне соврала, либо кто-то соврал ей.

Я шагнул внутрь здания. Потолок не рухнул, уже хорошо. Обошел комнату по периметру. Там, где кончалась лестница, начинался вход в подвал. Из дыры выползла красно-бурая гадюка.

Самое умное убратся отсюда, пока еще какая-нибудь хрень не вылезла. Я зашагал к машине, и уже из нее набрал номер товарища.

— Антоха.

— Я за него. Наугугли мне номер Царевой Елены Васильевны. Я не у компа.

— А где ты?

Я вздохнул.

— Там, где не ловит Интернет.

— Любишь ты в жопу забираться.

— Обожаю.

Он пробил домашний номер Вериной мамы. Уже совсем стемнело, было холодно, как в склепе — я ощущал это даже в машине. Я набрал номер. Интересно, Вера дома? Или этот ее Сережа? Вот ему я бы точно задал пару вопросов.

Ответила мама.

— Никифоров Петр Сергеич, — отрапортовал я. — Ваш участковый.

— Петр Сергеич! — оживилась мама. — А Веры нет. Вы не знаете, где она?

Колесико мясорубки на секунду замерло, а потом провернулось дважды.

— Не знаю. Сергей дома?

— Уехал вчера утром. Послушайте...

В ухо тренькнула смс-ка.

— Один момент, Елена Васильевна.

Я пробежал глазами текст.

«У меня есть живая вода, чтобы оживить Сметану».

Глава 14

Из магазина я вышла с новым блокнотом и ручкой в одном кармане и лентой Дарины в другом. Косы, чтобы вплести ее, больше не было — свежестриженные волосы едва доставали до плеч. Денег у меня тоже не было — последние сотни ушли на парикмахера. Вообще-то блокнот я купила, чтобы спросить про стрижку. Парикмахер долго рассыпался в комплиментах моей отросшей гриве, а я вежливо кивала, с нетерпением ожидая, когда она отрежет первую прядь. Мне казалось, вместе с лишними сантиметрами уйдут воспоминания — запах Эдгара, въевшийся под кожу, его дыхание на затылке и душные объятия.

Теперь ветер непривычно холодил шею. Джинсы, такие узкие, что больше напоминали леггинсы, болтались в пакете на сгибе локтя. Там же, завернутый в алую рубашку в стиле уни-секс, лежал заветный пузырек с живой водой.

Сумерки одели город в теплое дымчатое покрывало. Повсюду зажглись огни, и улица стала похожа на длинную гирлянду с торопливо снующими по ней фигурками. Даже к вечеру люди не замедлили темп — неслись вперед с такой скоростью, будто хотели завершить все земные дела до заката.

Я стояла у входа в метро и пролистывала смс-ки. Антон написал, что будет у меня дома через полтора часа. Что он забыл у мамы, мне было непонятно, но спрашивать я не стала.

С Тёмой мы договорились встретиться около двух рядом с домом Фроси. Я не стала спрашивать, что по этому поводу думает Юля, а сам он ни о чем не упоминал.

С метро все было по-прежнему: я пробовала спуститься под землю дважды, и каждый раз паника грозила выдавить из легких остатки воздуха. Что-то внутри меня, то, что сильнее здравого смысла, знало: в недрах стеклянно-мраморного мира с дребезжащими поездами меня ждет смерть.

Оставалось, видимо, заколдовать себе еще пару купюр и поймать такси.

Хотя надо уже прекратить это делать. Купюры пусть и стоят всего пару крошек души, но раз уж я решила отказаться от волшебства...

— Ой, любишь ты усложнять, моя радость, — произнес за спиной еле слышимый голос.

Я обернулась, уже зная по бархатному тембру, какую из ипостасей выбрал Лестер. В этот раз он превзошел сам себя: волосы белизной соперничали с элегантным брючным костюмом, болезненная худоба сменилась подтянутостью.

Я глубоко вздохнула, надеясь, что от легкого испуга руки не задрожат, и на всякий случай уперла их в бока.

— Столько мороки ради того, чтобы капельку поменять внешний вид, — насмешливо протянул Лестер. — Неужели нельзя вообразить себе... Ну скажем... — он щелкнул пальцами, и я почувствовала дуновение воздуха там, где только что плотно сидели джинсы. Вместо них на мне красовались коротенькие кожаные шортики, а из-под тесного кожаного топа виднелся голый пупок. Я пригляделась. Это что, пирсинг?

Какой-то парень у газетного киоска присвистнул. Я развернулась к Лестеру, всем своим видом выражая возмущение.

— Что? — Лестер поднял руки в знак капитуляции. — Смотри, вон юноше нравится.

Я потрогала колечко в пупке. Почему прокол не болит?

— Почему не болит, — с обворожительной улыбкой повторил Лестер, следя за мной. — Некоторые вещи не меняются, моя радость. Угадывать по твоему лицу по-прежнему доставляет мне ни с чем не сравнимое удовольствие.

Высокая блондинка в платье и белых туфельках вышла из метро и, заметив Лестера, остановилась. Даже перестала вытаскивать наушник из уха. Облизала губы, окинула его оценивающим взглядом, но заметив меня, засунула наушник обратно и зашагала дальше.

— Видишь? — гордо спросил Лестер. — Ты стала настоящей красавицей. Первыми это всегда замечают женщины.

Я повела плечом и представила, что снова стою в джинсах и футболке. Дыра в груди стала шире, но плясать под дудку Лестера я не собиралась.

Я перевесила пакеты на сгиб руки, отошла подальше от стеклянных дверей и произнесла одними губами:

«Что тебе надо?»

Его довольная улыбка поблекла.

— Ты опять без голоса? Я уж решил, ты не желаешь со мной беседовать. Что-то творится в последнее время с моим волшебством. Выветривается, как духи. Я сначала думал, это следствие моей травмы. Но я уже оправился, а оно все барахлит. Ты ничего не заметила?

Я почала головой и выразительно показала на свое горло. Если он хочет вести беседы, пусть сперва даст мне голос.

— А, да. Прости, — Лестер послал мне воздушный поцелуй. В горле знакомое защекотало, и связки ожили. — Так лучше?

Я кашлянула.

— Пойдет.

— Как будто где-то подтекает, — Лестер посмотрел на темнеющее небо. Я тоже подняла глаза, но кроме пары плывущих облаков ничего не увидела. — Смотри, — он взмахнул рукой, и люди вокруг исчезли. — Клянусь, оно растает через пять минут!

Метро и улицу заволокла голубоватая дымка. Брючный костюм Лестера сменился камзолом под цвет его глаз, белые мокасины — лакированными туфлями с сапфировыми пряжками. Грудь мне неожиданно стянул корсет, а движения — громоздкое платье с широкой юбкой.

— Какого... лешего... — спустя пару вымученных вдохов мне удалось победить иллюзию, и грудная клетка расслабилась в привычном лифчике под футболкой. — Тебе заняться нечем? Мне вообще нужно через час быть дома!

— По маме соскучилась? — ядовито поинтересовался Лестер.

— Очень, — я пошарила в карманах. Блокнот на месте. А бутылочка? Она же была в пакете. — Где мой пакет?

— Ой, ну какая ты скучная! — воскликнул Лестер. — На месте твой пакет. Я из лучших побуждений хотел тебя домой доставить.

— Ну так доставь, — огрызнулась я и вдруг подумала, что он просто тянет время. Что-то в мире происходит, пока он тут поясничает.

— А вот езжай сама теперь на своем такси!

Лестер шаркнул каблуками и направился вниз по мостовой. Я только сейчас поняла, что кроме ужасного платья он «включил» какой-то средневековый город на воде. Из тумана вдалеке выступали низкие домики с деревянными ставнями на окнах, выкрашенные в бордовые и синие тона.

— Стой! — я кинулась за ним.

Мостовая пропала. На сколько хватало глаз, везде плескалась мутно-зеленая гладь, но я все равно бежала, на ходу воображая под ногами обтесанные камни. Ступням от них было больно, но остановиться и представить что-нибудь поудобнее времени не было. Я догнала Лестера, когда он уже почти скрылся в сероватом тумане и, не придумав ничего лучше, дернула за локоть. Он без труда сбросил мои пальцы.

— Смотрю, этот увалень кое-чему научил тебя, — раздраженно бросил он. — Хорошо, что вы разбежались.

Я уперла руки в колени, пытаюсь отдышаться. Как по этим мостовым люди ходили? Ноги у меня отваливались.

— Откуда ты... знаешь? — прохрипела я.

Лестер изящно пожал плечами.

— Он не таскается за тобой. Либо умер, либо поссорились. Если хочешь знать мое мнение...

Я медленно выпрямилась. Нормально. Стоять могу.

— Оставь свое мнение при себе. Лучше скажи, как мне вернуть к жизни Ваню. И отменить всю эту ерунду с Девами. Поцеловать случайную девушку на выходе из метро, я так понимаю, не прокатит?

— О, давай попробуем, а? — оживился Лестер.

— Я серьезно!

— И я. Ну давай!

Я топнула ногой.

— Это несправедливо! Я не хотела быть этой Девой. Я вообще не хотела больше никакого волшебства!

Лестер склонил набок голову и посмотрел на меня с умилением.

— А жизнь вообще очень справедливая, да? У всех справедливая, и только на тебе, бедной, что-то сломалось.

— Мне не нужна сила Хельги, — упрямо повторила я. — Должен же быть способ как-то...

— О, Мадонна! — перебил он, театрально воздев руки к искусственному небу, и обошел

меня вокруг. Джинсы с футболкой сменились алым платьем под стальными латами, на запястьях блеснули серебряные перья. В этом наряде я стояла перед Антоном пару дней назад. — Посмотри, — Лестер щелкнул пальцами, и передо мной возникло большое зеркало в резной оправе. — Какая статья! Белиссимо! Бывшая школьница и рядом не стояла. Сила Зимней Девы — лучший из всех подарков, что могла преподнести тебе вселенная.

— Ты даже не знал о существовании этих Дев! — я попыталась сорвать с рук пластины, но те сидели как влитые. — С каких пор они тебе нравятся?

— С тех пор, как я увидел их возможности, — спокойно ответил Лестер. — Ты платишь за свои фантазии, а они нет. Это чистое волшебство.

— Тебя этим чистым волшебством чуть не убили! — отчаявшись стянуть пластины, я сосредоточилась, воображая, что снова стою в своей одежде, а руки у меня голые, с редкими волосками на светлой коже. — Я сама могу случайно убить кого-нибудь взглядом! Это и есть то, чего все хотели от Хельги. Чтобы она для них убивала! Юля выкатила мне целый список! Хорош подарок! Ваня в коме, кошка околела, я ношусь по всему городу, чтобы оживить их, вместо того, чтобы...

— Чтобы что? — Лестер даже шею вытянул, так его, казалось, интересовал мой ответ.

Я запнулась. Ненастоящее солнце светило в глаза, аквамариновая поверхность воды искрилась в его бликах. Этот вид завораживал, как почти всякая из выдумок Лестера. Я смотрела на него, на воду, и никак не могла найти ответ.

— Что бы ты делала, не появись Хельга в твоей спальне? — повторил он. — Искала бы способы сдать ЕГЭ в этом году? Отправилась в магазин за новым телефоном? Наведалась к маме? То-то, я смотрю, ваши отношения так и дышат нежностью.

— Я бы никого не убила! — воскликнула я и почувствовала, что по рукам пробежал озноб, хотя ветра здесь не было. Лестеру, видимо, было лень придумывать еще и его. — Я бы выстроила свою жизнь заново! Три года назад я по собственной глупости лишила себя всего. Я хотела это исправить!

— Ну так исправь, — легко согласился он, будто я спрашивала его разрешения. — Займись своим поступлением. Что ты там еще хотела? Рисуй. Пиши. Пой. Вон та женщина обклеенная скотчем, прекрасно справляется со студией. Разве нет?

Видимо, он имел в виду Юлю.

— Она вынуждена, — возразила я.

— Ой ли! Вынуждена она!

— Ей нужно внимание мужчин, чтобы преобразовывать его...

Лестер раздраженно цокнул языком.

— Никто не делает того, что не хочет, Вера. Запомни это. Люди несчастливы, потому что выбрали быть несчастными. Слабы, потому что выбрали быть слабыми. Эта ваша Летняя Дева делает то, что делает, потому что ей нравится такая жизнь.

— Она хотя бы никого не убивает! — простонала я. — А мне достаточно только взглянуть на живое существо, чтобы оно упало замертво!

— У каждого свои таланты, — пробурчал Лестер, внезапно заинтересовавшись пеной кружев на рукаве сорочки.

— Ты, что, не видишь, что я превращаюсь в чудовище! — сама того не заметив, я снова схватила его за руку. — Скажи, если я умру и не передам силу, то освобожусь? Это сработает?

— Да я почему знаю! — Лестер скинул мою руку и стукнул по мостовой непонятно

откуда взявшейся тростью. — Не я придумал эти правила. Но Вера, — он наклонился ко мне, и я запоздало подумала, что раз я Вера, а не его радость, то дело плохо. Холодные глаза цвета молодого льда сверкнули у самого моего лица. — Мне плевать, кем ты себя считаешь. Чудовищем, ангелом или дьяволом во плоти. Клянусь, если ты вздумаешь повернуть номер с самоубийством, я...

Он не успел договорить — иллюзия рассеялась. Сквозь очертания мостов и одноэтажных домиков резко проступили многоэтажки. Вода сменилась асфальтом, и мы оказались у моего дома. Точнее, оказалась я, а Лестер исчез. Только черное перышко, мазнувшее меня на прощанье по щеке, напоминало о нашем разговоре.

Вокруг разливался теплый летний вечер, оборачивая меня влажным воздухом и духотой. Пакет с обновками и заветной бутылочкой болтался у меня на сгибе локтя, в кармане надрывался телефон. С третьей попытки я выудила его из кармана. Мама.

— Да, мам, — ответила я, радуясь, что голос все еще со мной.

Я успела разглядеть время на крошечном экранчике — девять вечера. Антон будет через полчаса.

— Вера, сколько можно матери не отвечать? Ты не успела приехать, уже вся в разъездах!

— Извини, — ответила я, рассматривая босоножки. — Я уже у подъезда. Захожу.

— Ужин остывает! — рявкнула трубка.

— Иду.

Я медленно поднялась по ступеням подъезда, думая о том, что по большому счету ничего в моей жизни не изменилось. Только теперь у меня был еще один волшебный мир, чтобы сбежать в него.

Вера, 16 лет

На даче я жила затворником. Дед целыми днями пропадал в огороде, я была предоставлена сама себе. С местными почти не общалась. Да их и оставалось с каждым годом все меньше: из деревни многие перебирались в город. На даче я читала, спрятавшись от летней жары в кирпичный домик, и много гуляла по лесу, стараясь в каждой облачке и каждой проталине увидеть знак для продолжения зарождающейся истории.

Фотография молодого парня, одетого как конюх, лежала в кармане джинсов. Я столько раз вытаскивала ее, чтобы в очередной раз взглянуть на затененный профиль, что та вконец истрепалась. В этих прогулках я придумала целое жизнеописание — нелюбимый сын барина, мать умерла в родах, отец винил сына в смерти любимой жены. Мальчик рос одиноким, нелюдимым и совсем не умел выражать эмоции.

От одной деревенской девочки я услышала, что в округе завелся вампир, который живет в часовне на кладбище. Вампиром оказался молодой любитель романтики, покинувший город после ссоры с матерью. Ему хватило экстравагантности поселиться в местной часовне.

Костя жил, как настоящий поэт: утром спал, а по ночам, вдохновляясь видом безлюдного кладбища, писал стихи. Он никому их не показывал, Интернета, как, собственно, и компьютера, у него в часовне не было. Он собирался вернуться домой к осени и опубликовать целый сборник. Мы быстро нашли общий язык. Костя закончил филологический факультет и издавался мелкими тиражами в одном средней руки издательстве. У него даже была презентация книги. Я восхищалась им за талант, он мной — за бесстрашие. Так и говорил: “Тебе, Вера, лишь бы залезть куда-то, а разбираешься ты

всегда по ходу дела...” Лазили мы действительно повсюду: в подвал под старым склепом на кладбище, в заброшенные дома соседней деревни и даже в никому не нужные сараи.

Однажды мы забрели в непролазный бурелом — деревьев нет, зато трава и крапива такая высокая, что можно потеряться, отойдя всего на два метра. Костя уговаривал меня повернуть назад, но я упрямо шла вперед, игнорируя колючки, нещадно ранящие щиколотки даже сквозь плотные джинсы. Скоро под ногами обнаружилась неприметная тропинка. Тут уже Костя загорелся.

Мы вышли к заброшенной усадьбе, и вдруг меня осенило — именно здесь сто с лишним лет назад жил Эдгар.

Глава 15

Я тихо открыла дверь и оказалась в темном коридоре. Стараясь не шуршать пакетами, протиснулась к тумбочке под зеркалом и неслышно пристроила на нее ключи. Сколько раз я на автомате выполняла эти простые действия — скинуть рюкзак, пройти к зеркалу, бросить ключи на тумбочку, не поднимая глаз на свое отражение. Из головы не выходила последняя фраза Лестера.

— Я тебе сколько раз звонила! — заявила мама вместо приветствия, выплывая из комнаты и кутаясь в домашний халат.

За ней, лениво переставляя лапы, показался Наум. Мамино общество явно пошло ему на пользу: облезлый хвост распушился, бока округлились.

— Привет.

— Занята сильно. Говорить не может. С друзьями, небось, можешь... Все холодное уже. Три раза подогрела, — мама прислонилась к стене и стала наблюдать за мной. — На телефон не отвечаешь. Я уже думать начала всякое. Хорошо, с участковым поговорила, он меня успокоил. Столько людей пропадает сейчас. У нас знаешь, какой район опасный стал. Не то что ваша Америка.

— Угу, — я наклонилась расстегнуть ремешок на босоножке и заодно проверить, подойдет ли Наум гладиться. — Что? Участковый?

— Помнишь, приходил с тобой мужчина такой высокий. Я записала его имя, — мама выудила из кармана аккуратно сложенную бумажку. — Вот. Никифоров Петр Сергеевич.

Я выпрямилась.

— Что он сказал?

— Спрашивал про Сережу. Такой воспитанный...

— Сережа?

— Да нет же! Участковый. Все только по делу спрашивает. Ой, у тебя новая прическа. Покажись! — мама подошла ко мне, шурясь в свете лампы.

Я провела по волосам ладонью. Зачем Антону понадобился Лестер?

Наум все-таки вальяжно приблизился, и я почесала его за ухом.

— Хорошо, что участковый тебе понравился. Он как раз собирался заехать. Мне нужно ему кое-что отдать.

— Вот сразу видно, человеку не все равно! — важно заявила мама. — Он же наверняка работает круглые сутки.

Он вообще почти не работает.

— Он выкроил минутку, — следя, чтобы голос звучал ровно, сказала я и, пока не возникло новых вопросов, юркнула в свою комнату. На мгновение я провалилась в темноту — окна зашторены, свет выключен. Блаженство.

— Давай скорее руки мой! Поешь, пока он не приехал, — донеслось из-за двери.

Я нащупала склянку с выпуклыми стенками. Передам и все. А завтра к Фросе.

Какой же длинный день...

— Сейчас иду.

Я постояла еще несколько мгновений в темноте. После бесконечного дня до смерти хотелось в душ. Успею?

Я быстро стянула джинсы и футболку и завернулась в розовый банный халат времен пятого класса. Придется успеть — Антону я в таком виде точно не покажусь.

Вода в душе была ледяная — оказалось, именно на этой неделе отключили горячую. «Вот тебе и реальность», — скептически произнес в голове голос, подозрительно напоминающий голос Лестера.

Это был самый быстрый душ в моей жизни. Я выскочила из ванной, чувствуя себя еще более уставшей, чем была. Быстро прошла на кухню и устроилась за столом, выжимая намокшие кончики волос.

— Ешь, — мама поставила передо мной тарелку с дымящейся картошкой и села напротив.

— А ты?

Мама постучала по наручным часам на потертом ремешке, которые не снимала даже на ночь.

— Мы с Барсиком давно поужинали.

Я покосилась на развалившегося в углу Наума. Барсик. Ну ну.

Вдруг раздался звонок и почти сразу за ним кто-то стукнул в дверь. Насколько я знаю Антона, стучать кулаком в дверь он не станет.

— Ой, — прошептала мама. — Это участковый? Не открывай — проверь сначала, кто.

— Угу.

Завернувшись поглубже в халат, я подошла к двери и заглянула в глазок — сплошная чернота, будто кто-то накрыл его ладонью.

Дверь дрогнула от нового удара, и струйка холода пролилась по позвоночнику. Кто бы это ни был, он явно пришел не с добрыми намерениями.

В голове пронеслась мысль: *Никто не смеет грозить Зиме*. Не дав себе подумать, откуда она, я дернула дверь — и на мгновение лишилась дара речи.

На пороге стоял Антон. В полумраке ночного коридора он походил на дух мести из ужастиков. Фигуру окутывала черная кожа — штаны и куртка, — на ногах вместо потрепанных кед сидели высоко зашнурованные берцы. От него исходил кисловатый запах алкоголя. Антон уперся кулаком в косяк — куртка задралась, открывая белую полосу тела над армейским ремнем, — и смотрел куда-то мне за спину.

Я настолько удивилась, что озвучила первое, что пришло в голову:

— Тебе не жарко?

Антон хрипло расхохотался, и смех его зловеще прокатился в тишине коридора.

— Снова с голосом, ты смотри, — он оглядел меня с ног до головы и насмешливо добавил. — Розовый зайчик.

— Петр Сергеевич... — позвала мама из кухни.

— Он самый. Ну что, поехали кошку оживлять?

В глубине квартиры надрывно мявкнул Наум. Я заслонила собой дверной проем.

— Ты, что, опять пьян?

— А то.

— Я с тобой никуда не поеду, — отрезала я.

— Петр Сергеевич, — голос мамы прозвучал уже ближе. — Вы нашли Верины вещи?

— А то, — развязно повторил Антон. — Завтра поедem забирать. Сейчас нужно кое-какие бумаги заполнить. Опись вещей сделать.

Какая еще опись?

Но мама, видно, полностью удовлетворилась его ответом. Даже предложила чай.

— С удо... удовольствием, — неразборчиво отозвался Антон. — Благодарю.

Кивнув, мама вернулась на кухню.

— Так и будем стоять? — перекатываясь с пятки на носок, спросил он.

Я закуталась поглубже в халат. Может, развернуть его? А если он за рулем? Нельзя его отпускать в таком виде. Но я же ему не нянька.

Пока я размышляла, Антон молча отодвинул меня в сторону и зашагал вдоль темной прихожей в мою комнату. Там он уселся на крутящийся стул, явно для него слишком низкий, и крутанулся, оттолкнувшись ногой в берце. Глянул в ночь за окном и поводит рукой по столу.

— Все мамы молодых девушек ужасно утомительны, — сказал он. — Я как-то общался с одной. Знаю, о чем говорю. Тогда я, правда, не успел. А сейчас, видишь, приехал. И ты тут. И тоже была у Дарины... Одна! — он зачем-то погрозил мне пальцем. — После нее, чтоб ты знала, с девушками ничего хорошего не случается. И тряпки ее никому еще не помогли. Но ты же ничего от нее взяла? Только воду?

Я чуть не сказала «Где ты раньше был?», но осеклась. Выброшу ленту завтра. А он пока может преспокойно катиться в свою...

— Хочешь сбегать меня, — Антон продолжал крутиться. — А я, может, не уйду. Я, может, думал, что ты будешь, как Хельга. Нет, калечить ты так же, как она, горазда...

Я с беспокойством покосилась на его руку, покоящуюся на колене.

— Ты можешь ей двигать?

— Да что ей будет, — он махнул здоровой рукой куда-то в центр комнаты. — Заживет.

— А как Ваня?

Ладонь его снова стала слепо искать по столу, но наткнулась только на пару учебников в дальнем конце. Взгляд провалился в пустоту.

Если бы я не знала Антона, решила бы, что именно так люди сходят с ума. Сначала выключается взгляд, потом никнут плечи, и человек становится безличной оболочкой. Глубоко в нем поселяется страх. Страх и страдание.

— Эй, — я не нашла ничего лучше, кроме как подойти к нему, предусмотрительно оставив бутылки на тумбочке. — Я знаю, как оживить его.

Антон не ответил, продолжая бесцельно водить ладонью по столу.

— Петр Сергеевич, Вера, — позвала мама из кухни. — Чай готов.

— Антон?

— Ну и как же? — медленно произнес он, не поднимая головы.

— Обратиться к Весне. Она всегда побеждает зимний холод. Значит, может пробудить...

Я запнулась, когда Антон, продолжая пялиться куда-то в одну точку впереди себя, засмеялся. Смеялся он глухо и неестественно, и я снова спросила себя, не так ли люди сходят с ума.

— Ну-ну. И кто должен пожертвовать своим целомудрием ради моего брата?

— Эм...

Антон вдруг схватил меня за руку и прижал ладонью к груди, как раз там, где был вырез футболки. Я почувствовала редкие волоски на горячей коже. В лицо дохнуло алкоголем.

— Ты должна это сделать, — зашептал он, все так же не глядя на меня. — Хельга всегда делала, и я был с ней. Я был ей верен. Но ее нет, и некому... Юля такого не умеет. Фрося и подавно.

У меня всплыло в памяти, как Леша тем же жестом прижимал руку Юли к груди. Только он смотрел на нее, как пес на хозяйку, а Антон отвернулся от меня, скрывая лицо в тени.

— Чай готов, — сказала мама с порога. Она куталась в свой халат и переступала с ноги на ногу. — Ой, что это вы делаете?

— Ничего, — быстро ответила я.

— Петр Сергеевич...

— Мам, оставь нас, пожалуйста, на две минуты.

Я закрыла дверь. Когда-то мама запрещала мне закрывать дверь у нее перед носом, считая это высшей формой неуважения. Сейчас, надеюсь, переживет.

Я обернулась к Антону.

— Расскажи мне.

Он замотал головой.

— Что я должна для тебя сделать? — настойчиво повторила я.

Антон снова повернулся к окну. Он смотрел куда угодно: вверх, в сторону — только не на меня.

— Что для тебя делала Хельга?

Я попыталась заглянуть ему в глаза, но Антон продолжал отворачиваться.

— Скажи мне. Я сделаю, как ты хочешь.

Недоверчивый голосок в голове пропищал: «правда?», но я отмахнулась от него.

— Она замораживала мою боль, — не поворачиваясь, сказал Антон.

— А что у тебя болит?

— Душа.

У меня мурашки поползли по телу.

— Она замораживала твою душу? — как можно спокойнее уточнила я.

— Типа того.

— А это не... Не то, что я сделала с Ваней?

Антон провел рукой по бритой голове, потом по лицу, словно смахивая паутину.

— Не бойсь, — мрачно усмехнулся он. — От этого не помру.

— Вера! — с негодованием воскликнула мама. — Поздно уже!

Я открыла дверь.

— Петр Сергеевич уже уходит. Опись готова.

— А как же чай?

— В следующий раз. Вставайте, Петр Сергеевич, я провожу вас, — я потянула Антона за локоть, отстраненно подумав, что мы поменялись ролями. Сколько прошло с момента, когда он так же тянул меня вверх по эскалатору? Неделя?

Антон испуганно подобрался.

— Что?

— Давай спустимся, — шепотом попросила я. — Все равно тут не поговорить.

Он поднялся, с беспокойством поглядывая то на меня, то на маму.

— Петр Сергеевич, так что с вещами? — требовательно спросила мама.

— Завтра привезу.

Откуда он их возьмет, интересно? Я потянула Антона в коридор, на ходу сгребла с тумбочки ключи и с опозданием поняла, что мне некуда их положить: в халате из плюша не было карманов.

— Хорошо, что нашлись! — с важным видом заметила мама.

— Мам. Ложись спать. Пожалуйста. Я сейчас приду.

— Я дождусь тебя.

— Мам.

— Нет, Вера. Там темно. Страшно. Я подожду.

Я вздохнула. Кое-что осталось по-прежнему: спорить с мамой было бесполезно.

Ночной воздух пах свежестью и нагретым асфальтом. В небе висел полумесяц, разбавляя темноту вокруг слабым молочным светом. Вдалеке взвизгнул мотор, гоня авто дальше по проспекту, и снова все стихло.

Я прошла мимо лавки, на которой целую жизнь назад писала завязки к рассказам, и остановилась, ожидая, что Антон пойдет следом. Но он решительно направился к парковке.

— Ты что, на машине приехал?..

— На вертолете прилетел.

Он остановился у минивэна. Я представила, как он ехал по трассе, распивая водку. Или что там — коньяк?

— Нафига ты приехал, если так злишься?

— Чтобы ты, блин, спросила! — он с размаху впечатал кулак в дверцу кабины. Заорала сигнализация. Антон порылся в карманах и что-то нажал. Сигнализация смолкла. Он вдруг сбросил куртку, оставшись в одной футболке. — Сделай это уже, ладно? И я все расскажу.

Тренированное тело в черной футболке выделялось на фоне серебристого минивэна. Развитая от йоги грудная клетка плавно перетекала в широкие плечи. Через предплечье тянулся свежий шрам.

— Ну? — нетерпеливо спросил Антон.

— Как насчет “пожалуйста”?

Он схватился за бритую голову.

— Чертовы погодные тетки! — прорычал он. — Хельга была единственная вменяемая среди вас. Что еще мне сделать? Сплясать для тебя? На колени встать?

Кажется, кто-то подошел к окну на первом этаже, но я не обернулась. От Антона текла мерцающая энергия, покалывая мне кожу и ладони. Ему было больно, я это чувствовала — и знала, что могу заморозить его боль. В голове возник образ заснеженных деревьев, но я прогнала его: так я заморозила Ваню. Нужно было что-то другое — то, что физически не навредит Антону, но заморозит его изнутри.

Я сделала пару шагов и остановилась. Что бы ни причиняло ему сейчас боль, оно было таким мощным, что он едва держался на ногах. Я понятия не имела, как ему помочь, и надеялась только, что моя суть и сила справится сама.

— Думай об этом, — прошептала я, наконец приблизившись так, что могла дотронуться до него.

— О чем? — он со всей силы пнул шину минивэна. — О чем я должен думать?

С каждым моим шагом его боль звучала громче, как музыка на дискотеке, которая отдается прямо в голове. Антон замер, когда я осторожно обняла его, готовая в любой момент разомкнуть руки. Одна ладонь легла ему на спину, другой я сжимала ключи, так и не придумав, куда их деть. Я вдохнула его запах, закрыв глаза и погрузившись в теплое марево боли. Что у него произошло? Умерла мама — может, в этом дело? Сердце Антона колотилось с бешеной скоростью, будто хотело убежать из-под моих ладоней. Мне это нравилось. Тому, что рождало во мне холод, нравился этот первобытный страх.

А если я его убью?

Испугавшись этой мысли, я разжала руки, да так внезапно, что Антон покачнулся.

— Что? — он ощупал себя. — Не сработало. Еще не все.

Я отошла от него на пару шагов и, чтобы куда-то деть холод, взялась за ветку молодого деревца, едва достигающего мне до груди. Кора тут же покрылась инеем.

— Осторожнее с кустами, — сказал Антон. — Юля тебя предупредила, — он снова провел рукой по груди. — Почему ты остановилась?

В окне над нами зажегся свет. Я переложила ключи в другую руку, чувствуя кисловатый запах железа от вспотевшей ладони.

— Давай... давай лучше сядем в машину, — предложила я. Голос звучал хрипло.

— Открыто.

Я обошла минивэн и со второй попытки забралась в него. Внутри было душно, но все же так лучше, чем на виду у любопытных соседей. Антон забрался на водительское сидение.

— Так в чем проблема?

— Я боюсь остановить твоё сердце, — призналась я. — Может, позвонить Юле? Или Тёме?

Антон откинулся на спинку сиденья.

— А Тёма тут при чем?

— Кто-то же должен знать, как это делается. Может...

Я замолчала. Что-то мне подсказывало: не стоит рассказывать Антону о нашей переписке и о том, что Тёма сотворил с нерадивым собаководом.

Антон наклонился и извлек из-под сидения початую бутылку из черного стекла.

— На, выпей для храбрости.

— Это твоё сердце! — зло откликнулась я. Лучше было злиться, чем чувствовать себя беспомощной.

— Пей давай.

— Мне это не нужно.

— Ну как знаешь, — он сделал глоток и прижал ко рту тыльную сторону ладони. — Мама твоя ждет.

— Она уже спать легла, — соврала я.

— Не ценишь ее, — укоризненно пробормотал Антон. — Я вот свою иногда и вспомнить не могу. Хочу вспомнить ее лицо, и не могу.

Я подумала о Косте. Я помнила его руки — на среднем пальце топорщился бугорок от ручки, — его смешливые глаза под длинными ресницами и вечно мятый воротник байковых рубашек. Но представить его лицо мне уже было не под силу.

Рука сама легла туда, где, я думала, бьется сердце.

— Ага, — удовлетворенно кивнул Антон и ткнул в мою сторону горлышком бутылки. —

Вот умножь это в сто раз. Нет, в тысячу. Это то, что чувствую я. А ты не хочешь, — он снова отхлебнул, — помочь слуге Зимней Девы.

Я покосилась на него.

— А то не так меня называют, — без улыбки сказал он, и глаза его почернели. — Что я, не знаю. Все вы, погодные тетки...

— Да поняла я, поняла, — я стиснула ключи в левой ладони, а правую вжала ему в грудь. Хрен с ним. Пусть помирает, если так охота. — Мы капризные стервы, а ты не можешь вынести тоску по матери. И если я тебя убью, ничего мне за это не будет, — уже тише добавила я, закрывая глаза и погружаясь в биение его сердца.

Стекло было опущено, легкий ветер шевелил кончики моих волос. Я постаралась отрешиться от этого теплого ветра, от летнего вечера, пахнущего свежестью и жасмином. Сознание мое устремилось туда, где покоились деревья и спала земля. Под снежным покровом, замершая и холодная, она была не мертва. Снег надежно укрывал ее до лучших времен. Так же, как земля под снегом, пусть живет его сердце — заледенелое, но живое. Пусть ждет лучших времен. До того момента, когда он сможет вдохнуть полной грудью и не обжечься воспоминаниями.

Я зажмурилась так сильно, что заболели скулы, а потом резко распахнула глаза. Лицо Антона было счастливым и безоблачным, в нем мелькнуло что-то по-детски ранимое. На мгновение я отчетливо увидела мальчугана лет семи, который доверчиво и любопытно смотрел на мир. Но тут же маска огрубела, застыла, в глаза вернулась подозрительность, в линию губ — жесткость. Антон накрыл мою руку, и, задержав на секунду, отвел.

— Спасибо, — сухо произнес он.

Я еще слышала его сердце под ладонью, и точно знала, что биение его замедлилось. Вдруг навалилась такая усталость, что я готова была положить голову на руки и уснуть прямо в машине.

— Ты расскажешь, — начала я, еле ворочая языком, но Антон покачал головой.

— Завтра. Сейчас домой. Мама без тебя не ляжет.

— Неправда... — глаза у меня слипались. Страх и напряжение брали своё — я проваливалась в сон. — Но завтра ты расскажешь. И мы оживим Сметану.

Он посмотрел на меня без выражения и сплел пальцы на животе.

— Будет исполнено.

Глава 16

Утром следующего дня Антон ждал меня у приоткрытой двери минивэна с хрустящим пакетом из Мака. Вместо обычного “привет” до меня донеслось почтительно-сдержанное “доброе утро”. Он с легким кивком протянул мне бумажный пакет и даже подал руку, чтобы помочь забраться в машину.

Ночью прошел дождь, в воздухе висел едва различимый туман — это испарялась влага с нагретого накануне асфальта. День обещал быть пасмурным.

Антон периодически запускал дворники, которые стирали невидимые капли с лобового стекла. Свой кофе он выпил несколькими глотками и поставил пустой стаканчик в стойку между нами. Не знаю, съездил он домой или в ближайший магазин, но от вчерашнего байкера осталась только кожаная куртка на заднем сидении да воспоминание в моей голове. Светлые джинсы и белая футболка только что не кричали о нормальности, запах зубной пасты перебивал все остальные. Бутылок в кабине видно не было. Машина ехала ровно, мягко притормаживая на светофорах. Я грела ладонями бумажный стаканчик с остатками

кофе и думала, что в реальность стоило вернуться хотя бы ради старого доброго Мака.

Мысли крутились вокруг предстоящего дня. После кошки в плане стояло “оживить Ваню” — уж сегодня я точно попаду к Ефросинье. Вчерашняя фраза Антона, что кому-то придется пожертвовать целомудрием, до сих пор звучала в голове, но я старалась о ней не думать. Будем решать проблемы по мере их поступления.

В очередной раз повернув оловянное кольцо на пальце, я разгладила на коленях бок псевдо-бархатной сумки. Она не слишком подходила джинсам и алой рубашке из облегающего материала, зато мне больше не нужно было распахивать свои пожитки по карманам. Внутри лежали заряженный телефон, ключи и блокнот с ручкой. Бутылочка с живой водой холодила пальцы даже сквозь ткань.

Я допила кофе.

— Ты расскажешь, что обещал?

Антон без выражения посмотрел на меня в зеркало заднего вида. Его и без того безэмоциональное лицо походило на картонную картинку из тех, с которыми фотографируются туристы на отдыхе.

— Что тебя интересует? — спросил он.

Вежливый Антон — это было что-то новое. Я никак не могла решить, нравится он мне таким или, скорее, пугает. Но так как дорога была пустынная, а ехали мы быстро, времени размышлять особо не было. На вопросы оставалось не больше получаса.

— Как ты познакомился с Хельгой?

— У меня умерла невеста, — будничным голосом сообщил Антон. — Катя ее звали. Она собиралась стать учительницей младших классов. Заканчивала педагогический. Я устроился в школу, где она проходила практику, чтобы быть поближе. Но видишь, не уберег. Ее сбила машина напротив Института. Умерла в реанимации. Потом я узнал, что накануне она ходила к Дарине. Совпадение, скорее всего...

Он говорил так спокойно, что у меня мурашки побежали по коже. Вот кем была та улыбчивая брюнетка на фотографиях в его комнате. Невеста.

Я крутила кольцо, пытаюсь собрать мозаику событий.

— И ты обратился к Хельге, чтобы отомстить?

Антон усмехнулся, не размыкая губ. Из-за туч показалось солнце, и он нашарил в бардачке солнцезащитные очки с круглыми стеклами.

— Мне не нужна Хельга, чтобы кому-то отомстить.

Он вывернул руль, сворачивая на шоссе, которое, судя по табличке-указателю, должно было вывести нас к поселку через тридцать километров.

— Я знал ее раньше, — невозмутимо продолжал он. — С виду безобидная старушка. Строгая, странная местами. Но безобидная.

— А как ты догадался, что перед тобой Зимняя Дева?

— Мы познакомились на детской площадке, — за стеклами очков не было видно его глаз, да и за грудь он больше не хватался, но я впервые подумала, что, возможно, он скучает по Хельге. — Я ждал Катю, а она искала пяточок без солнца. Приземлилась на лавку рядом со мной. Лето в разгаре, а она в свитере, юбка твидовая, как у моей прабабки в детстве. Всегда одевалась невпопад, — он едва заметно улыбнулся. — Ну как-то разговорились. Она, оказывается, жила неподалеку. Одна. Ни детей, ни внуков. Я оставил свой номер — мол, звоните, если совсем караул. Она и позвонила.

— А что у нее случилось?

— Что ей будет... Засор у нее прорвало. Вызвал ЖЭК. Пока ждали — чай, конфеты. Она такая была... Старенькая вроде, а сама ужасно гордая. Никто, не дай бог, чтобы не подумал, что сама чего-то не может. Я видел пару раз, как она мальчишек во дворе гоняла. Пристыдила даже, когда один заплакал. Я все думал, откуда она взялась? Но она сама мне рассказала.

— Рассказала, что она — Зимняя Дева?

Светофор перед нами загорелся красным, и Антон мягко притормозил.

— Не совсем, — он помолчал, погруженный в воспоминания. — Она вещая была. Сказала, что скоро я всё равно обращусь к ней за помощью. Так, может, заранее начнем. Зарплату, дескать, платить мне будет. И пригодится. Как золотая рыбка... Я ей, конечно, не поверил. Но пораскинул мозгами. Контракт мой тогда уже закончился. Служить я больше не собирался. Ну и поступил к ней. Работы было немного — иногда сопровождать ее, помогать по мелочи, лишних вопросов не задавать. Я и не задавал. А через полгода, когда Кати не стало, стало не до вопросов. Я не мог не то, что работать — я не мог дышать. Тогда Хельга заморозила мне сердце в первый раз. И я узнал, кто она такая.

Минут десять мы ехали в тишине. Начался пустой отрезок дороги, на удивление ровной, без изъёмов. Машин было мало, и минивэн разогнался. Я даже не думала, что такая большая машина может так быстро ехать.

— Могу я теперь задать вопрос? — осторожно спросил Антон.

У него даже тембр голоса изменился — стал ниже и глубже, и теперь самые невинные вопросы звучали почти зловеще.

Я кивнула.

— Как связаться с твоим волшебным другом?

Я подняла брови. Кажется, привычка выражать слова мимикой теперь со мной надолго. Уж не отомстить ли он решил? Этот новый Антон закопает Лестера прежде, чем тот успеет сказать “моя радость”.

— Зачем он тебе? — настороженно спросила я.

— Хочу проверить одну гипотезу.

— Ну... Попробуй позвать его. Мысленно. Или вслух, — я помолчала, раздумывая, стоит ли добавлять, что из-за своего подпорченного волшебства Лестер может не услышать. — Если захочет, он явится.

— А если нет?

Я пожала плечами.

— Увидитесь когда-нибудь.

— Когда-нибудь, — с усмешкой повторил Антон и вдруг напрягся. Вытянул шею, высматривая что-то в зеркале заднего вида. — Гляди-ка. Все-таки по нашу душу едут.

Я обернулась.

— Кто?

— Красная «Тойота». Всю дорогу за нами плетется. Я ждал, что свернет. Можно, конечно, нам свернуть...

Антон кинул взгляд на приборную панель, на дорогу — машин перед нами почти не было. Но и поворотов не было — ничего, куда можно было бы соскользнуть.

— А, ладно. Один хрен, десять минут осталось, — он так вдавил педаль газа, что я пожалела о выпитом кофе.

Седан за нами набрал скорость. Как я не приглядывалась, водителя видно не было.

— У тебя есть пистолет? — на всякий случай уточнила я и сама услышала, как глупо это прозвучало.

— Он не понадобится, как я вижу, — Антон плавно повернул на уже знакомую мне дорогу, по обе стороны усаженную елями.

Антон заглушил мотор. «Тойота» блеснула покатым боком и остановилась за нами.

— Подожди тут.

Он открыл дверцу и спрыгнул на землю. Взялся большими пальцами за ремень и замер в ожидании. Из машины выбрался Леша. Вид у него был помятый: верхние пуговицы рубашки расстегнуты, на волосах остатки геля, на щеках — отросшая щетина.

Я выглянула из раскрытого окна — небо заволокли тяжелые серые тучи. Похоже, Юля снова не в настроении.

— Здорово соседям, — бодро поздоровался Леша, но голос у него был усталый.

Он приблизился к нам, медленно переставляя ноги. Я задержала взгляд на вырезе его рубашки, где проглядывал красный след от ладони. Леша, заметив, куда я смотрю, улыбнулся шире.

— Привет, Зимняя Дева.

— И тебе не хворать, — ответил Антон за меня. — Зачем приехал?

Я выбралась из машины. Леша отвесил мне неглубокий поклон.

— Красивая ты сегодня. Подстриглась?

Теперь я по его мнению красивая, а не страшная. Ну-ну. Я сунула руки в задние карманы джинсов.

— Спасибо.

— Нет, правда, — Леша сделал пару шагов в нашу сторону. — Я такое сразу подмечаю.

— Тебе чего надо? — перебил Антон и встал ровно между нами.

— Да вот Зимнюю Деву искал. Побеседовать.

— О чем?

Леша внимательно разглядывал меня. Солнце светило ему в лицо, глаза окружили мелкие морщины, и я впервые задумалась: что он он делает рядом с Юлей? Какую рану залечивает?

— Как ты, нашла Ефросинью? — вкрадчиво спросил Леша.

— Еще нет.

— При чем тут Ефросинья? — Антон подступил к Леше, явно пытаясь заставить его отступить, но тот не двинулся с места.

— Юля расстроилась, — пожаловался он. Жесткие от геля волосы упали ему на глаза. — Темыч со вчера не объявлялся... А ты последняя его видела. Вы же вчера уходили вместе. А потом фьють — и нет нашего Тёммыча. Мало ли, случилось что. Мы не слепые Вера, — беззлобно добавил он, и тон его совсем не вязался со смыслом слов. — В любви, в обожании день за днем, каждую секундочку варимся... Юля заметила, как вы друг на друга пялились. И в кафе... зря ты его вылечила. Слишком все это было явно.

— Короче давай, — мрачно поторопил Антон, складывая руки на груди.

— Короче, потеряли мы Тёмку. Всем скопом ищем. Юля послала спросить, не знает ли Вера, где он.

Я подняла глаза в небо. Быть такого не может, чтобы Летняя Дева не знала, куда делся ее слуга. Она же и есть лето вокруг. Воздух, пропитанный ароматом цветов. Вода, текущая через город в реках и водоемах. Что-то тут не сходилось.

— Разве она не может почувствовать, где он? — спросила я. — Вы не связаны?

Леша развел руками.

— Откуда мне знать такие тонкости?

— Я не видела его со вчерашнего дня, — глядя ему прямо в глаза, заявила я.

— Уверена?

— Ты ее слышал, — отрезал Антон. — Это все, что ты хотел спросить?

Леша замешкался.

— Если это все, можешь отчаливать, — Антон сделал шаг вперед, но тут что-то произошло.

Перед глазами мелькнула голубоватая вспышка. Испугаться я не успела — только сжаться, принимая удар. Легкие обожгло — жар проник вглубь тела, выжигая дорогу к самой душе. Я покачнулась, но на ногах устояла. Руки вцепились в сумку, как в спасательный круг — мне нужно было за что-то держаться.

— Вера, дыши! — Антон заломил Леше руки, полностью его обездвигив, но смотрел на меня. — Нормально?

Я мысленно себя ощупала — руки-ноги на месте, голова ясная. Только в легких огонь, и руки дрожат, как сумасшедшие. Спасибо, хоть голос не пропал. Не пропал же?

— Дда... Кажется, да.

Не так это, оказывается, и страшно — получить в грудь ослабленный во много раз плевков силы Летней Девы. Бросила бы его Юля — вряд ли бы я сейчас разговаривала.

— Хана тебе, — отчетливо произнес Антон, оттаскивая Лешу за живой забор из вечно-зеленых елочек.

— Он пропал со всех радаров! — заголосил тот. — Юля не может найти его второй день! Ее сила гаснет! Нет, только не пальцы, умоляю!

Я добралась до скамейки перед домом, прижимая дрожащие руки к груди, и медленно опустилась на нее.

Ее сила гаснет. А Лестер сказал, что его сила тает.

Тёма пропал. А еще он откуда-то знает, что Хельгу убили. Слишком просто все получается. Слишком очевидно. Но если он умеет впитывать чужую силу, как губка...

— Я просто делал, что мне велели! — визжал Леша. — Юля сказала, это предупреждение. Просто предупреждение, никакого вреда Зимней Деве. Нет, только не лицо!

— Как думаешь, она сильно расстроится, если потеряет второго мальчика? — донесся до меня почти ласковый голос Антона. — Или получит по частям?

— Тоха, ты бы тоже сделал все, что тебе приказали! Ты бы убил ради Хельги!

— Твоя правда, — веско уронил Антон, и в этой фразе слышался мучительный и скорый конец Лешиних мучений.

— Стой.

Со второй попытки я встала и на негнущихся ногах добралась до изгороди. Антон сжимал горло Леша, в его лице читалось четкое намерение довести начатое до конца. По виску Леша струилась кровь, на голове зияла рана с темными краями. Несколько пальцев на правой руке распухли.

— Не надо, — я доковыляла до него и несильно пнула в плечо. — Не души его. Он мне еще понадобится.

Мимо прошлепал мальчик лет двенадцати. Судя по домашним штанам в полосочку и

кошелек под мышкой, он направлялся к ближайшему магазину. Я мысленно пожелала ему идти, куда шел, и повернулась к Леше. Антон ослабил хватку — тот задышал свободнее, рывками глотая воздух, как выброшенная на берег рыба. Лицо его пошло красными пятнами, кровь залила левый глаз, а правым он с надеждой следил за мной.

Руки по-прежнему дрожали — я прижала их к бедрам.

— Я сама с ним разберусь. Потом. Сначала мы займемся Сметаной.

Антон развернул ко мне лицо, и едва уловимый намек на удивление мелькнул в темно-карих глазах.

— Как скажешь. Куда его сейчас?

Я на мгновение растерялась. Куда обычно отводят людей, которых собираются пытаться?

— В машину.

Антон легко поднял Лешу за ворот рубашки.

— Пошел.

— Юлия знает, где я! Она так просто это вам не спустит! — зачастил Леша, пока Антон толкал его к минивэну. — Вера, пожалуйста! Ты же сама знаешь, я не причинил бы тебе настоящего вреда! Мы же все понимаем, ну. Все всё понимают!

— Все всё понимают, — эхом отозвалась я и в последний раз посмотрела на небо. — Есть, чем связать его?

Антон криво ухмыльнулся.

— Найдем.

В подъезде было прохладно. Шаги Антона гулко отдавались в коридоре, пока он поднимался по лестнице. Я старалась ступать неслышно. Руки потихоньку успокаивались, только пальцы иногда дергало.

В квартире Антон первым делом запер за нами дверь. Я вдохнула аромат выпечки, запах кошачьего корма и почувствовала, как расслабляются плечи. Здесь было темно и тихо. Внизу по оклеенным обоями стенам тянулись следы когтей, над дальней дверью мерно тикали часы с резными деревянными стрелками.

— Как ты? — Антон тихо встал за моей спиной.

— Нормально.

— Точно?

Я прошла по коридору, заглядывая в приоткрытые двери. Ваня лежал на своей раскладушке. Руки на животе, лицо безмятежное, волосы блестят. Живой.

У Антона как всегда царил порядок: аккуратно заправленная жесткая кровать, пустой стол и сервант с книгами вместо посуды. В углу коврик для йоги, на стенах фотографии в потускневших рамках. На подоконнике пылилась закрытая обувная коробка. Поверх нее, поджав лапы и укрывшись пушистым хвостом, лежала Маша. Увидев меня, она зашипела.

— Прости, — Антон стоял в дверях, склонив голову и спрятав руки за спиной.

Вылитый солдат в ожидании справедливого наказания.

— За что?

— Я должен был среагировать быстрее.

Я подошла к фотографии, на которой Антон обнимал улыбчивую девушку с ямочками на щеках. Тут у него еще были волосы — по виду такие же мягкие, как у Вани.

— Всех не защитишь, — я обернулась, думая о Косте. — Ты же сам знаешь.

Он кивнул. Такой скорбный и собранный. Как будто не он только что разукрасил Лешу

физиономию.

— Слушай, ты можешь перестать играть в супер-профессионального-телохранителя или как там это называется? — не выдержала я.

Антон вопросительно на меня посмотрел. Потом коротко кивнул. Подошел к окну и погладил Масю по блестящей черной шерстке.

— Все время плачет по Сметане. Как человек. Я вчера собирался закопать, но она не дала. Развела концерт.

Я покрепче сжала сумку. Надо скорее оживлять кошку. Правда, я понятия не имела, как. Влить воду в пасть? Окатить ее брызгами?

— Я не знаю, что делать, — призналась я.

— Что, Дарина не объяснила?

— Я не спросила.

Мася замяукала громче.

— Не ори, Мася, — осадил Антон. — Починим твою подружку.

Он подошел к серванту с книгами и достал одну с потрепанным корешком. Я узнала синий с золотыми виньетками сборник сказок, которым зачитывалась в детстве. На обложке красовался волк с Иваном Царевичем в камзоле и красных сапожках.

Антон уселся на кровать и начал листать книгу.

— Так... Тут еще жив. Тут тоже. Ага. «Откуда ни возьмись, прибежал серый волк и схватил ворона с вороненком. Принесешь мне живой и мертвой воды, тогда отпущу твоего вороненка». Вот он слетал за тридевять земель. Потом ворон принес воды... Нашел. «Серый волк sprыснул мертвой водой раны Иван-царевичу, раны зажили; sprыснул его живой водой — Иван-царевич ожил». У тебя вода живая, видимо. Доставай.

Я выудила из сумки бутылочку. Антон аккуратно взял ее двумя пальцами, покрутил, посмотрел на свет, даже понюхал — и вернул мне.

— Лучше ты.

Вот спасибо. Я встала, потирая ладони. Что там было? Sprыснул? Мне известен только один способ sprыснуть кого-то водой.

Я согнала Масю с коробки, подняла крышку и откупорила бутылочку. Стараясь не глотать, залпом вылила содержимое в рот, выплеснула на Сметану и только тогда опустила на нее глаза. Кошка была околевшая, с неестественно расправленными лапами и больше напоминала чучело. Капли воды стекали по ее шерсти, как по еловым иголкам.

Антон подошел и осторожно дотронулся до уха Сметаны.

— Это все?

— Ты же сам читал, — огрызнулась я и, убедившись, что руки перестали дрожать, привычным жестом сунула их в задние карманы джинсов. — Что там волк еще делал с Иваном Царевичем? Поцеловал, может?

Антон задумчиво посмотрел на меня.

— Я не буду целовать твою кошку!

— А Ваню собиралась, — без выражения сказал он.

Кажется, он хотел еще что-то добавить, но я качнула головой. Отошла подальше от околевшей кошки и с размаху плюхнулась на кровать, чувствуя, как пояс врезается в талию. С платьями этой проблемы не было.

Дарина меня обманула? Или я сделала что-то не так? Может, нужно было, как в сказке, сначала окатить Сметану мертвой водой? Или дело в том, что я способна только забирать

жизнь?

Я кивнула на бутылек.

— Попробуй ты. Там еще есть на доньшке. Если не получится, я попробую представить, что она жива.

— Что ж сразу не представила? — хмыкнул Антон.

Небо за окном потемнело. Такими темпами через час полет стеной. Мне еще добираться к Фросе. А до того играть в злого полицейского.

— Если меня убьют, все мои иллюзии рассыпятся.

Антон даже дышать перестал на мгновение.

— Никто тебя не убьет.

— Угу, — я поймала свое размытое отражение в стекле старого серванта. Волосы после стрижки лежали, как нарисованные, алая рубашка очерчивала фигуру, так что изгибы появились там, где их никогда не было. Дипломат в руки — и можно напрямик в офис. — Дай мне ключ от машины.

— Я пойду с тобой.

Я развернулась, оказавшись к нему лицом.

— Ты стоял в трех шагах, — пальцы на левой руке предательски задергались. — И все равно ничего не смог сделать.

Пусть лучше он думает, что я решила прикончить Лешу, чем узнает правду о Тёме. Был у меня смутное предчувствие, что она ему не понравится.

— Ключи, — негромко повторила я. — Пожалуйста.

Антон медлил.

— Ничего со мной не случится. Он связан.

Молчание.

— Я могу тебя заставить, — ручеек холода внутри радостно взметнулся в ответ на эту мысль, но я подавила его.

Антон нехотя достал брелок в виде маленького красного человечка и, не поднимая глаз, положил рядом с собой на покрывало. Я подцепила металлическое кольцо указательным пальцем.

— Займись Сметаной, — велела я.

Хотя хотела сказать “спасибо”.

Антон

“Займись Сметаной”. Ага.

Я взболтнул бутылочку и посмотрел на свет. Вроде не мутная. Там и правда осталось на доньшке — всего пара капель, не больше. Маша наворачивала вокруг меня круги, подозрительно поглядывая то на бутылочку, то на коробку со Сметаной.

— Погоди ты.

Если у Веры не вышло, варианта три. Первый — Дарина подсунула ей не то, что нужно. Второй — то, что побывало в руках Веры, не оживит уже никого: не зря же Хельгу называли “Ледяной Смертью”. И третий, в который я верил меньше всего, — мы что-то сделали неправильно. Не опрыскивать кошку надо было, а влить воду ей в пасть. Или еще как внутрь запихнуть...

Я снова взболтнул бутылек. После заморозки перечить Вере стало почти невозможно. Охранять ее теперь сложнее. Но именно теперь ей больше всего нужна была защита. Вера была хрупкой, как когда-то Катя. И упрямой, как Ванька в худшие годы.

Ладно. Быстрее начну, быстрее закончу.

Я шикнул на Масю, которая так и норовила сунуть мне мокрый нос под руку, вытащил сметану из коробки и положил на кровать. По ощущениям — чучело чучелом. Вряд ли она сейчас забегает, у нее же все процессы в организме остановились. Простая биофизика...

Была не была.

Я раздвинул сметане сомкнутые челюсти и влил остатки из бутылочки. Мася заголосила, как сумасшедшая, и попыталась поставить лапы на покрывало.

— Ты уж определись, подруга, — я отпихнул ее коленом, — чего боишься. Что она оживет или что откинется с концами?

Сметана содрогнулась всем своим окоченевшим тельцем, вздрогнула и ожила. Точнее, открыла остекленевшие глаза и задвигалась, как кукла на шарнирах.

Я хотел погладить ее, но в последний момент отдернул руку. Что-то в ней было не так. Мася шипела, не переставая. Ничего удивительного. Вода, может, и живая, да только Осенняя Дева недалеко ушла от Зимы. Она не та, кто способен дать жизнь.

Я отошел к окну, высматривая Веру. Внизу вроде было тихо. Если что, она ведь закричит? Голос вроде на месте. Хорошо бы выяснить, что с ней на самом деле произошло в той усадьбе. Пока есть время.

Я встал посреди комнаты. Прислушался. Вера сказала, этого чудика надо просто позвать. А потом башмачками друг о друга стукнуть, не иначе... Мася все шипела в углу, пока сметана обнюхивала пространство.

Так. Ладно.

Лестер.

Гхм. Может, лучше вслух?

— Лестер, мать твою.

Ничего. Она же говорила, что он может не отозваться. Или я что-то не так делаю?

Я развернулся к кровати и оторопел — на ней восседал Лестер собственной персоной. Локоны лежат на плечах, как у девушки, на каждом пальце по перстню. Одет не то в платье, не то в пиджак — столько рюш, что не разглядеть толком.

Он оперся на трость со сверкающим набалдашником и улыбнулся своими лягушачьими губами.

— Ругаться совсем необязательно, господин участковый. Я не глухой.

Первая мысль была о пистолете, но Лестер предупреждающе выгнул тонкие бровки.

— Фу, как негостеприимно! Сам позвал, сам стрелять будет.

Он еще и мысли читает?

— Какие вы скучные, — пробурчал он, закатывая глаза. — Что ты, что Вера. Думаете, обязательно копать у вас в голове, когда все в лице отражается? Бегущей такой строчечкой, — он сделал пас рукой, и меня что-то пощекотало в районе лба.

Не реагировать. Не реагировать.

— Ну и зачем я тебе понадобился? — лениво протянул Лестер.

Я подтащил стул и сел напротив него.

— Мне нужна твоя помощь.

Он кивнул мне с видом короля, готового внимать народу.

— Слушаю.

— Не знаю, кто ты и что такое, — начал я. — Но вижу, что с Верой вы будто бы из одного теста.

Лестер откинул свои локоны за плечо.

— Что значит «будто бы»? Мы и есть из одного теста, как ты выражаешься. Ну и?

— Вера никуда не исчезала три года назад. И Костика с собой не тащила. Он умер в той усадьбе.

— Это не тайна, — высокомерно перебил Лестер. — Что еще?

— И Эдгара никакого не было, — продолжил я. — Ты его выдумал. А сам убил ее. Там же, в этой усадьбе.

— Я?? — вскричал Лестер и вытаращил на меня свои голубые глазищи. — Да я ее спас!

Чтобы выбить признание, начни с ложного обвинения.

Я поставил локти на колени и подался вперед.

— Спас от чего?

— А ты не так прост, господин участковый, — одобрительная усмешка скривила его губы. — Но я ничего не скажу.

— А если я уже догадался?

Я блефовал. У меня было три версии, и в последней Лестер убивал Хельгу. В этой версии жить ему оставалось недолго.

— Но, но, но! — Лестер отодвинул меня своей тросточкой и поднялся с кровати. — Не играй со мной в эти игры. Я по лицу вижу, каких небылиц ты напридумывал! Хельгу твою я и пальцем не тронул. И не знаю, кто ее убил! Зато знаю, что мое волшебство куда-то утекает, и мне не под силу этому противостоять.

Он замер у окна, весь как рисованная картинка, но сквозь красоту проступала реальность — костлявые пальцы, впалые щеки, седые волосы. Камзол его еле держался на плечах, и я уже видел проблески пижамного костюма.

— Я помогу тебе, — пообещал я. — Если ты поможешь мне.

Лестер обернулся. Изображение побежало изломами и полосами, как на экране барахлящего телевизора, и вот уже передо стоял мной ссутулившийся слепец в чересчур свободной рубахе.

— Видишь, что со мной творится? — воскликнул он. — Я должен набирать силу после того, как Вера очнулась, а не терять ее!

— Я помогу тебе, — настойчиво повторил я.

— Как? — Лестер снова уселся на кровать. — Ты же ничего не умеешь!

— Я служил Хельге много лет. Я найду того, кто тянет твою силу.

Например, еще раз побеседую со Смотрящим. Убить он меня не убьет, а остальное я переживу.

— Только не рассказывай Вере, — сдался Лестер и сложил костлявые руки на коленях.

— Ни в коем случае.

— Она действительно оживила фантазию, — начал он. — Хотя все время, что мы знакомы, я твердил ей одно — не оживляй неживое. А дети ведь всегда делают ровно то, что просишь их не делать... — задумчиво добавил он. Я удивился. Вера же не может быть его дочерью? Вон у нее мама есть, и папа наверняка. — Нет, господин участковый, я ей не родственник, не смотри на меня так. По крайней мере не так, как ты подумал, — отмахнулся Лестер.

— Что за фантазия?

— Ууу... Ты бы его видел! То ли она его не тщательно продумала, то ли силенок не хватило. У него были вертикальные зрачки, как у хищника. И те же повадки... А она в нем

души не чаяла. «Эдгар то, Эдгар сё». Ей все говорили: я, поэт этот доморощенный, — что она создала чудовище, и надо уносить ноги, пока не поздно. Но куда там. В итоге она застряла в заброшенной усадьбе, а Костик пошел ее спасать.

— Но не спас, — заключил я.

— Конечно, не спас! Эдгар просто перерезал мальчишке горло. Прямо на глазах у Веры. Она думает, что дальше он поднялся к ней на второй этаж и спросил, — Лестер повысил тон, имитируя девчачий лепет, — «любит ли она его по-прежнему». И что якобы она ответила “Да”. Но это не правда.

Он замолчал. Длинные волосы закрыли лицо.

— А что она сделала на самом деле?

Лестер вскинул на меня свои небесно-голубые глаза.

— Что ты сделаешь, если кто-то убьет твоего друга?

— Придушу, — ответил я, не задумываясь.

Он цокнул языком.

— Вот и она. Накинулась на свое чудище. Я даже сделать ничего не успел. Когда опомнился, он уже столкнул ее.

— Куда?

— С лестницы. В подвал. Там такая конструкция, что...

Перед глазами встали шаткие прогнившие ступени, уходящие в подвал. Если слететь по ним кубарем, аккуратно на дне и окажешься. И вряд ли встанешь.

— Что было потом?

— Что, что. Костика я оставил там, он все равно уже умер. А ее забрал.

— Значит, она не умерла?

Лестер покачал головой.

— Я перенес ее в ту маленькую квартирку, куда она потом якобы вернулась. Вливал потихоньку энергию. Все три года. Навещал ее маму время от времени, рассказывал ей небылицы про стажировку. Я знал, что Вера очнется. Не может не очнуться. Я же столько ей дал.

Я хотел спросить, что он вообще такое, но Лестер уже рассказывал дальше:

— Так что когда твоя старушка искала, в кого бы перелить силу, Вера для нее сияла, как алмаз. Она теперь вся светится от волшебства, — грустно пояснил он.

Я молчал. Так-то оно все сходится. Кроме одного.

— А куда чудовище-то ее делось?

— Он остался в мире, — уклончиво ответил Лестер. — Выжил, потому что она выжила.

Под окнами кто-то вскрикнул. Я вскочил.

— Ладно, Лестер. Спасибо за информацию. Свидимся еще. Присмотри тут за кошками. Одна походу мертвая.

Не дожидаясь ответа, я схватил ключи от квартиры и выбежал в коридор.

Глава 17

Небо было налитое, как переспелый нектарин, готовое брызнуть серо-розовой мякотью. Я вспомнила историю про мух и саранчу, посланных людям в наказание за грехи, и поежилась. Единственная лавка перед домом пустовала, изгородь из кустов и елочек, за которой Антон избивал Лешу, стояла без движения, даже листики не колыхались от ветра. Большинство окон дома напротив были зашторены, хотя еще даже не наступил полдень, а до вечера так и вовсе оставалось полдня.

Я обошла минивэн, и, повозившись с замком, распахнула створчатые двери. Внутри было темнее, чем снаружи. Леша сидел, прислонившись к стене и свесив голову на грудь. Руки сцеплены за спиной, рубашка порвана, лоб и скулы в засохшей крови. Он сгорбился так, словно хотел испариться. Я кое-как забралась внутрь и тут же об этом пожалела: внутри было душно, как в банке.

Леша поднял на меня мутный взгляд.

— Добивать пришла?

Я промолчала.

— А я всего-то спросил, когда ты в последний раз видела Тёму, — пожаловался он. — Но лучше ты, чем этот, — он презрительно сплюнул в сторону открытой дверцы. — Ты хоть знаешь, где он служил?

Я заставила себя отлепиться от стены и подошла ближе. Босоножки гулко шлепали по кабине.

— Где?

— А вот спроси у него, — мстительно предложил Леша и облизал потрескавшиеся губы. — У тебя воды нет?

Я вздохнула, вспоминая стеклянный кувшин с чистой фильтрованной водой, который всегда стоит на кухне у Антона. Не сразу, но он возник рядом с Лешей. Знакомый хруст отдался у меня в ушах.

— Ох ты ежкин кот, — Леша потянулся к графину, забыв про связанные руки, и чуть не завалился на бок. — Я уже забыл, что ты такое умеешь. А диван тоже сюда можешь перетащить? Типа просто придумать?

— Могу придумать, что у тебя отсутствует какая-то часть тела, — мрачно подсказала я, разглядывая его лицо.

Темную бровь пересекал едва заметный старый шрам, нос утопал в побелевших оспинах. Наверняка он привык существовать в тени обаятельного Тёмы, которому даже делать ничего не надо было — женщины сами слетались к нему, как мотыльки на пламя. И танцевал Тёма намного лучше Леша, и Юлиного внимания ему доставалось больше...

— Когда Юля так на меня смотрит, то либо поцелует, либо будет драть, — вывел меня Леша из задумчивости. Попытался улыбнуться, но в глазах его мелькнул страх.

Я опустила перед ним на корточки и поднесла кувшин к сухим потрескавшимся губам.

Тёма сказал, что познакомился с Юлей в семнадцать. Сейчас ему, наверное, около двадцати. А как давно его знает Леша? И что мне с ним сделать, чтобы он сказал то, что нужно?

— За что Юля тебя наказала? — негромко спросила я.

Леша молчал.

Я поставила графин рядом и сменила позу, коснувшись коленями шаткого пола.

— Я могу сделать так, что она тебя больше не достанет.

Он поднял на меня мутные глаза.

— Мой тебе совет — не зли Юлю еще больше, — с трудом проговорил он.

— Ты не ответил.

Он принялся меня разглядывать.

— А знаешь, я вот все никак не могу понять: почему Хельга тебя выбрала? Я слышал, Фрося два месяца входила в силу. А ты всего за неделю. Что в тебе такого особенного?

Ты не хочешь этого знать.

Если он так и будет молчать... Я распахнула некогда белую рубашку на его груди. Леша опасно следил за моими движениями. Красная кожа на груди натянулась. Прикоснуться к ней не хотелось.

— Что ты знаешь о Тёме?

— Вот это я понимаю серьезный подход! Сначала все узнать про парня и только потом идти на свидание.

— А про свидание откуда? — поборов брезгливость, я все-таки положила руку прямо поверх ожога — кожа на ощупь была сухая, как наждачка. Леша резко выдохнул. — Он сам тебе сказал?

— Нет, — быстро ответил он, и сердце под моими пальцами пропустило удар. И тут же забило чаще.

— Или ты читаешь его сообщения? — я чуть надавила на рану.

— Да ничего я не знаю! Просто так сказал, ясно? Он не из тех парней, кто долго думает, прежде чем пригласить девушку на свидание. А ты ему понравилась. Вот и все!

— Мне показалось, он застенчивый.

Леша недобро хмыкнул.

— Про него многим кажется не то, что есть на самом деле.

— А что есть на самом деле?

Он замолчал. Ладно. Может, я действительно смогу разорвать его связь с Юлей? Надеюсь, это хотя бы не так больно, как ее ожоги. Я вспомнила о Ледяном озере. Кроме жертв, на его глубине жила сила Зимы, и сейчас она лилась прямо из-под моих пальцев внутрь его измученного тела.

Леша попытался отодвинуться, но за его спиной была стена.

— Если ты убьешь меня, тем более ничего не узнаешь, — предупредил он.

— Я не убью тебя, — отозвалась я. — Но сделаю так, что ты больше ничего в своей жизни не почувствуешь. Ни печали, ни радости, ни любви. И твоя связь с Юлей угаснет сама собой...

— Ладно, ладно, я скажу!

Какой он доверчивый. Я приподняла пальцы над его кожей, но оставила прижатой ладонь.

— Говори.

— Если скажу, ты оставишь меня в покое?

— Попробуй.

— Он убил Хельгу! — с ненавистью выплюнул Леша. — Да еще сам в этом вчера признался Юле! Типа она должна принять это и продолжать с ним общаться, как ни в чем не бывало.

Так, значит, это правда. Мягкий, застенчивый Тёма. Кто бы мог подумать.

— А она что?

— Послала его, конечно!

Значит, после нашей встречи он все-таки вернулся в студию. И зачем-то рассказал Юле правду. Пазл потихоньку складывался. Одно мне оставалось неясно: как же он сладил с Хельгой?

— Как он победил Хельгу? — вслух спросила я.

Леша хмыкнул.

— Не сразу. Он дважды, что ли, пытался, но все время уходил ни с чем. Представляю, как Хельга веселилась. Хотя каждый раз зачем-то отпускала его. Он же сын Осенней Девы. Неприкосновенный... Этого достаточно? Или ты хочешь знать, какого цвета боксеры он предпочитает? — Леша с беспокойством покосился на мою ладонь.

— Как он убил Хельгу?

— Откуда я знаю, меня же там не было! Небось ножами своими! Или дротиками.

Интересно, дротиком можно выбить глаз?

Я вернула пальцы на ожог.

— А вообще он только притворяется безобидным застенчивым мальчиком! — затараторил Леша. — Я же живу с ним, нам Юля квартиру снимает! Знаешь, что у него в комнате? Куча метательных ножей и доска для дартса! Вся дырявая! Я все рассказал, Вера, правда, я больше ничего не знаю!

— Сколько вы знакомы?

Леша вжался в стену фургона.

— Ты страшная женщина, тебе об этом говорили?

— Отвечай.

— Три... три года, что-то около того.

Я прикрыла глаза. Что-то тут было. Прямо перед моим носом. Живут себе в мире четыре великие Девы. У одной из них растет сын, который, видимо, тоже обладает каким-то волшебным даром. Не зря же Хельга хотела его себе... Но он не пожелал ей служить. Тогда она сгубила его пса. Мальчик рос, затаив обиду. Но как отомстить той, кого называют “Ледяная Смерть”? Что в нем изменилось после двух неудачных попыток?

— Кто-нибудь, кроме тебя и Юли, знает, кто он такой? — спросила я.

Леша мотнул головой.

— Я сам случайно узнал. И никому не говорил.

— Почему?

Молчание.

— Почему? — я вжала ладонь в истерзанную плоть.

— Ау! — вскрикнул он, но, кажется, больше для вида.

Как будто кто-то здесь его услышит.

На меня повеяло запахом свежескошенной травы. Я почувствовала жар, бегущий по каналам его вен. Как будто само лето заставляло его сердце биться — и это было так чуждо и так мне претило, что я, сама того не осознавая, ответила холодом. Он устремился по проторенным теплом дорожкам, свернулся в них уродливыми змейками и застыл.

— Вера... — кожа вокруг Лешиних глаз натянулась, в них мелькнуло страшное осознание. Сердце последний раз гулко стукнуло о мою ладонь. — Ты как она, — потрясенно шепнул он.

Я отдернула руку, но, кажется, было поздно. Леша обмяк.

Бесконечное мгновение было так тихо, что я слышала, как колотится мое сердце. Потом дверь дрогнула, и внутрь запрыгнул Антон.

— А ну, — он склонился над Лешей, быстро проверил пульс у него на шее и похлопал по щекам. На меня он не смотрел. — Живой?

Леша что-то невнятно пробормотал в ответ. Я с облегчением откинулась назад, неуклюже приземлившись на пятую точку, глупо повторяя про себя “живой”.

Живой.

Антон рывком посадил его.

— Вернуть его Юле?

— Я тебе что, сервиз? — еле ворочая языком, возмутился Леша.

Я почувствовала, как тошнота подступает к горлу. Кому нужна эта *чистая сила*, если она способна вынуть из человека душу?..

Я уперлась лбом в колени, борясь с головокружением. И со страшной догадкой, которая поднялась из глубины сознания.

Я судорожно вздохнула. Надо успеть спасти Ваню.

— Вызови ему такси.

— Какое... такси, — с трудом выдохнул Леша. — Вон моя машина... стоит, — он напоминал человека, который выпил столько, что вот-вот загнется.

Я посмотрела на его распухшие пальцы. Такими руль не удержишь.

— Это Юлина машина, — пояснил Антон.

— Не в машине... дело, — пробормотал Леша и вдруг закашлялся. Дотронулся до груди, но забыл про больную руку и застонал.

Антон ждал. Вид у него был под стать черному небу снаружи — брови сошлись на переносице, у губ проступили жесткие складки.

— Сметана ожила? — спросила я.

Он кивнул. Внутри у меня щелкнул зажим. Получилось. Сметана снова бежит по квартире, ворует землю из горшков и кусочки еды со стола. Но если Антон может оживить кошку тремя каплями живой воды, в то время как у меня не вышло даже с целой бутылочкой...

Я прокашлялась.

— Первое, — заговорила я, следя, чтобы голос звучал ровно. — Ты отвезешь Лешу туда, куда он скажет. Лучше в травмпункт, — Антон открыл рот, но я решительно заговорила дальше: — Второе. Думаю, связь с Юлей я оборвала, — я обернулась к Леше. — Можешь не возвращаться к ней, если не хочешь. И спасибо за информацию.

Развернувшись, я спрыгнула из душной темноты машины на землю, пока никто не заметил слезы у меня в глазах. Ветер качнул непривычно короткие волосы. Я оглянулась, но никого не увидела — люди попрятались в преддверии грозы.

“Лестер!”

Тишина.

“Лестер, это срочно!”

Ноль внимания. В заднем кармане джинсов тихонько пиликнула смс-ка. Даже не доставая телефон, я знала, от кого она.

— Вызови мне такси, — бросила я Антону, пытаюсь унять сердцебиение.

— Я тебя отвезу, — Антон тоже спрыгнул на землю. — Лучше сейчас не высовываться. Юля в ярости.

— Окей, сама вызову.

— Ты не поняла...

— Это ты не понял, — припечатала я, и Антон отступил.

Я точно знала, что никаких перьев в волосах и лат на запястьях у меня не появилось. Я по-прежнему стояла напротив него в джинсах и рубашке и смотрела так, как когда-то смотрел Эдгар на Костю. Или, возможно, Тёма на Хельгу, готовясь выколоть ей глаза.

Я отвела глаза, чтобы Антон не понял по моему лицу, что я собираюсь сделать.

— Я поеду одна, — сказала я.

Мне нужно было увидаться с Тёмой. Наедине.

Антон

Все закрутилось. Эдгар не умер, Вера почти умерла. Черт ногу сломит в этих волшебных загогулинах. Насколько проще было раньше — встал затемно, намотал пять километров вокруг озера, пятьдесят раз отжался, подтянулся и строевым шагом на плац...

— Вы больные, — подал голос Леха с пассажирского сидения.

Мы ехали за такси. Леха сперва пицал про свою машинку, но быстро понял, что бесполезно, и замолчал.

— Что сказал?

— Вы больные, — он с шипением втянул воздух, удобнее укладывая опухшую руку на коленях. — Сначала калечить, потом в больницу.

Такси повернуло к въезду в город.

— Какая больница? Я тебя у метро высажу. Или надо было добить, чтобы не мучился? Суть претензии в чем?

Леха надулся.

— Что ты сказал Вере?

— Ничего.

— А почему она выглядела так, будто собирается кого-то пришить?

— Флаг ей в руки... — пробормотал он.

Надо как-то разговорить его.

— Ты хоть знаешь, как тяжело сейчас избавиться от тела? — начал я. Придумывать приходилось на ходу. На поясе по-прежнему висела кобура с пистолетом, но целиться в него, а тем более стрелять было глупо. — Это в нулевых вывозили на кладбище, давали сотку сторожу и дело с концом... Тебя искать-то будет кто, кроме Юли? Или и ей ты уже не сдался? Я слышал, у ее сладких мальчиков век недолог.

— Уж подольше, чем у шавок Хельги!

— Своим шавкам Хельга хотя бы платила, — спокойно сказал я.

— Деньгами?

— И деньгами тоже. А вам чем Юля намазала? У нее там поперек?..

— Ублюдок!

Леха отвернулся к окну.

Я сосредоточился на дороге. Дознаватель из меня всегда был так себе. Информации стало слишком много, а обдумать ее толком времени не хватало. Вопрос номер один по-прежнему был, кто убил Хельгу. Точнее, кому она позволила себя убить. Я все еще не мог представить, чтобы кто-то сразился с Зимней Девой и победил ее.

Скорее всего, тот, кто расправился с Хельгой, пытался убить Веру. Кто?

Почему Лестеру кажется, что кто-то ворует его волшебство? Проще всего, конечно, решить, что убийца и этот вор — одно и то же лицо...

И Тёма еще пропал. Я тоже заметил, что между ним и Верой что-то промелькнуло, но значения не придал. Дело молодое... А Юля видимо решила, что они укатили в свадебное путешествие.

— Что у вас стряслось вчера? — спросил я.

Такси повернуло на Волоколамское. Не так много времени осталось. Скоро будут.

Леха не шевелился, отвернувшись к окну.

— Как Юле вообще пришло в голову, что Тёмыч пристал к Вере?

Молчание.

— Слух потерял?

Полоса слева была свободна — я вывернул руль. Минивэн резко вильнул, но тут же вернулся в колею. Я повторил маневр еще раз, и Леха взвыл:

— Ты что творишь?? Угробить нас хочешь?

Я вильнул вправо — тут же сзади загудела легковушка.

— Антон!!!

— Так вот про проблему с телами, — я выровнял машину, но Леха все равно трясся, как лист. — Последнее ноу-хау. Сажаеть кроля в машину и бьешь со стороны пассажира... А потом говоришь, что водитель чудом выжил.

Я, конечно, сочинял, но это сработало. Леха начал судорожно расстегивать ремень безопасности, но никак не мог вытащить защелку из гнезда.

Вот олень. Он же сам водит.

— Ты бы лучше не отстегивался, — зловеще предупредил я. — Только хуже сделаешь.

Леха побелел.

— Да что вы все как сговорились. Тёма то, Тёма это! Тошно слушать уже, ей богу!

— Вот и расскажи, что знаешь, облегчи себе душу.

Он молчал.

— Не вынуждай меня.

Леха всхлипнул и зло выдал на одном дыхании:

— Это он убил Хельгу! И Веру твою чуть не угробил на пробном уроке!

Мне стоило больших усилий не вписаться в машину впереди.

— А ну рассказывай по порядку.

Часть 4. Расплата

Глава 18

«Фрося сегодня дома. Привет:))»

«Откуда ты знаешь? Привет».

«Решил покараулить для тебя».

«Ого! Спасибо».

«:)»

Водитель такси высадил меня прямо у подъезда дома-колодца. Тёма был где-то здесь. Он писал мне весь последний час. Долго искать не пришлось — кто-то тронул меня за плечо, и я обернулась.

Тёма выглядел не так, как обычно: рубашка вместо белой была черная и такая тонкая, что под тканью просвечивали контуры тела. На плече небрежно покачивался рюкзак, соломенные волосы свободно лежали на плечах, скрывая колечки в ухе. Только улыбка осталась прежняя — робкая, мягкая и тёплая, словно мы не виделись месяц. И каждый день этого месяца он скучал.

— Привет, — произнес Тёма, и его голос словно погладил меня под кожей. — Новая причёска, — улыбнулся он. — Тебе идет.

Я дотронулась до завивающихся кончиков волос и почему-то подумала, что Антон ничего не заметил.

— Вера?

Ах да. Я провела пальцами поперек горла.

— Что такое? — с беспокойством спросил Тёма и оглянулся, подтягивая рюкзак выше на плечо. — Кто-то следит?

“Нет”.

Но, может, и проследит, если послушается приказа. Я достала телефон, быстро напечатала “У меня пропал голос. Так бывает” и показала Тёме. Он пробежал сообщение глазами.

— Когда ты потеряла голос?

Чтобы не стоять на виду, я зашагала к детской площадке в самом сердце двора. Двор был окружен со всех сторон деревьями и домами, и кажется, не просматривался.

— Это Хельга? — не унимался Тёма, успевая шагать со мной в ногу. — Она забрала твой голос?

Забавно, что он об этом спросил.

В середине дня двор был пустой. Я выбрала самую неприметную лавку и плюхнулась на нее. Тёма устроился рядом, не сводя с меня встревоженных глаз.

— Это она забрала твой голос? — настойчиво повторил он.

Я покачала головой. Как же я устала. От того, что никому нельзя рассказать правду. От того, что внутри у меня почти не осталось живого места — все заледенело.

“Это ты забрал силу Юли?” — напечатала я и, секунду помедлив, показала ему.

— С чего ты взяла?

“Больше некому”.

Тёма молчал так долго, что я обернулась к нему.

“Это ничего”, - набрала я.

Пожалуйста. Скажи, что это ты.

“Ты не сделал ничего плохого”.

Наконец Тёма едва заметно кивнул.

“Как?” — спросила я одними губами.

— Ты не будешь злиться, если я скажу? — нерешительно спросил он, видимо, по моему виду пытаюсь понять, хорошо это или плохо.

Я заправила за ухо выбившуюся прядь. *Да я тебя расцелую.*

“Нет”.

— В тот вечер, когда ты вылечила мой ожог, я случайно зажег сигарету без зажигалки. Вообще без ничего. Просто подумал об огне. Но я забрал не все, а только чуть-чуть. А вчера, когда Юлия меня наказала, я сделал то же, только... уже намеренно.

Позади нас с визгом затормозила машина — я с первого взгляда узнала минивэн.

Кто бы сомневался.

Я приложила палец к губам и потянула Тёму вниз, заставляя пригнуться за спинкой скамейки. Если Антон его увидит, мокрого места не оставит, будь Тёма хоть трижды волшебным. А он мне еще ой как понадобится.

“Дождись меня, — напечатала я и, нажав “отправить”, побежала к подъезду.

Сердце чуть не выскакивало из груди. У меня был шанс. Наконец-то. И план!

Шанс и план. Отличное сочетание.

Внутри подъезда было сыро, по стенам тянулись ряды ржавых почтовых ящиков. Я успела нырнуть в него за секунду до того, как в кармане завибрировал телефон.

— Вера? — не то сказал, не то спросил Антон, когда я нажала «ответить». — Ты уже у Фроси? — судя по звукам в трубке, он бежал. — Все в порядке? Я уже почти там.

Ну, хотя бы он не заметил Тёму. Я успела досчитать до пяти, и Антон ввалился в подъезд, шурясь и выискивая опасность. Я помахала ему рукой.

— Ты тут, — выдохнул он.

В приглушенном свете единственной лампочки его лицо выглядело бледнее обычного, глаза лихорадочно блестели. Я разглядела крошечные красные пятна на его белой футболке — наверное, от Леша, и отстраненно подумала, что еще неделю назад это бы меня испугало.

Я показала пальцем на горло.

— Опять? Ладно... Это полбеды. Ты не видела Тёму?

Я покачала головой.

— Он не звонил?

«Нет».

Антон подошел ко мне и сделал то, чего не делал почти никогда — бережно взял за руки.

— Послушай, Вера. Если ты его увидишь, и меня не будет рядом — беги. Поняла? Просто беги. Спрячься. Исчезни. Только не оставайся с ним вдвоем.

Ему пришлось наклониться, чтобы заглянуть мне в глаза. В коридоре было темно, глаза его казались почти черными и оттого более глубокими. Я почти на автомате провела большим пальцем по тыльной стороне его ладони. Если я ему скажу, он убьет Тёму. Если он убьет Тёму, тот никогда не впитает силу Зимней Девы. Если я потеряю силу Зимней Девы некому будет замораживать Антону сердце.

Я вспомнила, как он умолял меня о заморозке.

Как же сложно!

Лифт позади нас тяжело вздохнул, заскрежетал и приземлился на первый этаж. Дверь открылась, и из него, опираясь на палочку, вышел дед в белой майке и штанах. Антон выпустил мои руки и придержал ему дверь.

— Спасибо, дети, — пробубнил дед и заковылял дальше.

Мы вошли в лифт едва ли шире платяного шкафа. Антону пришлось встать совсем близко. От него неуловимо пахло выпечкой и зубной пастой. Я уже хотела представить на стене надпись с признанием, но тут лифт с треском остановился.

Мы вышли на этаж.

От стен пахло затхлостью, единственная дверь перед нами выглядела хлипкой — наверняка через нее слышно даже, как чихает сосед. Я незаметно нащупала в заднем кармане телефон. Надо выключить его, пока не пришла очередная смска.

Звонка нигде не было видно.

— Фрося, — хорошо поставленным голосом позвал Антон. — Я от Хельги.

Ничего не произошло.

— Фрося!

Антон постучал. Хлипкая дверь поддалась, и мы вошли.

Квартира была маленькая и уютная. Коридор заканчивался кухней, оттуда лился искусственный белый свет, мягко обволакивая фигуру русоволосой женщины в синем шелковом халате. Под халатом белели босые ступни, поверх шелковой ткани лежали распущенные волосы с вплетенными разноцветными лентами.

— У тебя дверь открыта, — сообщил Антон и сунул большие пальцы за широкий ремень. — Мы виделись однажды. Ты меня, наверное, не помнишь...

Фрося убрала выбившуюся из косы прядь — широкий рукав задрался до локтя, обнажив запястье с выпирающей косточкой. На пальцах сверкнули тонкие серебряные кольца.

— Я тебя помню, — произнесла она тихим мелодичным голосом и двинулась к нам, плавно покачивая бедрами.

Когда она остановилась, я увидела, что кроме халата на ней ничего не было. Совсем ничего.

Антон легонько подтолкнул меня вперед.

— Это Вера. Новая Зимняя Дева.

— Добро пожаловать, Вера, — улыбнулась Фрося.

Улыбка у нее была приятная, красиво очерченные губы переливались розовым блеском. Я положила руку на горло и постаралась улыбнуться в ответ.

— Она без голоса, — объяснил Антон, почти полностью пропадая из моего поля зрения.

— Как жалко, — протянула Фрося, и в ее голосе послышалось искреннее сочувствие.

Где-то в глубине квартиры захныкал ребенок. Фрося встрепенулась. Свечение вокруг нее слегка померкло.

— Кажется, кто-то проголодался, — проворковала она. — Вы пока проходите на кухню. Я сейчас.

Она взмахнула полами халата и скрылась за ближайшей дверью.

На кухне стало понятно, откуда лился странный свет. Окна выходили на застекленный балкон, который вмещал в себя несколько бело-желтых подсвеченных пластин. Кажется, такие используют в кино. В остальном кухня ничем не отличалась от десятков других: вдоль стены тянулась деревянная панель с жестяными баночками из-под чая, у мойки

громоздилась гора использованных детских бутылочек. Пахло подгоревшей овсянкой. У стены ютился столик с белой скатертью, вместо стульев вокруг него стояли старомодные табуретки с кожаной обивкой.

Фрося вплыла на кухню, покачивая завернутого в пеленку младенца.

— Хотите чаю? — спросила она своим нежным голосом.

Антон посмотрел на меня — я кивнула.

— Да, пожалуйста, — сказал он.

— И я хочу. Тоша, будь добр, вскипяти чайник. И достань нам пару чашек, — она кивнула в сторону мойки.

Уложив младенца поудобнее, Фрося устроилась на краешке табуретки, обдав нас запахом молока и фруктового шампуня.

— Садись, — пригласила Фрося, пока Антон неловко выуживал пару чашек из горы у мойки и включал воду. — Рассказывай. Ой, прости. Я забыла.

Я села на ближайший табурет, пристроив сумку на коленях.

— Она рада с тобой познакомиться, — сообщил Антон, перекрикивая шумящую воду.

— Очень мило, — сказала Фрося, не поднимая головы от младенца. — А давно вы знакомы?

Она повела плечом, скинув верхнюю часть халата и обнажив овальную, как кабачок, грудь. Ребенок приоткрыл крошечный ротик и начал причмокивать.

— Сейчас, мой маленький, сейчас. Вот уже почти. Да, — она прикрыла глаза, когда ребенок наконец поймал сосок губами.

Я оглянулась на Антона, но тот сосредоточился на чашках. Только по напряженным плечам и низко опущенной голове можно было догадаться, что он в курсе, что происходит за его спиной.

— Мы знакомы с тех пор, как умерла Хельга, — сказал он, намыливая чашку.

Фрося так и сидела, не открывая глаз. По кухне разносилось довольное причмокивание.

— Да, очень жаль, конечно, — наконец тихо проговорила она. — А ты как, Вера? Уже привыкла к новой силе?

Антон включил чайник, и стало шумно. Кажется, пора мне было доставать блокнот.

— Кушай, маленький, кушай, — приговаривала Фрося, разглядывая крошечное лицо ребенка, больше напоминающее сморщенный персик. Потом подняла голову и посмотрела на меня удивительно осознанным взглядом. — Хорошо, что сила досталась тебе напрямую от Хельги. Мои предшественницы менялись так часто, что волшебства почти не осталось. Теперь, чтобы пробудить природу, мне приходится давать жизнь в прямом смысле.

Я откинулась назад, забыв, что сижу на табуретке, а не на стуле. Это и имел в виду Антон, когда говорил, что кому-то придется пожертвовать целомудрием? Кому-то придется переспать с Фросей?

Я устала встать ему в спину, пока тот с отсутствующим видом наполнял две бело-розовые чашки. По кухне плыл крепкий аромат бергамота.

— Прощу, — с легким поклоном Антон поставил перед нами чашки.

Придерживая ребенка одной рукой, Фрося потянулась за чаем.

— Спасибо, Тоша.

Антон кивнул. Он смотрел прямо, словно кто-то провел линию, ниже которой его взгляд не мог опуститься.

— Вера хотела спросить, можешь ли ты помочь ей в качестве залога будущей дружбы.

Речь идет о Зимнем Сне.

Фрося запахла халат. Каким-то образом она казалась в этом халате более собранной, чем я в рубашке и с сумкой.

— Дружба между Зимой и Весной, — произнесла она, и вид у нее стал дружелюбнее некуда. — Где это видано, милый?

— С Хельгой у вас было соглашение, — уронил Антон.

Я резко обернулась. Когда он собирался мне об этом сказать?

— Ах, это, — Фрося вздохнула, и халат снова чуть не соскользнул к поясу. — Я ни разу им не воспользовалась. Это Юля любит повоевать... Дарина еще иногда. А я что? Зачем кому-то вредить многодетной матери?

— А где твои дети? — резко спросил Антон.

Фрося застыла, и тут что-то изменилось. Стало так душно, что я невольно приоткрыла рот, пытаюсь глотнуть воздуха. Ребенок завозился, продолжая причмокивать.

— С моими детьми все в порядке, — ровно ответила Фрося. — Ты же не думаешь, что я стану воспитывать целую ораву только потому, что кому-то вздумалось наградить меня даром Весенней Девы? Хватит и того, что мое тело каждый год становится контейнером для вынашивания!

Раскрасневшись, Фрося перестала перестала походить на любвеобильную нимфу. Она склонилась над младенцем, поправляя на нем шапочку, и кухня погрузилась в тишину.

Искусственный свет начал давить мне на глаза. Захотелось провести рукой по лицу, потереть виски, а лучше умыться, но я сидела, не шелохнувшись. Ссориться с Весенней Девой у нее дома однозначно было не лучшей идеей.

Я нащупала в сумке блокнот, открыла на чистой странице и поставила жирную единицу.

“Я рада с тобой познакомиться”, - написала я. Потом нарисовала двойку. “Я восхищаюсь твоей выдержкой, — и наконец “три”. — Мне нужна твоя помощь. Я случайно заморозила младшего брата Антона. Я готова заплатить».

Я протянула ей блокнот и замерла в ожидании. Немного успокоившись, Фрося быстро пробежала написанное глазами.

— Переговоры, — хитро улыбнулась она, — это уже интересно. Только что ты можешь мне предложить?

”Юля предложила мне убить для нее пару человек”, - написала я, стараясь сделать почерк как можно более понятным.

Фрося фыркнула.

— Юля совсем заигралась со своими мальчиками. Моложе она с годами не становится, а темп все тот же. Она же еще студией руководить успевает, знаешь? Не удивлюсь, если Хельга просто убирала для нее конкурентов, — заметила она. — А должность свою она забросила. Вы заметили, какое лето жаркое последние годы?

Я посмотрела на Антона — он задумчиво кивнул.

— С таким характером ей бы Зимой быть, а не Летом, — продолжала возмущаться Фрося. — Засуха кругом, а ей хоть бы хны. В прошлом году пожар был. И до того...

Антон снова кивнул, и я закивала следом. Не хватало еще всем рассказывать, что меня в прошлом году попросту не существовало.

Ребенок беспокойно заворочался, и Фрося отвлеклась.

— Тише, тише, маленький, спи, — проворковала она. — Тоша, достань нам печенье.

Страшно хочется сладкого.

Антон, который все это время не садился, подошел к шкафчикам над мойкой.

— Левее. Еще левее. Теперь вниз. Вот! — глаза Фроси радостно заблестели, когда он достал из шкафчика жестяную коробку и открыл ее.

В коробке лежали шоколадные трубочки. Фрося сунула в рот сразу две, облизала пальцы и довольно посмотрела на Антона сквозь полуопущенные ресницы. Я уловила плавное движение под столом — Фрося качнула ногой.

— Брат-то твой, Тоша. Получается, это ты меня просишь?

— Да, — ответил он, не поднимая взгляда.

— И ты знаешь, как это делается?

Антон сцепил руки за спиной и выпрямился, но продолжал смотреть в пол.

— Знаешь, милый, — удовлетворенно кивнула Фрося.

Ее волосы вперемешку с лентами лежали на груди, губы призывно блестели. Она смотрела на Антона, как удав на кролика, и мне вдруг захотелось предупредить ее, что Антон никогда, ни при каких обстоятельствах кроликом не будет.

— Твоя защита мне ни к чему, Вера, — нежно проговорила Фрося, расплываясь в очаровательной улыбке. — На меня никто не нападает, мстить мне некому. А вот мужской руки не хватает. За сыном, опять же, тяжело одной смотреть. Тоша будет хорошим помощником. Отдай мне его, и мы сочтемся, — закончила Фрося, убирая несуществующие пылинки с шапочки спящего ребенка.

Я покосилась на Антона. По его лицу нельзя было понять, как он относится к перспективе стать нянькой младенцу и сексуальной игрушкой его матери. Он что-то сосредоточенно обдумывал.

— Я согласен, но не сегодня, — развернувшись к ней, твердо сказал Антон. — Дай мне времени до конца недели. И я сам к тебе приду.

Я глотнула крепкого бергамотового чая. Похоже, Антон рассказывает мне еще меньше, чем я ему.

Фрося постучала по столу своими длинными ноготками, привлекая наше внимание.

— Когда ты заморозила его брата? — спросила она. — Неделя уже прошла?

Я посмотрела на Антона, но сама успела посчитать до того, как он кивнул.

Фрося безмятежно покачивалась, словно вбирая в себя свет. Я почти видела, как он просачивается в ее поры.

— Если по истечении семи дней никто не подхватит его жизненную нить, он уже не очнется, — она расплела одну прядь с лентой и намотала ее на палец.

— Вера... — начал Антон.

«Четыре дня», — предложила Фрося.

Я нарисовала в блокноте двойку.

— Три, — продолжала она гнуть свое.

Я упрямо ткнула пальцем в блокнот.

— Вера, — снова начал Антон, но вдруг замолчал. — Хорошо.

Я подозрительно глянула на него, но Фрося щелкнула своими изящными пальчиками.

— Два дня! Отлично. Он мой.

«Тебе нужно что-то от Вани? Он сам?» — быстро написала я.

— Хватит того, что Тоша его брат. И будет думать о нем, пока... — она не закончила, кинув многозначительный взгляд на Антона. — Мы будем его оживлять.

Я пыталась собрать мысли. Значит, они переспят — и все? Так просто? И Ваня очнется только потому, что Фрося — Весна и умеет пробуждать жизнь?

Я посмотрела на Антона.

“Это правда так работает?” — написала я.

Он безучастно кивнул.

— Я тебя провожу, — Антон недвусмысленно кивнул в сторону коридора и отрапортовал: — Вера благодарит тебя за гостеприимство, Ефросинья!

Фрося благосклонно улыбнулась, а я поспешила за Антоном.

В коридоре он заговорил быстро и очень тихо:

— Подожди меня в машине. Я быстро разберусь и приду. Полчаса максимум. Сможешь?

«А как же Ваня?» — представила я на слое пыли на тумбочке. Писать времени не было.

Антон раздраженно вздохнул.

— Я разберусь, — повторил он, явно прилагая массу усилий, чтобы это не звучало как «не лезь, куда не следует». — Сможешь подождать полчаса?

Я поискала взглядом часы — но молочно-белые стены были пусты, как в больнице. Странно, что квартира сперва показалась мне уютной.

— Почти два, — нетерпеливо прокомментировал Антон.

Что бы он не задумал, чуйка мне подсказывала: хорошо для Фроси это не кончится. Но что я скажу? Антон не тот, за кого себя выдает?

Тёма наверняка ждет внизу...

Антон навис надо мной.

— Вера, — мое имя булыжником рухнуло между нами. — Тёма убил Хельгу. Он забрал силу Юли. Если он найдет тебя, то первым делом заберет и твою силу тоже. Он способен вообще на все. Ты должна меня слушаться. Только так я смогу тебя защитить. Ты же не хочешь лишиться силы?

Я подняла на него глаза, пытаюсь по его замкнутому лицу понять, выдержит ли он жизнь без заморозки.

— Тоша, — позвал ласковый голосок из кухни, — иди сюда.

— Дождись меня, — повторил Антон.

Я медленно кивнула и вышла, на ходу нашаривая телефон в кармане. И вдруг застыла, услышав за дверью командный голос:

— На стол.

— Что?!

— Быстро.

Послышался шорох и звуки борьбы.

— На стол, я сказал.

— Вот ты дикий! Зачем так... Ой!

— Наклонись. Руки.

Снова шорох. Телефон вздрагивал от приходящих сообщений, но мой взгляд скользил по ним, не различая.

— Осторожнее! Я тебе не...

— Ты сама этого хотела.

— Но не так же! Осторожнее, я сказала! Ай!

Рука уже легла на дверную ручку, но меня обожгла новая мысль. Если я прерву их, Фрося ни за что уже не согласится помочь Ване.

Вот блин.

— Я тебя ненавижу! — донеслось из глубины квартиры.

И все стихло. Господи, надеюсь, он не сделал ей больно...

“Конечно, сделал, — парировал внутренний голос с едкой интонацией Лестера — а ты стоишь и ждешь, когда он закончит”.

Но Ваню иначе не спасти.

Чувствуя себя пособницей преступления, я прижала телефон к груди и сбежала по лестнице. На улице воздух был тяжелый и вязкий. Я несколько раз попыталась вздохнуть, прежде чем он попал в легкие. Проверив на плече сумку, я проскользнула в ближайшую арку, достала телефон и заново пролиставла сообщения.

«Жду тебя у арки», — гласило первое.

Клянусь, что бы сегодня ни случилось, я это заслужила.

Вера, 9 лет.

До того, как в моей жизни появился Лестер с его вечным «не оживляй неживое», я жила с наказом «не лезть, куда не следует». Причем лезть запрещалось в прямом смысле: мне нельзя было соваться в заброшенные здания.

Запрет исходил от папы. Когда-то его родной брат поднялся на крышу старой психбольницы, да там и остался: свалился в шахту лифта, сломал ногу и умер, не дождавшись помощи. Периодически папа в красках описывал мне его мучения, а еще — что будет, если я снова полезу в какие-нибудь дебри. Я соглашалась, что заброшки — дело опасное, и на некоторое время прекращала их искать.

Но только на время.

Мне нравился мрак, выглядывающий из трещин полуразрушенных стен, их гулкая, обволакивающая тишина. Иногда я вставала посреди пустого здания и слушала, как то, чему нет имени, чернильным маревом заползает в душу — и застывает в ней причудливыми формами, как эпоксидная смола.

Когда мне было девять лет, случилось то, чего боялся папа: одна из ветхих ступеней лестницы, по которой я карабкалась, надломилась, и я кубарем покатила вниз. Сначала я испуганно подумала: “только бы никто не узнал”. Потом почувствовала резкую боль в районе щиколотки. Встать удалось только с третьей попытки. Ступня онемела. Я сжала зубы и поковыляла на дачу. Дело было в старой хозяйственной постройке на окраине деревни, так что идти мне было прилично.

На даче я засела под яблоней с ненавистным Жюлем Верном, которого, по мнению мамы, должен был прочесть каждый нормальный ребенок, и старалась не двигаться. Я была уверена, что нога сломана. Лодыжка постепенно опухала. Слезы текли по щекам, но я быстро смахивала их, чтобы никто не видел. Боль с каждой минутой ползла выше к колену, от ужаса кружилась голова. Когда позвали на ужин, я, сцепив зубы и молясь про себя всем богам — материться я тогда еще не умела, — поднялась и потопала в домик.

Ночью я не спала. Ногу поминутно дергало. Мне казалось, что у меня поднялась температура, что я умру от жажды или от заражения крови. И тут меня осенило. Папин брат тоже забрался куда-то, свалился и сломал ногу. Все сходилось. Наверняка существует какое-то проклятье повторения судьбы, и жить мне осталось всего ничего.

Мама с папой спали на соседней кровати. Я старалась плакать беззвучно, чтобы они не проснулись. Мне было ужасно себя жаль. Ногу дергало все сильнее, тело бил нешуточный озноб. Я чувствовала себя самым одиноким человеком в мире и знала, что так

и умру — без родственной души, совсем одна, со своими никому не нужными фантазиями, с историями, которые ежедневно возникали в голове.

“Ну пожалуйста, — беззвучно произнесла я, глядя в темный потолок. Я сама не знала, о чем прошу и у кого, но точно знала, что готова отдать за это все на свете; все, на что была способна моя душа. — Пожалуйста”.

На следующий день меня отвезли в больницу.

Глава 19

Тёма написал, что ждет у арки, но я не сразу его увидела. Хотя я бы сейчас и здоровый указатель с надписью «Разберись со своей жизнью» пропустила. Предгрозовое небо висело так низко, что казалось, надвигаются сумерки, хотя на часах не было даже трех. Я шагала, не замечая ни поворотов, ни деревьев — как я только в них не врезалась по дороге, — а в ушах все звучал отчаянный крик Фроси.

— Вера! — окликнул кто-то со спины.

Тёма поравнялся со мной, на ходу затапывая бычок истлевшей сигареты. Я покачала головой, не забывая шагать вперед.

— Как все прошло?

Сметана жива, Ваня вот-вот проснется, а я только что стала свидетелем изнасилования. Я привычным жестом потеряла оловянное кольцо на безымянном пальце. Лучше просто не бывает.

— Прости. Я забыл, что ты без голоса.

Не останавливаясь, я показала ему большой палец.

— За нами кто-то следит? — настороженно уточнил Тёма.

По-моему, он это уже спрашивал. Я неопределенно кивнула. Антон явно не просто так торопился.

Вывески метро нигде не было видно, зато детских площадок перед нами оказалось целых три. На каждой паслось по парочке галдящих детишек. Некоторые размахивали тяжеленными по виду разноцветными ранцами, кто-то раскачивался на хлипких веревочных качелях. Нет, туда нам точно не надо.

Я повернула на ближайшую улицу.

— Мы куда-то спешим? — Тёма начал оглядываться.

Я заметила, что на руках у него поблескивало то же свечение, каким бросил в меня Лёша, и помотала головой, на ходу печатая в телефоне:

“Давай, пожалуйста, уйдем куда-нибудь. Я все потом расскажу”.

Чтобы не трагить время, я отправила ему смс-ку. Тёма пробежал ее глазами и подтянул на плече рюкзак.

— Конечно. Хочешь, возьмем такси? Куда тебе надо?

Я остановилась. В метро я все равно спуститься не могу... Неплохая мысль. Я благодарно кивнула.

Тёма расплылся в улыбке и легко коснулся моей спины.

— Сейчас закажу. Куда едем?..

В этом “Едем” было что-то такое интимное и доверительное, будто он больше не мыслил нас по отдельности.

«Архиповское кладбище», — напечатала я, и, читая неотправленную смс-ку, Тёма так низко склонился к моему плечу, что его дыхание — смесь табака и арбузной жвачки — защекотало шею.

— Хорошо, — проговорил он негромко.

Через несколько минут мы уже сидели на заднем сидении мерседеса. В салоне пахло кожей и мятым освежителем воздуха, но запах сигарет перебивал все. Что он курит? Раньше запах не был таким резким.

Водитель на переднем сидении за всю поездку не сказал ничего, кроме “здравствуйте”. У меня не было голоса, Тёма был не из болтливых, так что ехали мы в абсолютной тишине. Телефон и сумка лежали у меня на коленях, а я с какой-то тихой радостью наблюдала за проносящимися за окном домами. Наконец все идет так, как хочу я, а не мироздание или Антон.

Я без особой надежды снова позвала Лестера, но он не ответил.

Телефон тихонько пиликнул.

“О чем ты думаешь?”

Смс-ка была от Тёмы. Я удивленно повернулась. Он смотрел на меня, и во взгляде его читался такой же задор, как когда он признался, что нарочно уронил Юлю.

“Ты можешь забрать силу Зимы?” — набрала я и почувствовала, как потеют ладони.

Пожалуйста. И я буду скрывать тебя от Антона до скончания веков.

Левая бровь со шрамом от пирсинга удивленно поднялась.

— Ты не хочешь быть Зимней Девой?

Я замотала головой.

“Что мне сделать? Как это работает?”

— Ты не хочешь быть Зимней Девой, — ошарашенно повторил Тёма.

Мне хотелось заорать. Да, да, я не хочу быть Зимней Девой! Не хочу быть чудовищем.

— Почему? Это же сила.

Я крепче сжала телефон.

“Мне она не нужна. Забери ее”.

Где-то на задворках сознания возникла мысль, что с силой Летней и Зимней Девы, с моей силой воображения Тёма станет непобедимым, как какой-нибудь древний Бог.

Но это уже будут не мои проблемы, правда?

— Ну... — неуверенно начал он, прочитав смс-ку. — Ты должна как-то проявиться. С Юлей это вышло, когда она наказала меня. Тебе нужно сделать что-то подобное.

Что-то подобное. Тёма избегал смотреть мне в глаза, но я поняла, что он имел в виду. Самое невинное, что я могла с ним сделать, это добавить к его старому шраму-линии еще один. Все лучше, конечно, чем то, что я сделала с Ваней и с Лешей... Но все равно ему будет больно.

— Не переживай, Вера, — Тёма взял мою руку в свою и начал неспешно чертить на тыльной стороне ладони круги, периодически задевая кольцо. Подушечки пальцев у него были мягкие, а сами пальцы неожиданно жесткие и сильные. — Это не очень больно. Тебе нужно будет только вовремя перестать.

Вовремя перестать. Хорошо ему говорить. Я прикрыла глаза, обращая мысленный взор внутрь себя. Замершие в снегу безмолвные деревья, ледяное озеро с мертвыми людьми, покой, абсолютная и безграничная сила — и где-то там, между этими исполинами затаилась моя покореженная, поблекшая, одинокая душа. Что от нее останется, когда он заберет мою силу? Что я буду делать?

Ты же сама этого хотела.

Я вздохнула и потянулась к той части себя, что сплошь была мощь и стужа, ледяная

стена белой вьюги. Мне нужно было зачерпнуть совсем немного, чтобы влить в плоть под пальцами. В отличие от Лёши, у Тёмы не осталось следа Летней Девы, но пульс его так же ускорился, когда я, вызвав холод, пустила его по сухожилиям к самой кости.

Тёма резко выдохнул.

— Еще немного, — прошептал он и крепко обхватил меня свободной рукой за плечо.

На мгновение я почувствовала до боли знакомый запах.

Нет. Не сейчас. Еще рано.

Тёма застонал сквозь зубы, и я его отпустила. Водитель подозрительно покосился на нас в зеркало заднего вида. Я показала ему большой палец. Хотела дотронуться до Тёмы — он почти лежал, откинув голову на сиденье и не открывая глаз, — но не решилась. На его запястье расплывался продольный белый шрам. Больно, наверное, жутко.

“Прости”, — беззвучно произнесла я.

Тёма посмотрел на меня из-под опущенных ресниц и слабо улыбнулся.

— Вроде получилось, — хриплым голосом сообщил он. И тут же зажмурился. — Как же... Блин.

Повинуясь внезапному порыву, я успокаивающе накрыла его вздымающуюся грудную клетку ладонью. Не знаю, что я хотела сделать. Пожалеть, наверное.

Тёма глянул на меня со странным выражением лица.

— Ты удивительная, Вера, — тихо произнес он. — Я все время думаю, как повезло тому, за кем ты последовала в вечность... Не могу выкинуть эту историю из головы. С того момента, как услышал.

Значит, он до сих пор думает, что я последовала за Эдгаром, а не забрала с собой? Я положила руки на колени. Забавно.

За окном больше не было ни высоток, ни пятиэтажек. Мы ехали по пустырю. Судя по первым цветочным у дороги, до кладбища было недалеко.

Когда цветочные замелькали на каждом шагу, стало видно резные ворота.

“Лестер”, — в последний раз позвала я.

Ответа не было. Я откинулась на сидение. Ощущение близкого конца давило на плечи. Чем бы ни закончился сегодняшний день, он все расставит по своим местам. Как раньше уже не будет.

Маме я отправила сообщение, чтобы к ужину не ждала. Оставался Антон, но что написать ему, я не знала. “Прости, что собираюсь исковеркать твою жизнь”?

— Приехали, — сообщил водитель, притормаживая у ворот.

На козырьке красовалась надпись «Архиповское кладбище», по обе стороны от нее рассыпались резные голуби, которые якобы улетали ввысь.

Я принялась печатать.

“Сейчас я пойду одна. Если хочешь, подожди меня тут”.

— Я дождусь тебя, — пообещал Тёма, растянувшись на кожаном сидении и все еще еще приходя в себя.

Сердце забило чаще. Кивнув Тёме на прощанье, я выбралась из машины.

Архиповское кладбище было одним из немногих в окрестностях, где еще хоронили. Земля тут была дешевая, почва проседала под ногами, кресты и гранитные памятники по обе стороны от главной дороги смотрелись одиноко. Оградки с облезшей краской наезжали друг на друга, единственным украшением служили куцые веточки и сорняки.

Последняя цветочная лавка стояла так близко к входу, что о вазы с цветами можно было споткнуться. Может, и мне нужен букет? Я пригляделась к поникшим бутонам. Косте они вряд ли бы понравились.

После первых ста метров я поняла, что понятия не имею, в какую сторону идти. Как выглядит его могила? Где она? Интуиция не подсказывала ничего, кроме того, что скоро мой телефон раскалится от звонков — как только Антон обнаружит, что я не там, где должна его ждать.

Бросив мрачный взгляд в свинцово-серое небо, я зашагала по главной дорожке, скользя взглядом по датам смерти на надгробиях. Тысяча девятьсот девяносто... Тысяча девятьсот восемьдесят... Слишком давние. Я свернула в какой-то закуток с голубыми оградками и уперлась в скопление крестов. Видимо, здесь хоронили тех, за кем никто не приехал. Нет, так мне Костю точно не найти.

Я вернулась на главную дорогу. Навстречу брели старички в одинаковых легких куртках. Старушка держала старика под руку, тот опирался на палочку.

— Ей там хорошо, вон и Алексеич сказал, что хорошо, — донеслось до меня, когда мы поравнялись. — А он худого не скажет, сам знаешь...

Дед махнул рукой — дескать, что уж теперь. Старушка с любопытством на меня покосилась.

— Молодая такая...

— И правильно, — прогнусавил дед. — Нам, что ли, к молодым ходить? Пусть бы лучше они к нам...

Я вздохнула, сосредоточившись на именах. Дойдя до конца главной аллеи, решила обойти кладбище по периметру. Время шло, выгравированные буквы уже плыли у меня перед глазами, смешиваясь в единую черно-серебристую несурязицу. Я начала наступать на могилы. Голова разболелась ужасно — то ли от всех потрясений, то ли от душного вязкого воздуха, который только что не душил меня. Как можно быть такой идиоткой, чтобы узнать только название кладбища, где похоронен человек?

Я тяжело опустилась на камень, который когда-то служил надгробной плитой. Прости меня, неизвестный покойник. Прости, Костя. Кажется, я снова все делаю неправильно.

— Ты чего это тут примостилась? — раздался надо мной строгий голос.

Уперев руки в бока, передо мной застыл мужчина лет пятидесяти в кепке и черном спортивном костюме. Под фуфайкой у него торчал ворот рубашки, на ней висел массивный золотой крест с драгоценными камнями. Интересно, священники носят спортивные костюмы?

— Не сиди на памятнике, — назидательно сказал он. — Там человек лежит.

Я послушно поднялась. Мужчина недоверчиво оглядел меня, задержавшись на лице. Может, по его мнению я тоже была слишком молода для этого места.

— Ищешь кого?

Я кивнула. Телефон в кармане запищал, и я наспех выключила его, успев заметить, что звонил Антон. Мужчина укоризненно покачал головой.

— Ну? — он заложил руки за спину и стал похож на строгого учителя. Спортивный костюм на нем смотрелся до комичного неуместно. — И кого?

Секунду я соображала, как ответить без голоса. Потом вспомнила про блокнот. Под удивленным взглядом мужчины нацарапала на чистой странице “Константин Семенов”. Мужчина близоруко сощурился.

— Не припомню такого. Он когда преставился?

Я написала год.

— Так... Это тебе нужен новый сектор, — мужчина важно указал в противоположный конец кладбища. — Только я бы лучше в другой день пришел, тут сейчас ливанет, как...

Не дослушав его, я показала большой палец и поспешила в указанном направлении. Вскоре деревья, высаженные по сторонам от широких дорожек, расступились — мне открылся пустырь, расчерченный на манер шахматной доски. Судя по увядшим, но еще живым цветам, могилы здесь были свежие.

По плечам у меня рассыпались мурашки. Вот оно.

Я зашагала по краю участка, внимательно читая имена на надгробиях. Александр, Татьяна, Иммануил, Катерина... Снова завибрировал телефон. Он же знает, что у меня нет голоса. Станислав, Андрей, Федор. В первом ряду Константина не оказалось, и я свернула туда, где не было дорожек. Воздух набух влагой, рубашка прилипла к спине.

Оксана, Петр, Прокофий. Кого сейчас называют Прокофий? Я заставила себя опустить руки, которые все это время прижимала к груди. Костя бы наверняка посмеялся, увидев, как я волнуюсь.

Аглая, Александр, Василий, Наталья, Николай. Снова звонок. Я остановилась, немного не дойдя до дальней стены кладбища. Глаза видели буквы, я повторяла их про себя, даже губы шевелились, но сознание отказывалось поверить. Надпись на камне гласила «Семенов Константин Игоревич», внизу стояли даты — «6.02.1991-14.08.2014». Ни фото, ни посмертного послания. Участок был пустой — просто черная земля с травой и сорняками, огороженная ярко-голубой оградкой.

Несколько мгновений я ничего не видела. Пришлось протереть глаза кулаками, возвращая себя в реальность. Вот он, передо мной, Семенов Константин Игоревич. Такой же одинокий, как при жизни.

Картинки трехлетней давности вспыхнули в памяти, как кадры фильма. Вот Костя пытается прорваться с хлипкую дверь, а Эдгар отталкивает меня с порога; вот они, сцепившись, вместе катятся с хрупкой лестницы. Вот Эдгар, проигнорировав мольбу отпустить Костю, выхватывает из-за пояса нож и быстрым косым ударом вонзает ему в горло.

Отворив калитку, я осторожно пробралась внутрь. И тут же, быстро оглянувшись, рухнула коленями на примятую землю. Свернулась на могиле, обнимая себя руками. Под щекой пахло черноземом.

— Эй, девушка, — произнес кто-то надо мной. — Дождь вот-вот пойдет.

Я зажмурилась. Только священника здесь не хватало.

— Слышишь меня?

Да что ж такое.

— Вставай, кому говорят. Раньше надо было расстраиваться.

Где-то опять завибрировал телефон. Мужчина перегнулся через оградку и поднял мобильник с земли — видимо, выпал во время моего представления.

— Ало? — деловито сказал он в трубку. — Вы орете мне в ухо! Нет, не Вера, молодой человек. Она, я так понимаю, рядом. Жива с божьей помощью. Слушайте, если вы так о ней печетесь, зачем пустили на кладбище одну, да еще в такую погоду?

Антон что-то прорычал в ответ. Но священник, казалось, ничуть не смутился.

— Ну и заберите ее отсюда. Пока она тут тоннель не вырыла... Грех какой. А? Да

перестаньте орать!

Голос Антона стал тише.

— Мы на Архиповском. Чем-чем? Кладбище! Да. Ждем.

Я полежала щекой на нагретой дыханием земле еще секунд тридцать и села. Кажется, в моей сумочке не было салфеток, так что я вытерла лицо рукавом.

— Вот, — мужчина неуклюже перегнулся через оградку и протянул мне носовой платок. — Раз уж сидишь. Протри там.

“Что?”

Он ткнул пальцем мне за спину.

— Памятник, говорю, протри, раз забралась. Давно никто не приходил. Почистить надо. Уважение к покойнику какое-никакое...

Я обернулась к надгробию. Вид букв снова резанул. Я даже смогла заплакать.

— Да не реветь, а памятник вытереть! — велел священник.

Я придвинулась к камню почти вплотную. По верхней кромке тянулись разводы от дождя и снега, в двух местах белели следы от помета птиц. Костя однозначно заслуживал лучшего.

— Эй, Лексеич! А я обыскался уже! Там пришли по поводу отпевания!

Из-за поворота показался круглый человечек в синем костюме рабочего. Лицо его закрывала кепка.

Ну слава Богу.

— Протри памятник, — строго повторил Лексеич, отлипая от оградки. — И через двадцать минут чтоб у ворот. Не потеряешься? И не реви, поняла? — он обернулся к рабочему. — Что там?

Тихо переговариваясь, мужчины зашагали прочь, на ходу разгребая ногами прошлогодние листья. В этот момент поднялся ветер, небо как будто пригнулось еще ниже. Душный воздух ударил в лицо, и я снова повернулась к памятнику.

Семенов Константин Игоревич. Буквы белые на сером, строгий шрифт без излишеств. Лицо Кости стерлось из памяти, но я помнила его руки со следами чернил, волосы, зачесанные набок, искристые чуть прищуренные глаза. Кусочки калейдоскопа, которые мне никогда уже не собрать воедино.

Зажав в кулаке платок Лексеича, я скорчилась на земле. Вместо сердца внутри стучал сжавшийся комок ледяного страха. Каждый раз, когда он ударялся о ребра, боль прошивала тело от пяток до макушки.

На тыльную сторону ладони упала первая капля. Потом еще и еще одна, и вот уже дождь зарядил в полную силу, омывая мне плечи и спину. Воздух напитывался запахом мокрой земли. Обхватив себя руками, я падала в ощущение невесомости. Одежда на мне давно промокла, а дождь все лил.

— Бедная Вера, — произнес кто-то над ухом. — Не плачь. Ты не одна.

Я обернулась — за спиной, примостившись на корточках, сидел Тема. Рубашка облепила его торс, по лицу текли дождевые капли, а сам он смотрел на меня с искренним сочувствием в зеленоватых глазах, которые от серости вокруг будто стали ярче.

Тёма опустил на мокрую землю. Места внутри оградки было мало, двоим не развернуться. Он примостился сзади и обнял меня — так же, как когда-то обнимал Эдгар: собственническим жестом накрыв плечо и прижавшись грудью к спине, так что я слышала его сердцебиение.

— Ты не одна, — повторил он.

Слезы кончились так же резко, как полились. Я медленно повернула лицо к Тёме. Несколько колец в ухе. Еле заметные следы от подростковых прыщей. Аккуратные полные губы, наверняка мягкие и нежные. Эдгар впивался в меня, как зверь, губы вечно немели после его поцелуев, а на плечах после его хватки оставались синяки.

Но это был он.

— Я скучал, Вера, — тихо произнес Тёма чужим голосом, и меня прошиб пот.

Наконец-то.

— Руки убрал, — раздалось сверху.

У калитки стоял Антон. Дождь заливал ему глаза и брови, но не мешал целиться из пистолета в человека за моей спиной.

Он мне все испортит!

— Ты все-таки пришел, — одобрительно произнес Тёма, и тягучий мед вернулся в его голос. — Так даже лучше.

Он обхватил меня на талию, и в то же мгновение мир выключился.

Глава 20

Антон

Я открыл глаза. Тело затекло, запястья были стянуты за спиной. Ноги перемотаны скотчем на коленях и лодыжках. Какого хрена?..

Я напряг мышцы. Видимо, на руках тоже был скотч — они вообще не двигались. Попробовал осмотреться. Комната небольшая, метров восемь. Не видно ни окон, ни дверей, но откуда-то сверху просачивался ровный дневной свет. Пол подо мной был ледяной — похоже на бетон. Из углов тянуло сыростью. Что это вообще? Подвал? Тогда откуда свет?

Последнее, что помню — Вера, лежащая на могиле, и Тёма, обнимающий ее со спины.

— Очнулся, — пробормотал трескучий голос в метре от меня.

Я осторожно повернул голову. Рядом в такой же позе — руки за спиной, лодыжки связаны спереди — сидел Лестер. Выглядел он хуже, чем в первое наше знакомство — слепые глаза выцвели до белизны, три волосины, оставшиеся от роскошной шевелюры, упали на лицо, плечевые суставы под тканью льняной рубашки вывернуты так, как у здорового человека никогда не получится.

У меня самого мышцы уже начинало тянуть от неменяющейся позы.

— Где Вера? — спросил я.

— Тут где-то, — раздраженно отозвался Лестер. — Я слышал, как он с ней говорил.

— Кто?

Он нетерпеливо вздохнул.

— Мадонна, ты совсем тупой, что ли?

За моей спиной послышались шаги. Вкрадчивый до тошноты голос произнес:

— А вот и ты.

Тёма обошел меня и опустился на корточки. Черная рубашка на нем даже не помялась, волосы были сухие, в нездорово блестящих глазах отражалось радостное предвкушение, как у маленького ребенка перед новой игрушкой.

— Сученьш! — я дернул руками, хотя прекрасно знал, что скотч ничем не расцепишь. Быстро скосил глаза на кобуру — пусто.

— Увязался за нами, представляешь, — Тема посмотрел куда-то поверх меня. — Но так даже лучше.

Новые шаги, на этот раз мягкие и упругие, как у кошки. В поле моего зрения шагнула Вера. Хотя она выглядела реальной: волосы влажные после дождя, на рубашке пятна земли. Глаза у нее были спокойные, движения — плавные, как на отдыхе. Что он ей дал?

Я попытался поймать ее взгляд, но Вера смотрела только на Тёму — да так, как я давно не видел, чтобы кто-то смотрел.

— Я убью тебя, — пообещал я.

— Попробуй.

Что-то мелькнуло в его лице — это выражение я помнил у некоторых сослуживцев, когда те готовились к бою. Жажда крови. И страдания.

— Да что вы за люди такие, — жалобно затынул Лестер. — Я еще понимаю, охранника связать, но я-то тебе зачем? У меня руки затекли! Вера, скажи ему!

Вера легонько тронула Тёму за плечо и показала раскрытый блокнот. Плохо дело, раз она пишет, а не раскрашивает стены своими фантазиями.

Тёма едва взглянул на написанное.

— Зачем они здесь? Ты же видела, Тоха сам увязался. А Лестер... Теперь он, пожалуй, не понадобится. Я отпущу его. Позже. Присядь, — он галантно взмахнул рукой, и у противоположной стены возник синий кожаный диван — один в один как из Юлиной студии.

Лестер у меня под боком беспокойно заерзал.

— Что он сделал?

— Создал диван, — тихо ответил я.

Вера стянула с ног кроссовки и, как ни в чем не бывало, забралась на него.

— Это моя сила! — возмущенно выдохнул Лестер. — Он забрал ее! Маленький воришка!

Не ровен час, этот недоносок еще и силу Зимней Девы присвоит.

— Зачем ты убил Хельгу? — спросил я.

Пусть лучше говорит со мной, чем с Верой. Но где там — Тёма демонстративно повернулся к ней.

— Ты не против, если я закурю?

Вера мотнула головой, и он вытащил из кармана пачку сигарет. Огонь на кончике сигареты возник из воздуха — зажигалка не понадобилась.

— Давно пора было прекращать эту галиматью с Девами, — затянувшись, заговорил Тёма. — Какое-то прямо проклятье — постоянно на них наткаться. В детстве я отказался пойти со старушкой, и та заморозила моего пса. Тренер с соревнований оказалась ожившей Страстью...

В ушах зашумело. Хельга его знала — вот почему открыла без вопросов. Но как он с ней справился? Быть такого не может, чтобы Тёма был сильнее ее. Если его мать — Осенняя Дева, то кто отец — Бог Ра?

— ...вырос и решил вернуть долг, — продолжал Тёма. — И заодно проверить, что будет, если убить одну из вас и не позволить передать силу. Но Хельга улизнула. Она, наверное, умерла у тебя дома?

Вера кивнула. Точно он чем-то ее накачал.

Тёма склонился к ней и с нежностью провел пальцем по запястью.

— Это все неважно, — ласково сказал он, и на секунду я подумал, что они сейчас поцелуются. — Ты теперь со мной. Скажи, у тебя еще осталось немного силы?

Вера, на секунду прислушавшись к чему-то в себе, снова кивнула.

— Я знаю, как их истратить. Если только ты не хочешь снова делать мне больно.

Она виновато коснулась его руки — хвост дракона пересекал свежий шрам, который я сразу узнал. Откуда?..

Тут картинка постепенно сложилась. Пока я пытался защитить ее, она сама пришла к нему и отдала свою силу. Добровольно.

Тёма выпустил колечко дыма и указал головой в мою сторону.

— Разморозь его сердце.

Пульс у меня зачастил, как у пойманного кролика. Вера подняла на меня пустые глаза. Высохшие слезы оставили едва заметные дорожки на впалых щеках.

Я облизал губы.

— Не делай этого.

Мгновение она медлила. Потом поднялась и как была, босиком, бесшумно двинулась ко мне. Сердце колотилось уже в горле.

Не надо.

Между лопатками легла маленькая ладонь. Гребаные погодные тетки. Зачем Хельга оставила меня с девчонкой, которая в конце концов лишит меня самого важного?

Прохлада пропитывала футболку, как если бы кто-то прижал к спине кубик льда. Как назло, в голову лезло все, что я пытался выдрать из памяти. Мама обнимает меня слабыми руками и просит присмотреть за Ванькой. Товарищ с простреленным бедром умоляет передать весточку сестре. Катя сидит у окна и мечтательно говорит, что мечтает о малыше. Потом — ее серое лицо в гробу и заключение патологоанатома “срок беременности три недели”.

Сначала я ничего не чувствовал. Потом щелк, и внутри как кран приоткрыли. Боль хлынула в сознание. Дыхание перехватило, в мыслях билось одно — *я всех их подвел*. Ванька почти умер. Товарищ истек кровью у меня на руках. Катя...

Тёма легонько хлопнул в ладоши.

— Совсем другое дело! Посмотри на его лицо. А? То, что надо. А теперь позволю пригласить тебя... занять место в первом ряду.

Вера вернулась на диван, снова забралась на него с ногами и замерла в ожидании. Лестер рядом со мной что-то бормотал про Мадонну.

— Юля отвернулась от меня, когда узнала правду, — начал Тёма. Я слушал вполуха, уверенный, что сердце у меня вот-вот остановится. Пульс улетел в стратосферу. Слова звучали в воздухе, но смысл их от меня ускользал. — Я ожидал этого, но все равно решил проверить... Она понятия не имеет, что такое настоящая любовь. Ты — совсем другое дело. Ты пошла за своим парнем. Доказала, что способна... Я тебе верю. Правда. Но хочу, чтобы ты кое-что увидела.

Сквозь шум в ушах я различил размеренные шаги. На плечо опустилась жесткая ладонь. Сердце как будто прокручивали через мясорубку. Сученьш. Пусть уже кончает. Долго я все равно не протяну.

— Можешь смотреть на свою дорогую Веру, пока я тобой занимаюсь, — шепнул голос над ухом. — Забавно было наблюдать, как стальной телохранитель Хельги сохнет по новой девочке. Ну-ну, не дергайся... Пусть тебя утешает, что твоя тушка послужит чьему-то счастью.

Рука с тлеющей сигаретой зажала шею, в левое ухо что-то воткнулось. В мозгу

вспыхнула горячая боль, будто кто-то просунул раскаленную проволоку прямо в мозг.

— Сука! — вскрикнул я.

Тут же все звуки с той стороны прекратились. По шее побежали горячие струи. Запахло кровью.

Тема склонился к здоровому уху.

— Я же сказал, не дергайся. Ты же не хочешь совсем оглохнуть. Левым все равно слышать уже не будешь...

Привычка взяла свое. Я дождался, пока его дыхание шевельнет волосы на затылке, и с размаху дернул головой назад.

— Нет! — испуганно крикнул кто-то. Вера держалась за горло и смотрела на меня округлившимися глазами.

— Одумалась, — с облегчением выдохнул Лестер.

Я и сам неожиданно для себя испытал облегчение.

Но тут же крепкие пальцы с запахом табака предостерегающе легли мне на горло. Вера медленно пошла к нам, не отрывая от меня гневного взгляда.

— Ты, — хрипло припечатала она и ткнула в меня пальцем. — Не смей поднимать руку на Тёму.

Чего?

Лестер тихонько вздохнул.

— Откуда у тебя голос? — настороженно спросил Тёма.

— Не знаю, — Вера дотронулась до горла. Голос ее все еще звучал сипло, как после долгой простуды. — Но это не волшебство. Он мой.

Боль заслонила все вокруг. Левая сторона лица пылала. В груди разливалась лава.

— Антон намного опаснее, чем ты думаешь, — продолжала Вера. — Я не хочу, чтобы он тебя ранил. Или убил.

Тёма издал короткий смешок.

— Это он опасен? — он ткнул мне горячей сигаретой куда-то в плечо, и там тут же зажглась боль. Потом рядом, еще и еще. — Вот эта живая пепельница?

Сука.

Я натянул скотч так, что тот прорезал кожу. Если это все спектакль для Веры... Я наконец перехватил ее взгляд. И вдруг отчетливо понял: она все это время была с ним заодно.

Перед глазами поплыли красные круги. После очередного тычка сигаретой что-то в голове заклинило, и я вырубился.

Вера

Что с Тёмой что-то не так, я поняла, когда он, крутанувшись на каблуках, отправился к тому мальчику с собакой. Легкость, с которой он причинял боль, так сильно отдавала тем, что я уже однажды видела, что сомнений у меня не осталось — Тёма не то, чем кажется.

Это было даже забавно: в момент, когда я решила раз и навсегда покончить с волшебством, историей Великих Дев и всей этой чушью — пусть даже ценой собственной жизни, — объявился Тёма. Настоящий Тёма. Я знала, чего он хотел; я догадывалась, что его сила и вполонину не такая, как он показывает. Чего я тогда не знала, так это что внутри Тёмы скрывался Эдгар.

Я до сих пор понятия не имею, как это возможно. Я ведь уничтожила его прежде, чем

вернуться в реальность — или, выходит, только думала, что уничтожила. Но голос, которым Тёма иногда говорил со мной, табак, которым пропахла его одежда, взгляд, который он то и дело бросал на меня — все это принадлежало Эдгару. И будь Тёма хоть дьяволом по плоти, Эдгар был во много раз страшнее.

Эдгар меня любил.

Когда Леша сказал, что Тёма балуется ножами и дважды наведывался к Хельге, прежде чем убить, я впервые подумала, что тут есть что-то еще. Будь Тёма хоть трижды волшебным, человек, который так долго ждал, чтобы отомстить за пса, не стал бы в приступе ярости выкалывать старухе глаза. Если только кто-то не помог ему — кто-то достаточно умелый и жестокий, кто отлично умеет обращаться с холодным оружием и быстро выходит из себя. Кто-то, кто появился три года назад и окреп, когда я вернулась в реальность.

Последние полтора дня я тщательно заманивала Эдгара в ловушку. Истерика на кладбище должна была стать последней каплей. Ведь бедной одинокой девочке так нужен защитник... Из опыта я знала, на какие кнопки давить, сколько лить слез и как долго убиваться, чтобы он не выдержал. Но что-то пошло не так. Эдгар так и не отделился от Тёмы. Зато я провела на кладбище достаточно времени, чтобы Антон меня нашел — и теперь ломала голову, как сделать так, чтобы он вышел отсюда живым.

Пока все повторялось, как в плохом фильме. Костя пытался бороться с Эдгаром, и тот его убил. Я не сомневалась, что Тёма-Эдгар поступит так же, если Антон начнет сопротивляться...

В какой-то момент я подумала, Тёма мне не поверит. Я и сама себе с трудом верила. А вот Антон поверил сразу — я это видела по его глазам. Пришлось даже разморозить его для правдоподобности — второго шанса заслужить доверие Тёмы — или уже можно говорить Эдгара? — у меня не будет. Надеюсь, Антон найдет способ жить с этим.

Потому что я ему, боюсь, помочь уже не смогу.

Когда Тёма отпустил Антона, тот обмяк и повалился набок. Тёма переступил через его тело и хлопнул в ладоши. Ничего не произошло. Он хлопнул еще раз. Я вспомнила, как это делал Лестер.

— Тебе надо подумать, где ты хочешь оказаться, — подсказала я. Голос по-прежнему звучал хрипло. — Представь как можно подробнее.

— Спасибо.

Тёма закрыл глаза. Реальность как будто слизала его, оставив пустую тускло-серую стену.

Досчитав про себя до трех, я кинулась к Антону. Я видела, как Тёма забрал его пистолет и растворил в воздухе. Но, может, где-то припрятан нож? Или ножницы. Мало ли, что он носит в карманах.

Антон лежал без сознания, неуклюже свернувшись в позе эмбриона, только руки были сцеплены сзади, а не спереди. Я осторожно перевернула его на спину. Из уха текла кровь, на шее алели ожоги. Чем Тёма его ранил? У Эдгара в карманах не переводился всякий металлолом...

— Катя, — еле слышно прошептал Антон.

Я наклонилась почти к самому его лицу.

— Что?

— Катя, — повторил он, но не очнулся.

Я хотела погладить его по небритой щеке, но не решилась. Он, наверное, меня теперь ненавидит.

— А можно оставить нежности до момента, когда мы отсюда выберемся? — язвительно поинтересовался Лестер.

Он был прав: Тёма мог вернуться в любую минуту. Последнее, чего я хотела, это чтобы он застал меня, склонившейся над Антоном. Я проверила его карманы, но нашла только мятную жвачку. Не было ничего, что могло бы разрезать скотч.

Ладно.

Я переключилась на Лестера.

— Когда ты собирался мне сказать?

— Что сказать, интересно?

— Что Эдгар выжил!

— А почему ты не сказала, что собираешься отдать наше волшебство? Мало тебе одного монстра, который на все способен? Ты решила к дьяволу вообще угробить этот мир?

— Ничего с твоим миром не случится.

— Если ты не заметила, это и твой мир тоже. И вообще — он меня похитил! — не унимался Лестер. — Меня!

Наш диалог начинал напоминать диалог слепого с глухим. Я отступила и стала мерить шагами плохо освещенную комнату. Мне нужен был новый план. Старый заканчивался тогда, когда Тёма впитывал волшебство и проваливал, а вместо него появлялся Эдгар. Но в старом плане не было Антона.

— Добровольно я отдала свое, а не твое. Тёма может впитать силу только через прикосновение. Если он тебя не трогал, все у тебя на месте, — я шарила по стене раскрытыми ладонями. Ближе к углу она становилась более шероховатой, но это и все. Ни трещины, ни сквозняка. Но где-то же должна быть брешь. Не мог Тёма так быстро овладеть искусством, которому я училась годами. — Он же тебя не трогал?

Ответом мне было молчание.

— Лестер? — я обернулась. Он смотрел мимо меня и кривил губы, будто съел что-то кислое. — Что такое?

Если бы я его не знала, подумала бы, что он сейчас заплачет.

— Что случилось? — я подошла к нему и присела на корточки. — Тебя ранили?

Ноль внимания.

— Да говори уже, Тёма сейчас вернется!

— Все это время сквозь тебя текло мое волшебство, Вера, — медленно выдал Лестер, словно каждое слово причиняло ему боль. — Ты отдала мое.

Что? Но я же... Это мое воображение. Я сама платила за него. Своей душой.

— Я же... Я сама платила, — пролепетала я и сама почувствовала, как беспомощно это прозвучало.

— Просто верни мне мое, — глухо произнес Лестер, остановив невидящий взгляд у меня на лбу. — Заруби себе на носу, я не намерен больше ничем жертвовать. Я вложил в тебя больше волшебства, чем Бог при сотворении человека, и не собираюсь все потерять, только потому что ты решила взбрыкнуть.

Чувство было такое, будто кто-то стукнул меня в грудь. Воздух на мгновение сгустился, перед глазами возник черный экран.

— Что ты сказал?

Лестер поджал свои тонкие губы.

— Что слышала.

— Ты меня... создал?

Желудок завязался узлом. Нельзя об этом сейчас думать. Мне нужен новый план и холодная голова. А Лестер наверняка врет. Он же все время врет, сколько мы знакомы, черт его дери!

— Ты заявился ко мне в квартиру без капли волшебства. Живехонький, — возразила я, чтобы хоть за что-то зацепиться.

— С чего ты взяла, что я был совсем без волшебства? — едко ответил он. — С чего ты вообще взяла, что понимаешь, как устроен мир?

— С того, что ты мне никогда ничего толком не объяснял! — не сдержавшись, я толкнула его. Лестер уперся ногами в пол, чтобы не потерять равновесие.

Спокойно. Спокойно, Вера. Мы потом разберемся с этим. Когда выберемся.

Я провела рукой по волосам.

— Ты знаешь, как его достать? Как достать Эдгара из Тёмы?

— А сама как думаешь? — мстительно проскрежетал Лестер, и мне почудилось злорадство в его голосе. — Подумай своей безмозглой головушкой.

— Я думала, Эдгар среагирует на беспомощность.

Лестер сухо рассмеялся. В тишине этот звук прозвучал зловеще.

— Если бы это работало, ты была бы уже в тисках своего чудовища. Но у него нет тела, насколько я понимаю. Пострадал, когда ты... В общем, придется тебе подарить ему тело этого глупого мальчика. Если, конечно, хочешь снова его увидеть.

Моя рука на волосах сжалась. Кажется, еще немного, и я просто выдеру их.

— Ты мне предлагаешь убить Тёму?

Рядом пошевелился Антон.

— Не надо, — он смотрел на меня немигающим отрешенным взглядом. В одном ухе у него запеклась кровь, лицо расчертила гримаса боли. — Не бери грех на душу. Что-нибудь испортишь.

Ну да. Это же я увязалась за маньяком-убийцей и дала себя связать.

— Зато ты все сделал правильно, — огрызнулась я.

Кинув последний взгляд на Лестера, я вернулась к стене и в сотый раз провела по ней ладонью. Мысли разбегались. Мало того, что Лестер... даже мысленно не хочу произносить это. Так еще, чтобы добраться до Эдгара, надо убить Тёму.

Убить человека. Который пахнет арбузной жвачкой. И сигаретами. И... Я хотела хотела постучать по стене костяшками пальцев, но вместо этого долбанула по ней кулаком. Звук получился, как от фанеры.

— Я же сказал тебе ждать в машине.

Я обернулась. Антон сверлил меня мрачным взглядом исподлобья. Видеть его таким мне было легче, чем на полу без сознания, зовущим покойную невесту. Но показывать это я не собиралась.

— Если ты не заметил, в мои планы не входило превращаться в Ледяную тетку.

— А сказать не судьба была?

— Ты был бы против!

— А ты, видно, все знаешь наперед!

Я отвернулась. Продолжила исследовать стену, постукивая и ища трещины. Откуда-то

же сюда попадает свет. И он не электрический.

— Зачем ты поперлась на кладбище?

— А ты зачем туда поперся? — рывкнула я, и на мгновение даже обрадовалась, что голос звучал гневно. Может, за злостью не будет видно страха.

Наверняка ему хочется пить. Меня и саму начинала мучить жажда. Раньше я могла бы просто представить на полу бутылку воды. Или нож, чтобы развязать Антона. Или что угодно еще, чтобы вытащить нас отсюда.

Я прислушалась к себе. Может, все-таки получится?.. Я подумала о ножницах. Школьные, обычные такие, с черными дужками... Ничего не вышло — ни ножниц, ни хруста в груди.

Может, хоть что-то осталось от Хельги? Но тело ощущалось беззащитным и живым, как кожа младенца. Словно я сама себя разморозила. Ни покалывающего холода на кончиках пальцев, ни ощущения стальных пластин на запястьях. Все это ушло, и я осталась одна в своей голове.

Снова.

Я медленно опустилась на бетонный пол, подогнув под себя ноги. Диван куда-то исчез. Времени оставалось совсем мало — я это чувствовала.

— Вера, — позвал Антон.

Я не поднимала голову.

— Тебе надо вернуть свою силу.

— Нет.

— Иначе ты не спасешь себя.

Я подняла глаза и встретилась с его обреченным взглядом. Так, наверное, смотрит человек, который на последней стадии рака перепробовал все лекарства и просто приготовился умирать.

— Мне не нужна эта сила, — упрямо повторила я.

— Дура, — тихо выругался Лестер.

Антон не отреагировал.

— Он скоро вернется, — предупредил он.

“Конечно, вернется, — мрачно подумала я. — На тебе еще столько здорового места”.

И снова принялась простукивать стену.

— Опиши, что ты видишь, — попросил Лестер, когда я простучала всю комнату вдоль и поперек.

То ли от скуки, то ли из-за нависшей опасности, но мы снова разговаривали.

— Серые стены, потолок так высоко, что почти не видно. Бетонный пол.

— И все?

— Все.

Лестер помолчал, втягивая в себя воздух.

— Когда я только начал делать то, что делает этот щенок, сперва получалось из рук вон плохо. Облако выходило, как подушка, мраморный пол на ощупь был такой же, как деревянный, сладкое пирожное на вкус напоминало бумагу. Я не мог вообразить что-то действительно новое. Прошло больше года, прежде чем у меня стали выходить реалистичные фантазии, около пяти — пока я смог расширить их на других, — Лестер погладил пол длинными пальцами. Потом постучал по нему. Звук был пустой. — Ты сказала, что пол

бетонный.

— А ты догадливый, волшебник.

Тема стоял у стены. Антон прожигал его взглядом, и он, улыбаясь, скользнул к нему своей плавной танцующей походкой.

— Где ты был? — спросила я самым нейтральным голосом, на какой была способна.

— А ты скучала? — любезно поинтересовался Тёма и достал из кармана нож странной формы. Он вытащил еще что-то, и, только подойдя ближе, я смогла разглядеть бутылек с темной жидкостью. В таком же Дарина дала мне живую воду.

— Это яд? — тупо спросила я.

Тёма заглянул мне в глаза, и снова робкая улыбка осветила полные губы.

— У мамы таких много. Она не заметит, что один пропал. Я подумал, ты захочешь выбрать, как убить своего слугу. Яд или нож?

Столько надежды было в его взгляде. Столько предвкушения.

И я приняла решение.

— Хочу, чтобы он помучился, — с чувством ответила я. — Я выбираю нож.

— Какая ты... — восторженно отозвался Тёма. — Прошу.

Изящным движением он создал диван на прежнем месте, и я забралась на него с ногами.

Антон молчал. Он больше не пытался ударить Тёму, не пытался избежать лезвия, когда то прижалась к его шее, и, кажется, просто приготовился к неизбежному.

— Смотришь?

— Смотрю, родной, — откликнулась я, чувствуя, как сердце делает последний удар, прежде, чем, по ощущениям, замрет навеки. И тут же хлопнула ладонью по колену. — Яд! — Тёма вздрогнул, по горлу Антона поползла одинокая красная капля. — На уроке у Юли ты хотел убить меня таким же, да? Признавайся!

На самом деле я не знала точно, был ли тот обморок неудавшимся убийством, но Эдгар ненавидел обвинения и резкие громкие звуки. Кажется, подействовало — я уловила перемену в лице и фигуре Тёмы. Он ссутулился, но при этом стал как будто выше. Брови сошлись на переносице, словно он только и делал, что хмурился.

Ну же. Выходи.

Тут в дальней стене отворилась дверь, и у самой кромки псевдобетонного пола появилась Кристиночка в белом платье. В ту же секунду мимо меня со свистом пролетел клинок, а на груди девушки расплылось красное пятно.

Кристиночка застыла. Губы выгнулись удивленной буквой «О». Из груди ее торчал нож с серебряной рукояткой. Невидимая дверь захлопнулась за ее спиной, и Кристиночка мешком свалилась на пол.

— А кровь всегда настоящая, — донеслось до меня бормотание Лестера.

Кристиночка булькала, силясь сделать последний вздох. Тема подошел к ней и застыл у подергивающегося тела. На какое-то время воцарилась тишина. По всему выходило, что мы находились в танцстудии, причем не одни. Иллюзия действовала только изнутри. Ее можно было разбить.

Я поднялась с дивана и в абсолютной тишине приблизилась к Тёме, краем глаза заметив, что Антон отчаянно мотает головой.

Очень хотелось представить, что Кристиночка не лежит здесь в луже собственной крови, но сил на это у меня больше не было. Тема заглянул на меня. В глазах его плескалась

грусть. Это снова был он.

— Я не хотел, — осипшим голосом протянул он.

— Знаю.

Я взяла его за руку. Ладонь была мягкая. Я почти с ужасом поняла, что уже знаю наощупь бугорки и впадины на ней, знаю, что у большого пальца есть крошечный шрам от ножа, а у запястья небольшая ямка. Я старалась смотреть только на наши сцепленные руки — моя теперь тоже была в крови, и она быстро засыхала, стягивая кожу.

— Вера, — вдруг проговорил Тёма, подняв на меня бездонные глаза, и показался лет на пять старше, чем был. — Может, я зря это затеял. И надо отпустить тебя. Но у меня рядом с тобой такое ощущение... Как будто еще чуть-чуть, и наступит абсолютное счастье. Я все время думал об этом, с тех пор, как тебя увидел — я должен что-то сделать, чтобы ты увидела, и тогда... не знаю. Когда мы танцевали, меня накрыло ощущение, которое я никогда не испытывал. Будто куда бы я ни пошел, ты последуешь за мной. Юля хотела, чтобы я всегда был с ней. А ты шла за мной, и это было так... правильно. Я пытался отравить тебя, это правда, но быстро понял, что мне не травить тебя надо... — он выдохнул, не находя слов, и я почти возненавидела себя за то, что собиралась сделать.

— Ничего, — тихо ответила я. — Я же не умерла.

— Ты так на меня смотришь... — прошептал он, взглядываясь в мое лицо, и я не отстранилась, когда он провел большим пальцем по моей щеке.

“Прости меня”, — подумала я, а сама произнесла:

— Мне тоже понравилось танцевать с тобой.

Лестер позади нас крикнул.

— Ты же знаешь, парень, оно так не работает. Девушкам нравится получать в подарок что-то кроме ведра человеческой крови. Это называется романтика.

— Вера не из тех, кому нужна романтика, — возразил Тёма, но голос его прозвучал неуверенно.

— Я родился в восемнадцатом веке. Поверь мне, с тех пор ничего не изменилось.

Лестер к чему-то его подталкивал. Тянул время. Но я знала не хуже него: время истекает. Антон лежал раненый, Кристиночка у наших ног была страшным свидетельством того, кто передо мной на самом деле.

Эдгар так просто не успокоится. Дальше будет хуже.

Я погладила раскрытую ладонь Тёмы.

— Хочешь, снова потанцуем?

Он благодарно улыбнулся. Под резкий выдох Антона мы поднялись, и он обнял меня за талию. Реальность снова слизнуло, цвет стен сменился на темно-синий, на мне вместо джинсов и рубашки появилось голубое шифоновое платье с рукавами-фонариками, как у Золушки. На ногах сияли золотые танцевальные туфельки.

— Как я люблю это, — мечтательно вздохнул Лестер и даже мне не было слышно фальши в его голосе. — Ты в платье, моя радость? Наконец-то. Расскажи, какое оно...

Я почувствовала, что Тема напрягся — если я по-прежнему слышу Лестера, иллюзия совсем хлипкая. Лестер дает мне подсказки. Все время к чему-то толкает, а я не понимаю, к чему.

— Длинное, — осторожно ответила я и положила руку поверх черной туники на теплое плечо Тёмы.

Он сделал пару шагов в сторону, двигаясь в неслышном мне ритме, и я последовала за

ним. Он вел мягко и уверенно, и я заставила мышцы расслабиться.

— Совсем, как когда ты танцевала со своим чудищем, — задумчиво продолжил Лестер. — Помнишь?

Эдгар не умел танцевать, но Тёма об этом не знал. Он отклонил меня назад, и я позволила опустить меня так низко, что волосы коснулись пола.

— Каким чудищем? — спросил он, щекоча мне шею дыханием.

— Он о том, за кем я ушла из мира три года назад, — объяснила я, чувствуя, что не могу заставить себя произнести имя Эдгара вслух.

Тема остановил меня в центре зала и даже отошел на несколько шагов. Он смотрел на меня долгим пронизывающим взглядом.

— Хочешь снова его увидеть? — спросил он со странным видом. Я застыла. Вот оно. Умница, Лестер. — Я могу это устроить.

— Ты же его не знаешь, как он выглядит, — осторожно заметила я. — Ты не сможешь представить то, чего не видел.

— Лестер прав. Ведро крови — не тот подарок, который преподносят девушке. Я хочу исправиться, — Тема прижал мою ладонь к груди. Я чувствовала, как часто бьется его сердце. — Представь на минуту, что я — это он.

— Ты вернешь мне силу?

— Это же романтично? — он коснулся губами кончиков моих пальцев, и я почувствовала легкий толчок. Сила, которую я никогда не отделяла от себя, вернулась, разлеглась в теле, как кошка, незаметно и тепло. — Одна минута, — напомнил Тема.

Я подняла на него глаза. Только бы ничего не отразилось на моем лице...

Мысли устремились к Антону. Скотч наверняка очень тугой, и руки уже затекли. Но им нужно облегчение, свобода. Следы на руках останутся, останется стянутость, одна рука по-прежнему будет слушаться хуже — сила Хельги навсегда ее ослабила. Ноги устали от напряжения, но способны двигаться. Он свободен.

— Получилось? — сила утекла обратно к Теме, как будто ее втянула губка. Он не отрывал внимательного взгляда от моего лица. — Я могу сохранить это обличье. Если хочешь.

Не подведи меня.

Я приблизилась к его лицу и, привстав на цыпочки, прикоснулась к губам. Его рука тяжело легла мне на затылок, оттягивая волосы.

— Почему я тебе не верю, — с горечью прошептал он мне в губы.

Я теснее прижалась к знакомому телу.

— Почему же?

Давай, Антон.

Краем глаза я увидела замах локтя, а потом скорее почувствовала, чем увидела, как удар сотряс тело в моих объятьях. Одновременно бок пронзила горячая боль. Когда он успел достать клинок из тела Кристиночки?.. Но удар вышел косой — Тема почти сразу рухнул на колени. За ним стоял Антон, потирая локоть.

— Хорошо, — довольно сказал Лестер. — Хорошо. Я уж думал, ты никогда не сообразишь, моя радость.

Зажав рану, я наблюдала, как Тема растянулся на полу. Глаза его постепенно закатывались.

Комната постепенно превращалась в знакомый мне танцевальный зал. Зеркала отражали вечерний свет, в окна под потолком было видно кусочек голубого неба.

Небо. Как хорошо просто смотреть в небо.

Оказывается, я тоже лежала на полу. Бок неприятно пульсировал. Вряд ли рана смертельная — Эдгар бы не убил меня. По крайней мере, не до того, как мы поговорим.

Я мельком глянула на себя в зеркале. Волосы растрепаны, джинсы и рубашка в пятнах — наверное, остались с кладбища, — щеки белые со следами слез, глаза широко раскрытые, страшные.

Конечно, страшные. Я же только что помогла убить человека. Вот-вот его глаза закроются навсегда. Прости, Тёма. Я знаю, я чудовище. Но мне нужно добраться до еще одного чудовища...

— Зажми рану, — скомандовал надо мной Антон. Некогда белая футболка спереди пропиталась кровью, руки обвивали красные следы от скотча. Но все это его, кажется, не интересовало. Он осматривал меня, заставляя поворачиваться, как неваляшку. — Он тебя еще где-то ранил?

Разве он не должен злиться? Я же предала его. Разморозила. Ему, должно быть, очень больно. А он спрашивает, ранил ли меня Тёма.

Антон сгрел полу моей рубашки в кулак и прижал к ране.

— Подведи меня к нему! — двигаясь со стянутыми ногами, как гусеница, Лестер вслепую полз к нам. — Мне нужна моя сила.

Я перевела взгляд на него. Двигать глазами было больно.

Я вложил в тебя больше волшебства, чем Бог при сотворении человека.

Значит, моя сила была всего лишь отголоском его. И он не собирался мне об этом говорить. Примерно никогда. Кто я такая, чтобы знать, верно? Всего лишь очередное его творение. Остальные, видимо, умерли. Поэтому он так настаивал, чтобы я не оживляла предметы. Это не мне пришлось бы заплатить высокую цену, а ему.

Представляю, как он рассердился, когда я создала Эдгара.

Антон посмотрел на меня, как бы спрашивая, что с ним делать. Удивительно, как быстро он перешел к командной работе. А может, он всегда был на моей стороне?.. Или он все еще надеется, что я верну себе силу Зимней Девы?

Мысли текли тягуче и вяло, как в замедленной съемке. Если Лестер до сих пор слеп, значит, сила к нему не вернулась. Ну так и Тёма еще жив. А когда умрет? Силы Дев уйдут с ним? А волшебство Лестера? Он правда без него погибнет? Не может такого быть. Лестер же всегда был. Он не может исчезнуть.

А если Тёма умрет, но Эдгар так и не появится? Смогу ли я жить, зная, что из-за меня погиб еще один человек? Изможденная девушка в зеркале молча смотрела на меня, скорчившись на полу, и в глазах ее был ответ на все вопросы.

Слишком поздно отматывать назад.

— Поцелуй его, — не унимался Лестер. — Или дай мне взять его за руку. Моя сила должна вернуться. Сделай что-нибудь, Вера!

Поняв, что ничего уже не вижу из-за слез, я резко задрала голову и уперлась взглядом в камеру под самым потолком. На ней красной точкой мигала кнопка записи. Вот значит как. Там, снаружи, просто ждали, чем это кончится.

— Ты... — прохрипел Тёма. Он лежал щекой на паркете и еще дышал. Но двигаться кажется, уже не мог. — Ты...

— Не бойся, — отозвалась я, ловя его полный ужаса взгляд. Я бы действительно взяла его за руку, но боялась, что тогда вся эта волшебная дрянь вернется ко мне. — Это не ты совершал убийства. Ты... — я резко вздохнула, и бок закололо. — Ты хороший человек.

А я плохой.

— Вера, мать Божья, дотронься уже до него!

— Передай там... — я улыбнулась, уже не пытаюсь бороться со слезами. — Передай Косте, если увидишь. Что мне очень жаль.

Дышать становилось все труднее. Нужно кончать с этим. Они не откроют, пока мы не закончим.

— Антон, — позвала я.

— Ты не можешь так со мной поступить! — взвыл Лестер. — Я двести лет носил в себе это волшебство! Это я дал тебе его. Я дал тебе все!

— Больше никакого волшебства, — еле слышно ответила я и всхлипнула.

Это правильно. Я сделала правильный выбор.

Я смотрела на Тему, пока Антон примеривался, чтобы нанести последний удар.

Хрустнули шейные позвонки, и взгляд Тёмы застыл — теперь уже навсегда. Только убедившись, что его больше нет, я позволила себе закрыть глаза. Не знаю, сколько я так пролежала. Звуки померкли, мир на время отключился. А когда вернулся, кто-то склонился надо мной.

— Эта живая, — констатировал знакомый грудной голос. — Проверь остальных.

— Парня своего лучше проверь, — отрезал голос Антона. На мое плечо легла его шероховатая ладонь. — Ее я забираю.

— У меня есть запись!

— Подавись.

Антон... Сейчас он поднимет меня на руки, как всегда, когда по всем законам жанра пора спасать бедную девочку. *Бедную девочку*. Я улыбнулась — или подумала, что улыбнулась. Неужели он так и не понял, что это не меня нужно спасать?

Хорошо, что Эдгар все-таки не убил его.

Ну где же он. Где ты, мое чудовище?

Оглушенная внезапной догадкой, я открыла глаза — никакого потолка в танцевальном зале. Одна непроглядная чернота. Кто выключил свет?

— Антон, — позвала я. Голос прозвучал непривычно тихо. В зале все время было эхо. — Антон!

Ничего.

Я поводила рукой рядом с собой. Ни бетона, ни паркета. Поверхность из гладкой стала рыхлой, как земля. Минуточку. Похоже, это и есть земля.

Я подняла голову, и где-то совсем рядом раздалось приглушенное шипение. Голая земля под спиной, абсолютная темнота и шипение змеи могли собраться вместе только в одном известном мне месте.

— Антон, — последний раз позвала я, но уже знала, что он не откликнется.

Сверху слышались тяжелые шаги, будто кто-то спускался по ступеням.

Я скомкала рубашку и снова прижала к ране, которая все это время, похоже, продолжала кровоточить.

Ну вот теперь сработало. Иди ко мне.

Любимый.

Антон

В беспамятстве мне привиделась Катя. Такая, какой я ее помнил — светлая, лучистая, с розовыми губами и круглым лицом. Кажется, на секунду я очнулся — не знаю, показалось мне или нет — и увидел вместо нее Веру. Она сочувственно смотрела на меня и как будто даже собиралась погладить. Помню, меня прошибла мысль, а потом я снова отключился.

“Ее надо спасти”.

Цель давала силы и воздух. Глушила боль, хоть я и знал, что только на время. Пока я думал о том, как спасти Веру, мясорубка в груди замедлялась.

И вот теперь я сидел на коленях и тупо пялился на пустой пол.

Еще секунду назад Юля что-то говорила про свои записи, Лестер вопил про предательство, и тут бац — минус два человека. Тёма и Вера пропали. Как это вообще возможно? Я так понял, волшебство отключили.

— Юля, подожди.

Я окончательно освободился от скотча и сгрэб Лестера за шиворот. Тот плевался ругательствами, как кобра ядом.

— Слушай сюда, — пока говорил, я резал на нем скотч. Если что-то делать, в груди жгло не так сильно. — Вера исчезла. Тёма тоже. Он не мог выжить. Это она его перенесла? Я думала, ее сила всё.

— Забрала! Гадюка! Бестолочь! Курва! — шептал Лестер сухими губами. Мне показалось, кости и кожа его еще больше истончились под выдавшей виды туникой, а волосы так вообще стали прозрачными. — Все ради своего этого...

Я встряхнул его.

— Где их искать? Думай быстро. Она ранена.

— Как она могла? Не оставила ни крошки. Ни вот столечко!..

— Я же сказал, — повторил я, еле сдерживаясь. — Думай быстро. Где. Ее. Искать?

— Неблагодарная, своенравная....

— Лестер, твою мать! — я снова встряхнул его. — Этот чувак, про которого ты мне рассказал, чудовище — он был внутри Тёмы?

Он отполз от меня и стал как будто еще более прозрачным.

— Ты обещал спасти мое волшебство!

— Отвечай! Он был внутри?

— Долго же до тебя доходит, охранник.

У меня медленно выстраивалась цепочка. С самого начала Вера должна была умереть. Потому что заняла место Хельги. Потому что не хотела его занимать. Потому что ее история с Эдгаром не закончилась.

Ну уж нет.

— Ты ее не спасешь, — Лестер, совсем уже прозрачный, нацупал мою руку — совсем как Вера, когда хотела сказать что-то важное. — Судьба у нее, видно, такая. Три года назад она от него не отходила. И все это время хранила в душе, раз он ожил, да еще такой сильный. Она сама его питает.

— Типа она сама дает ему силы, чтобы он ее убил?

— Именно, охранник, — отрешенно отозвался Лестер, тая у меня на глазах. — Именно.

Вера

Я не видела Эдгара три года, но, кажется, он сопровождал меня каждый день: смотрел из глубины глаз Тёмы, обнимал во снах, следил из отражения в зеркале. Я помнила его до

мелочей — нависшие темно-русые брови, редкие волоски на щеках, крепкие красные руки под вечно закатанными рукавами сорочки, — и все равно удивилась, увидев спустя столько лет во плоти.

Эдгар спустился в подвал, держа перед собой лучину. Та всполохами освещала его лицо — бледное, решительное, с рытвинами и шрамами. Он был одет в рубаху и холщовые штаны из девятнадцатого века — такие же, как три года назад.

— Здравствуй, Вера.

Он криво улыбнулся и подошел ко мне. Змея шипела где-то совсем близко, и я старалась лишний раз не двигаться. Глупо будет погибнуть от укуса гадюки после всего, что я пережила.

Во рту пересохло, мой голос прозвучал совсем хрипло:

— Здравствуй.

Он протянул мне руку. Моя ладонь легла в шершавые пальцы, и он рывком поднял меня на ноги. Бок тут же отозвался болью.

— Иди за мной, — сказал Эдгар и, не выпуская моей руки, потянул меня к лестнице из подвала.

Ступени отчаянно скрипели, пока я покорно поднималась по ним на первый этаж. Где-то стрекотал кузнечик, влажный воздух подбирался из темных углов. На первом этаже мало что можно было разглядеть, но я была почти уверена, что тут ничего не изменилось. Те же ободренные стены, тот же земляной пол — доски давно уже сгнили.

Три года назад я так же шла за Эдгаром по дому, и он так же почти до боли сжимал мою руку. Потом появился Костя. Или он пришел, когда мы были на втором этаже? Сейчас туда уже не подняться: в неверном свете лучины я видела, что провалы в лестнице были по две — три ступени. Те, что остались, вряд ли выдержат мой вес.

Но Эдгар неожиданно потянул меня именно туда.

— Идем.

Он первым взошел на ступени, и мне ничего не оставалось, кроме как идти следом. Кажется, я переоценила свою силу воли. Рядом с Эдгаром она таяла, как таяла моя душа, перетекая в него. Я карабкалась вверх, сама не понимая, откуда берутся силы. Ступени отчаянно шатались под моим весом, кое-где шаги приходилось делать такими широкими, что в бедре отдавалась боль от чрезмерной растяжки. На каждый бок отзывался ноющей, рваной болью.

Ступенька, ступенька, еще одна. Эдгар тянул меня все выше.

Когда-то вот так же навстречу своей смерти поднимался Костя.

На самой верхней я замешкалась. Оглянулась вниз. По моим воспоминаниям высота была не такая большая — меньше двух метров. Но сейчас казалось, что лестница уходит основанием в бездну. Из глубин сознания поднялась другая картинка — та же лестница, тот же провал за моей спиной. И толчок в грудь.

Я обернулась к Эдгару.

Посмотри на меня. Посмотри, мое чудовище.

Эдгар поднял на меня глаза, и я окончательно вспомнила. Когда он расправился с Костей, я не обняла его. Я на него набросилась. Тогда он толкнул меня, и я полетела в эту бездну. А потом... ничего.

Бок дернуло так сильно, что из глаз снова полились слезы.

Пазл наконец сложился. Вот как он попал в Тёму. Эдгар столкнул меня и отправился в

мир — и все это время ждал, чтобы закончить начатое.

Я сглотнула, инстинктивно пытаюсь схватиться за поручень, хотя никакого поручня не было — только хлипкие ступени, и я балансировала на последней. Эдгар не позволял мне ступить на площадку второго этажа. Он по-прежнему держал меня за руку, скользкую от крови, но теперь не для того, чтобы удержать от падения, а чтобы не пустить наверх.

— Вспомнила, — удовлетворенно сообщил он будто сам себе и расплылся в той же отвратительной улыбке, с какой Тёма собирался пытать Антона.

Мне оставалось молча кивнуть. Голова была как в тумане.

— Ты никогда не станешь сильнее меня, Вера.

Лучина осветила его лицо, и я увидела вертикальные зрачки и непропорционально тонкий нос с горбинкой.

Вдруг из темноты послышался шорох. Кто-то осторожно ступал по земле. Походку я узнала сразу. Но такого просто не может быть.

Эдгар скосил глаза вниз. На нас смотрело дуло пистолета. Антон сжимал его вытянутыми руками и не двигался, наблюдая за нами сквозь прицел.

— Не стреляй! — прохрипела я.

— О, так ты вспомнила, что любила меня, — Эдгар любовно коснулся оловянного кольца на моем пальце и наклонился так близко, что его дыхание шевельнуло волоски у меня на шее. — Смотри, как все повторяется, — в голосе слышались издевательские нотки, а рука по-прежнему сжималась на моем запястье, не давая шагнуть ни вперед, ни назад. — Просто знай, что когда я убью и его тоже, ты сделаешь это напару со мной. Я никогда не был один, маленькая Вера.

Я вздрогнула. Так меня называл Костя, но Эдгар не мог этого знать. Если только он не... Я вгляделась в зеленоватые глаза. Если только он действительно не разделил все мои воспоминания, а я — его.

Меня накрыли новые видения. Приглушенный крик, корчащееся подо мной тело. Когда нож вошел в горло, Костя еще пытался вдохнуть, хватал ртом воздух и смотрел прямо на меня — на нас — и знал уже в ту секунду, что все кончено.

— Не стреляй, — повторила я мертвым голосом.

Антон сделал пару шагов — подошвы еле слышно скрипнули по земле — и замер.

— Кто он тебе? — настороженно спросил он.

— Он — моё... — сдавленно прошептала я, глядя прямо в вертикальные зрачки. — Моя душа.

Молчание. Я почти видела, как Антон шурится, вглядываясь в темноту.

— Да ну, — произнес он, и на этот раз я различила призрачный неуверенности. — Он же даже не...

“Не человек”, — закончила я мысленно.

Конечно, не человек. Чудовище. Ну так и я чудовище, разве ты этого еще не понял?

Эдгар втянул в себя мой запах.

— Убить его на твоих глазах? — прошептал он мне на ухо, и по звуку его голоса я поняла, что он улыбается. — Или наконец поможешь мне? Тебе же хочется. Тебе всегда хотелось это сделать самой. Заглянуть в глаза жертвы. Уж я-то знаю...

— Вера.

Снова шаги. Теперь Антон, кажется, стоял под самой лестницей.

— Не стреляй, — уже без всякой надежды выдохнула я.

— Узнаю свою Веру, — довольно зашипел Эдгар. — До последнего хочешь быть хорошей. Мальчику ты нравилась. Каждый раз, когда я хотел с тобой покончить, он сопротивлялся, — я прикрыла глаза, но даже так отчетливо слышала змеиное шипение, которое нет-нет, да и прорезывалось в его голосе. — Зря ты его убила. Потому что теперь тебя убью я.

Пальцы, пахнувшие табаком и железом, легли на горло. Перед глазами почернело. Еще пару мгновений, и я рухну в подвал с гадюками от потери крови — Эдгару даже не понадобится меня толкать.

— Уходи, Антон, — вымучила я заплетающимся языком, чувствуя, что вот-вот потеряю сознание.

Не может он быть таким идиотом, как Костя. Он же где-то там служил. Наверняка им рассказывали, что от психопатов вроде нас с Эдгаром надо держаться подальше.

— Ты умрешь, если я застрелю его? — донесся из-под лестницы его голос.

— Не надо.

— Просто ответь.

— Довольно! — рявкнул Эдгар.

Пальцы на горле сжались, и на короткий момент туман перед глазами рассеялся — я снова увидела вертикальные зрачки.

— Давай, — выдавила я.

Слезы заливали щеки и шею, из носа текло. Кажется, я знаю, почему рану так дергало — все это время я беззвучно рыдала.

Давай.

Как жаль, что во мне не осталось ничего хорошего. Кроме Эдгара у меня на самом деле никогда никого не было. Только он, моя заблудшая тень, всегда был рядом. Смотрел на меня из глубины моих собственных глаз, пока я не продумала его достаточно, чтобы отделить от себя.

Моя бедная одинокая Вера. Мой несчастный выдуманый Эдгар. Я знаю, что тебе страшно. Но я с тобой.

Я всегда буду с тобой.

Холод пробрался под кожу, я уже почти ничего не чувствовала. Губы все повторяли “не стреляй”, но мне казалось, я слышу, как палец Антона плавно ложится на курок.

Вдруг хватка на горле обмякла, и кто-то обхватил меня за талию, резко прижимая к себе. Я открыла глаза, но ничего не увидела. Кажется, Эдгар обнял меня, как когда-то очень давно, когда я, впервые его увидев, буквально бросилась ему на шею, решив, что больше никогда не буду одинокой.

С правой стороны рука уже не слушалась, но я смогла приподнять левую — и нанести тот единственный удар, на который была способна.

Я обняла его.

— Не бойся, — прошептала я, не сомневаясь, что Антон вот-вот выстрелит. Лицо Эдгара расплывалось перед глазами, мое лицо было мокрым от слез, тело превратилось в невесомую субстанцию с горящей точкой боли в боку, но я смогла произнести последние слова: — Я с тобой.

В тот же момент в грудь что-то толкнулось, упругое и мягкое, как мячик. Ступенька подо мной растаяла, как будто ее и не было. Там, где все это время росла дыра, растеклось восковое тепло. Я почувствовала, что все осколки души собрались воедино — и полетела

вниз.

Антон

Я поймал ее. В этой гребаной усадьбе с крапивой и гадюками. Еле успел отбросить пистолет. И поймал. Мы вместе повалились на пол.

Я все сделал правильно. Я нашел ее. Успел. В кои-то веки. Вера потеряла много крови, она была почти в беспамятстве. Но она поправится.

Я прижал ее к себе. В груди по-прежнему творился ад, но все перекрывало это осознание. В этот раз я успел.

— Все хорошо, — сказал я ей на ухо и уткнулся в макушку. Волосы еще пахли шампунем. — Я держу тебя.

Она еле заметно кивнула.

Нужно было осмотреть ее. Отвезти к врачу. Но я никак не мог заставить себя разжать руки.

Вера подняла ко мне залитое слезами лицо.

— Как ты меня нашел?

— Я бывал здесь раньше. Долгая история.

Мгновение мы лежали неподвижно. Потом я спросил:

— Где он?

Вера тихонько вздохнула. И, высвободив левую руку, прикоснулась к груди.

— Здесь, — прошептала она совсем тихо. — Он всегда был здесь.

Эпилог

Я открыла файл под названием “Перечень специальностей высшего образования” и в очередной раз пробежала его глазами. Специальности я выучила уже наизусть, но толку от этого было мало. Каждый раз, когда я пыталась вникнуть в перечень требований, перед глазами вставали голубоватые стены студии и Тёма, лежащий на полу.

Я зажмурилась. Сосредоточься, Вера. Соберись. Попробуй оттолкнуться от экзаменов. Русский и математика остались обязательными — с ними ты как-нибудь справишься.

Справилась же с Тёмой.

Я пролистала профессии. Менеджер звучит достаточно нормально. Но туда нужна история, а из дат я помнила разве что Куликовскую битву. Для юриста тоже нужна история. Лингвист-переводчик уже проще, там предлагают сдать литературу. Перечитать книги из школьной программы я как-нибудь смогу. Но лингвист-переводчик — это же филолог, верно? Костя тоже был филологом. Интересно, что бы он сказал?.. Наверняка что-то про мое личное кладбище, которое растет с каждым годом.

Я со вздохом щелкнула мышкой, выискивая в сохраненных страницу “Английский для детей”. Мама предложила найти пару школьников, чтобы подтянуть им английский. Зря я, что ли, три года провела в Америке? А нам как раз нужны деньги — она не потянет два рта вместо одного. Present Simple, Present Continuous, Past... Я закрыла ноутбук. Кого я обманываю? Даже если бы я сносно знала язык, нельзя подпускать меня к детям на пушечный выстрел.

Нужно было Антону все-таки выстрелить в том подвале.

Я провела рукой по лицу, прогоняя видение, и устала в окно. Там лениво расцветал август, утопая в аромате поспевающих яблок. Последние две недели погода не менялась. Пару раз накрапывал дождик, но ветер не поднялся даже немного. Похоже, Юля и правда больше не управляла погодой, и мир от этого не сгинул и не схлопнулся, а просто тёк себе

дальше по ленте времени, как сотни лет назад.

Я медленно вздохнула и привычным движением поправила повязку под кофтой. Рядом завибрировал телефон. Смска была от Антона.

“Как твой бок?”

Раз в день он спрашивал, как мой бок, я — как его ухо. Чтобы он соизволил показаться врачу — хотя вряд ли веселый толстый дядька, к которому мы тогда приехали, был врачом, — мне пришлось в буквальном смысле встать в позу. Получив шесть швов и лошадиную дозу обезболивающего, я тяжело поднялась с кушетки и, оперевшись на косяк двери, заявила, что не уйду, пока «этот бездушный садист» не осмотрит Антона.

Я открыла «Сообщения».

“Все ок. Как ты? Как Ваня?”

Каждый день я ввращивала свое «как ты», и каждый день Антон сообщал мне что угодно, кроме ответа на этот вопрос.

Лестер бы сказал: «А что ты хотела?», но Лестера не было слышно с того момента, как он заверил меня, что умрет без волшебства. Наверняка он не появлялся, чтобы проучить меня. Третьего человека на своем личном кладбище я точно не переживу.

“Ванька еще спит, но проснется. Не волнуйся”, - написал Антон.

“Когда?”

“Как Фрося родит”.

Я ошеломленно перечитала сообщение. Фрося родит — кого? Они что, не?..

“В смысле ребенка?” — переспросила я и тут мысленно дала себе щелбан.

А кого еще можно родить? Неведому зверушку?

“Да”.

Я тихонько вздохнула, чувствуя, как рану начинает дергать. Он же не хотел. А уж она как не хотела...

“Это точно известно?”

“Я знал это с самого начала”.

Еще три глубоких вдоха и выдоха не помогли. Я осторожно дотронулась до грудной клетки кончиками пальцев, пытаюсь понять, где больно. Болела кожа. Или сама душа.

В последние недели я часто вспоминала, как Антон прижал меня к себе в усадьбе — как будто я самое дорогое, что у него есть. Иногда я использовала это воспоминание, чтобы заснуть, иногда — чтобы проснуться, вырвав себя из марева призрачных образов. Удивительно, но с тех пор, как Эдгар шагнул в меня, кошмары мне стали сниться реже, а ощущение в груди, да и вообще в теле изменилось: вместо дыры появилась комфортная целостность.

“Мы можем увидеться?” — набрала я.

“Давай”.

Я посмотрела на медленно гаснущий экран телефона, точно он готовился выкинуть еще какую-то пакость, и горестно вздохнула.

Ребенок. Господи боже мой. Ребенок!

Раньше на месте кафе, которое красовалось практически на выходе из моего подъезда, был закуток с тополями и лавками. Кафе походило на здоровенную коробку конфет и ничем особенным не отличалось, кроме того, что в нем, судя по вывеске на входе, подавали умопомрачительно вкусный шоколадный торт. А еще там было удобно встречаться тем, кто

недавно пережил операцию и передвигался, как черепаха.

Я пришла слишком рано. Квадратные столики с красными и зелеными вазочками стояли пустые, робкое утреннее солнце раскрашивало их неровными бликами. Антона еще не было. У стойки с пирожными стоял темноволосый накаченный парень в кепке и фартуке с логотипом кафе и протирал стаканы белым вафельным полотенцем.

Парень показался мне смутно знакомым. На всякий случай я села поближе к двери: опыт научил меня не доверять тем, кто с первого взгляда кого-то напоминал.

Не прекращая улыбаться, парень подошел и протянул мне меню.

— У нас очень вкусный кофе, — сказал он вместо приветствия.

Тут я его узнала. Это был один из близнецов с открытого урока Юли. Ну нет, не бывает таких совпадений. Я снова покосилась на стеклянную дверь. До нее было всего ничего, но от мысли, что придется резко куда-то рвануть, швы задергало.

Я бессильно уронила руки на стол и спросила:

— Что тебе нужно?

Парень снова улыбнулся, не показывая зубов, и склонил голову. Когда поллица ему закрыл козырек кепки, меня вдруг осенило — я вспомнила, где в первый раз его встретила. Это был тот самый доставщик пиццы, который не взял денег, когда Лестер пришел ко мне — сколько? месяц назад? А кажется, полжизни.

— Не бойся его, — прозвучал позади негромкий голос Антона.

Я обернулась. Под просторным черным свитером угадывалось очертание кобуры, но руки его спокойно лежали вдоль тела. На щеках темнела трехдневная щетина, под глазами отпечатались круги. На горле и ключицах алели следы от ожогов. Похоже, Антон и не думал их прятать.

Он опустил на меня взгляд, мазнул по лицу и груди и скользнул туда, где под просторной маминой кофтой скрывалась повязка.

— Привет, — Антон неторопливо обошел парня и отодвинул стул напротив меня.

— Это один из Смотрящих. Он безвредный.

— Кофе? — услужливо предложил близнец и склонился ко мне, приготовившись записывать заказ в крошечном блокнотике.

В этот момент я увидела, что в тёмных до черноты глазах клубился туман. Неудивительно, что он прячет их под козырьком кепки.

— Что? — переспросил Антон, поворачиваясь правым ухом. — Погромче.

— Кофе? — повторил близнец.

— Да. Черный, без сахара.

— И мне, — сказал я.

— Хотите шоколадный пирог? — не унимался Смотрящий, еще ниже склоняясь над своим блокнотиком в подобострастной позе.

Вряд ли кусок полез бы мне в горло, но я зачем-то кивнула.

— И шоколадный пирог, — сцепив перед собой руки в замок, добавил Антон.

Похоже, за время, что я была без голоса, он привык озвучивать мои желания.

За столиком воцарилась тишина. Антон смотрел на зеленую вазочку между нами, я — на Смотрящего, который загружал зерна в кофемашину. Мускулы у него были, как у Шварцнеггера в юности. Казалось, черная футболка вот-вот лопнет на бицепсах.

— Кто такие Смотрящие? — спросила я, изо всех сил оттягивая вопрос, на который снова не получу ответа.

— Говори погромче.

— Кто такие Смотрящие? — повторила я.

— А. Наблюдатели за миром, — голос Антона звучал отстраненно. — Они следили за тобой, пока ты спала те три года. Потом когда проснулась. Потом они, видимо, следили за Юлей.

— И теперь снова за мной, — угрюмо закончила я, наблюдая за близнецом.

Сейчас этот юный Шварценеггер вернется, и я точно не задам тот вопрос, который хотела. Я набрала воздуха в легкие и выпалила:

— Ты сможешь жить без заморозки?

Антон не шелохнулся. Лицо его не изменилось, только брови чуть поднялись. Взгляд примерз к сцепленным в замок пальцам.

— Поживем-увидим, — после секундного молчания ответил он.

— Ты злишься?

Я с ужасом поняла, что этот вопрос мучил меня даже больше, чем “куда делся Лестер”.

Тонкие, почти бескровные губы Антона дрогнули от едва заметной усмешки. Она была такой горькой, что мне захотелось провалиться.

— Какая теперь разница. Что сделано, то сделано.

Вернулся близнец с подносом.

— Прошу, — он поставил передо мной белую чашку с пенкой капучино и тарелку с черным, посыпанным сахарной пудрой, тортом.

Я почти с облегчением переключилась на него.

— Зачем ты следишь за мной?

Швы опять задергало.

— Я не слежу. Просто должен передать тебе письмо, — не переставая улыбаться, близнец выудил из необъятного фартука сложенный вчетверо белый лист и положил передо мной. — Удачи, — добавил он и, сунув поднос под мышку, удалился.

Пару секунд я разглядывала лист, размышляя, может ли внутри быть яд. Или лезвие. Или скальпель.

— Может, лучше ты откроешь? — нерешительно предложила я Антону.

Он кашлянул. Подняв глаза, я поняла, что он усмехается, но так же невесело, как до этого.

— Боюсь, опция охранника шла в комплекте с должностью Зимней Девы, — сказал он.

Чашка, которую я несла к губам, дрогнула — мне чудом удалось не разлить кофе. Крепкая горечь, приправленная сладостью молочной пенки, медленно растеклась по небу.

Вот тебе и ответ. Получи, что заслужила.

Я молча взяла лист и расправила его — и сразу узнала старомодный почерк с завитушками. Письмо было от Лестера.

Мы не можем получить все, моя радость. Чем больше то, чего мы хотим, тем выше будет цена. Но когда ты поймешь это, боюсь, меня уже не будет рядом.

Если ты это читаешь, поздравляю — ты выбрала, что хотела. Точнее, думала, что хотела. Нормальную жизнь, не так ли? Обыкновенную, без прикрас и фантазий, которой у тебя почти никогда не было. Хотел бы я сказать “поживи так годик-другой, и посмотрим”, но боюсь, твоего решения уже не отменить, а меня не вернуть.

Что ж, живи. Моя самая упрямая фантазия. Мое маленькое чудовище. Не бойся, я не создавал тебя с нуля, как ты — Эдгара. Я тебя услышал. Тогда, на даче, когда ты плакала

от одиночества, оно было таким громким, что выплеснулось во вселенную, и я нашел тебя. Я протянул через тебя волшебство, как протягивают ток по генератору. Поэтому тебе хватило сил создать Эдгара. Поэтому ты никогда не была одна — как и мечтала.

Тебе придется научиться жить иначе. Учти: я хотел для тебя другой жизни. Хотел и дальше быть рядом. Я почти уверен, что если ты все-таки окажешься рядом со своим чудищем, то скажешь ему то, что я всегда хотел тебе сказать. Угадал? Угадал... Я слишком хорошо тебя знаю.

Живи, Вера. Моё упрямое, нежное, чуткое, сильное и жестокое дитя. Живи за всех, кто погиб по твоей милости.

Дочитав, я поняла, что руки у меня дрожат, а строчки расплываются от непролитых слез. Солнце из больших стеклянных окон немилосердно жгло глаза. Грудную клетку так сдавило, что я не могла сделать вдох.

— Дыши, — голос Антона прозвучал, будто из-за забора. Или из-под одеяла.

Вот бы мне тоже под одеяло. Я потрогала повязку под кофтой. Что ж так больно-то.

— Вера.

— Двадцать лет уже Вера, — пробормотала я, смотря куда угодно, только не на Антона.

Всю неделю я старательно не думала о том, куда делся Лестер. Разум говорил — *он же тебя предупредил*. Но все мое нутро знало, чувствовало, что Лестер не исчез. Он просто не мог исчезнуть. Он же всегда был. Задолго до меня.

— Дыши, — настойчиво повторил Антон, и голос его прозвучал совсем близко. Он опустил передо мной на корточки, и в носу засвербило от смутно знакомого запаха. Это, что, коньяк? — Вдыхай на четыре счета. Раз...

Вместо этого я задержала дыхание, пытаюсь сдержать новый поток слез. Антон взял мои руки в свои — это было так правильно и одновременно так больно, что я уже сама хотела вернуть силу Зимней Девы, лишь бы заморозить собственное сердце.

Антон заглянул мне в глаза. Темно-каряя радужка почти сливалась по цвету со зрачком.

— Дыши, — он несильно сжал мои руки в теплых ладонях. — У тебя швы разойдутся.

Я задрала голову к потолку и случайно поймала свое отражение в стеклянном потолке. Девушка в нем была болезненно худая, в кофте на два размера больше нужного, с острыми плечами и скорбным лицом. Неужели это я? Такая взрослая. Совершенно обыкновенная. С совершенно обыкновенной жизнью, которую мне предстояло научиться жить.

— Прости, — прошептала я. — Прости меня...

Антон поднялся и притянул меня к себе. Я уткнулась в мягкий черный свитер и почувствовала, как на макушку легла тяжелая ладонь. Запах коньяка стал сильнее, но мне было все равно — рядом с ним боль постепенно стихала.

— Ничего, — заговорил Антон так тихо, что подойди к нам кто-то на метр, не услышал бы. — Ничего. справишься. Ты со всем справишься. Дыши.

Больше книг на сайте - Knigoed.net